

Петровская академия наук и искусств

Том № 1 (36)

2011 г.

7519 год от
сотворения мира

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Медный Всадник

Альманах издается при содействии Союза писателей России

Подписной индекс 66019

Санкт-Петербург

Издательская группа:
Денисюк Василий Иванович
Майборода Леонид Александрович
Майборода Юрий Леонидович
Комов Василий Макарович
Русаков Юрий Михайлович

Материалы к изданию подготовлены издательством Русина
Петровской академии наук и искусств

Учредитель — МОО «Петровская академия наук и искусств»
ИНН 7802077184
КПП 780201001
Р/счет 40703810337000000083
ОПЕРУ-4 ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», Санкт-Петербург
к/с 30101810200000000791,
БИК 044030791, ОКОНХ 98400, ОКПО 00064951

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов.
Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать материалы,
не искажая смысла. Рукописи не возвращаются.

Оригинал-макет и полиграфия — «Издательство «Левша. Санкт-Петербург»
197376, Санкт-Петербург, Аптекарский пр., 6, тел. (812) 234-54-36,
тел./факс (812) 234-13-00, e-mail: levsha@levshaprint.ru
www.levshaprint.ru

Подписано к печати 26.04.2011. Печать офсетная. Формат 60x84/8. Печ. л. 17
Тираж 900 экз.

Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Мельников</i>	Поставьте памятник деревне.....	5
---------------------	--	----------

РУССКИЙ АЛЬБОМ.....	6
----------------------------	----------

НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

<i>В. Комовский</i>	Памяти русского поэта Николая Мельникова.....	12
<i>В.А. Шаронова</i>	Ключи жизни Ольги Дубовской.....	23
<i>Г. Манчук</i>	Родионовский ключ (Повесть о деревенской жизни).....	25
<i>О. Дубовская</i>	«Эта земля называется Коми...»	
	Стихи поэтов литературного объединения г. Ухта (Республика Коми).....	57
<i>В. Панибратов</i>	...И да святится имя твое! (поэма о матери).....	62
<i>В. Серков</i>	«Мы воины засадного полка...».....	66
<i>М. Петров</i>	Ветром раскрытые книги.....	69
<i>Г. Горышин</i>	Возвращение снега.....	73
<i>В. Денисюк</i>	Друзьям детства!.....	92
<i>Э. Кузнецов</i>	Колокол.....	93
<i>Н. Коняев</i>	В ожидании переправы.....	94
	Никола хлебный.....	94
<i>О. Кукс</i>	«Смогу обнять коня крутую шею...».....	96

ПРОСВЕЩЕНИЕ

<i>А. Белинский</i>	Русский характер Николая Лескова.....	98
<i>Е.Г. Никитина</i>	Тема патриотизма в отечественном кинематографе.....	100

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА

<i>Д.Ф. Семенов</i>	Современная геологическая наука и образование в свете национальных интересов России.....	113
---------------------	---	------------

ИСКУССТВО

Александра Петровна Пронина (1924–2009).....	115
---	------------

ИСТОРИЯ

<i>А. Обухов</i>	Лужский след в истории Морского кадетского корпуса.....	117
------------------	--	------------

СЛОВО ФРОНТОВИКА

<i>Н. Живилов</i>	«На перепутье».....	119
-------------------	----------------------------	------------

РАТНИКИ РОССИИ

<i>И.П. Смирнов</i>	Поклонимся великим тем годам!.....	134
<i>Е. Святко</i>	Из героических мальчишек.....	137
<i>В. Денисюк</i>	Рудольф Абель.....	139

СЛОВО ПАСТЫРЯ

<i>Митрополит Иоанн</i>	Путь ко спасению.....	144
-------------------------	------------------------------	------------

Поставьте памятник деревне

Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве,
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.

И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.

И два горшка на частоколе,
И пядь невспаханной земли,
Как символ брошенного поля,
Давно лежащего в пыли.

И пусть поет в тоске от боли
Непротрезвевший гармонист
О непонятной «русской доле»
Под тихий плач и ветра свист.

Пусть рядом робко встанут дети,
Что в деревнях еще растут,
Наследство их на белом свете –
Все тот же черный, рабский труд.

Присядут бабы на скамейку,
И все в них будет, как всегда –
И сапоги, и телогрейки,
И взгляд потухший... в никуда.

Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать, хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждет свой смертный час.

Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи помилуй!»
И вера в праведность судьбы.

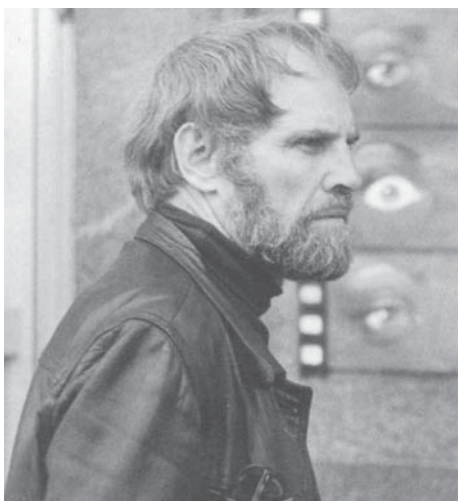
Николай Мельников

РУССКИЙ АЛЬБОМ

Анатолий Викторович ПАНТЕЛЕЕВ

Автор «Русского альбома», академик ПАНИ, лауреат премии ПАНИ им. Ломоносова.

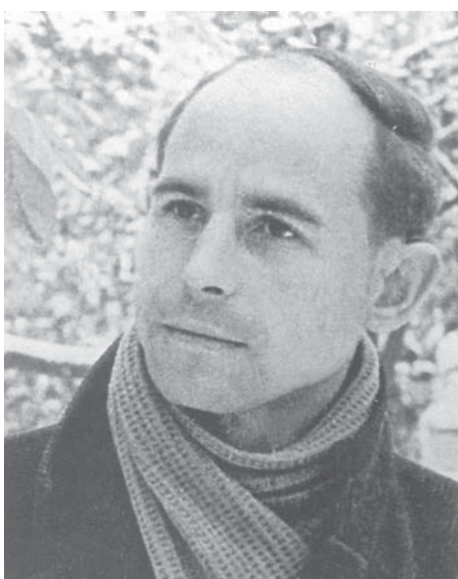

Анатолий Дмитриевич ЗАБОЛОЦКИЙ

Родился 16 сентября 1935 г. в с. Седан Красноярского края. Окончил операторский факультет ВГИКа (класс А. Д. Головни). В разное время работал на киностудиях Таллинфильм, им. Горького, Беларусьфильм, Мосфильм, Ленфильм. Оператор-постановщик художественных фильмов: «Через кладбище», «Безумие», «Обрыв», «Целуются зори» и других. Оператор фильмов В. Шукшина «Печки-лавочки» и «Калина красная».

Заслуженный деятель БССР (1967) и РСФСР. Лауреат премии Ленинского комсомола (фильм «Слово для защиты»).

КИНООПЕРАТОР

Николай Михайлович РУБЦОВ

1936–1971

Родился 3 января 1936 г. в пос. Емецк Архангельской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор сборников стихов «Душа хранит», «Звезда полей», «Сосен шум», «Зеленые цветы», «Подорожники», «Последний пароход» и многих других.

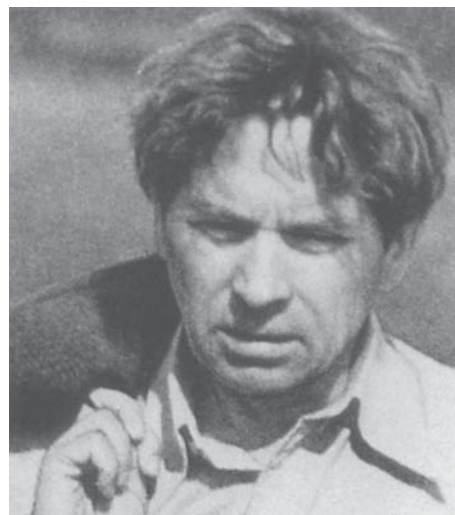
ПОЭТ

Федор Александрович АБРАМОВ

1920–1983

Родился 29 февраля 1920 г. в дер. Веркола Архангельской области. Участник Великой Отечественной войны. Окончил филологический факультет ЛГУ и аспирантуру. Кандидат филологических наук. Автор книг «Две зимы и три лета», «Братья и сестры», «Дом», «Пути перепутья», многих рассказов и повестей. Лауреат Государственной премии СССР. Награжден орденом Ленина.

ПИСАТЕЛЬ

Ольга Александровна ФОКИНА

Родилась 2 сентября 1937 г. в Архангельской области. Окончила Архангельское медучилище и Литературный институт им. Горького.

Автор многих сборников стихов «Маков день», «Камешник», «Колесница», «Матица», «За той за Тоймой» и других. Лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького.

ПОЭТ

Николай Иванович ТРЯПКИН

1918–1999

Родился 19 декабря 1918 г. в дер. Саблино Тверской губернии. Учился в Московском историко-архивном институте. Автор сборников поэзии «Избранная лирика», «Вечерний звон», «Подражая Экклезиасту», «Горящий водолей» и других.

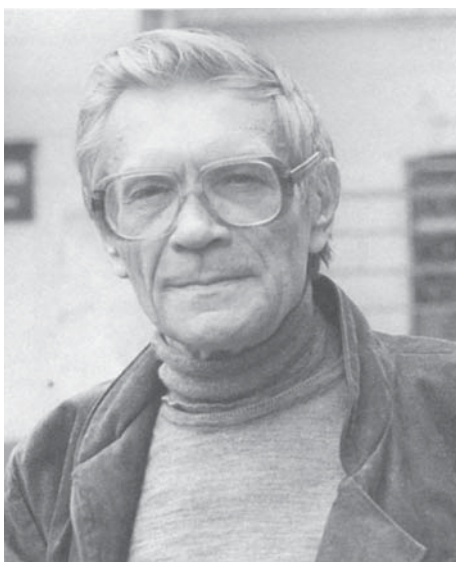
ПОЭТ

ПИСАТЕЛЬ

Виктор Федорович ПОТАНИН

Родился 14 августа 1937 г. в с. Утятском Курганской области. Окончил Курганский педагогический институт и Литературный институт им. Горького. Автор книг «Пристань», «Шальная весна», «Туман на снегу», «Над зыбкой», «Ожидание моря» и других. Заслуженный работник культуры РФ. Награжден орденами Почета и «Знак Почета». Лауреат премии Ленинского комсомола.

КРИТИК, ЛИТЕРАТУРОВЕД

Вадим Валерианович КОЖИНОВ

1930–2001

Родился 5 июля 1930 года в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук.

Автор книг «Виды искусства», «Основы теории литературы», «Николай Рубцов», «Роман Достоевского “Преступление и наказание”», «Стихи и поэзия», «Статьи о современной литературе» и многих других книг, статей и публикаций по вопросам отечественной литературы и истории.

ПОЭТ

Анатолий Константинович ПЕРЕДРЕЕВ

1934–1387

Родился 18 декабря 1934 года в с. Новый Сокур Саратовской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор сборников стихов «Судьба», «Равнина», «Возвращение», «Дорога в Шемаху» и многих других.

Александр Валентинович ВАМПИЛОВ

1937–1972

Родился 19 августа 1937 г. в пос. Кутулик Иркутской области. Окончил филологический факультет Иркутского университета и Высшие литературные курсы в Москве. Автор пьес «Прощание в июне», «Провинциальные анекдоты», «Старший сын», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске» и других. Трагически погиб на Байкале 17 августа 1972 г.

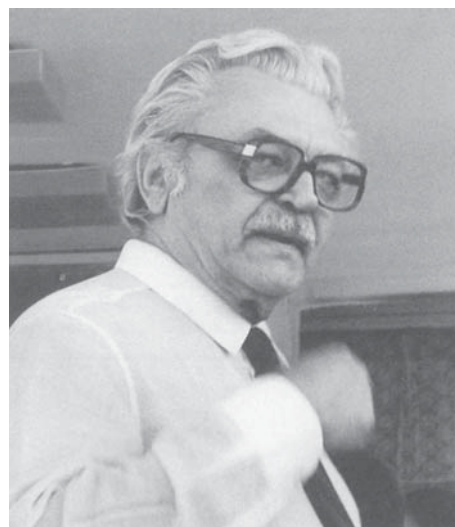

ДРАМАТУРГ

Сергей Федорович БОНДАРЧУК

1920–1994

Родился 25 сентября 1920 г. С началом Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. Окончил театральное училище в Ростове-на-Дону и актерский факультет ВГИКа (мастерская С.А. Герасимова). Создатель десятка ролей и режиссер-постановщик многих фильмов: «Сережа», «Тарас Шевченко», «Судьба человека», «Война и мир», «Они сражались за Родину», «Красные колокола» и других. Профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, народный артист СССР.

АКТЕР, КИНОРЕЖИССЁР

Дмитрий Анатольевич ЖУКОВ

Родился 30 августа в Грозном. В 1944 г. добровольно вступил в ряды Советской Армии, был контужен. Окончил Киевское военное училище связи и Московский государственный университет. Автор романов и повестей «Богатырское сердце», «Несущие смерть», «На Шипке все спокойно», «Авваум», «Владимир Иванович» и других. Автор многих переводов иностранных классиков, а также талантливых литературоведческих книг.

Награжден правительственными орденами и медалями.

ПИСАТЕЛЬ

ПОЛКОВНИК (запаса)

Анатолий Федорович МАСЛИКОВ

Родился 11 июля 1944 г. в пос. Мучкапский Тамбовской области. Окончил Военно-артиллерийскую академию им. М. И. Калинина. В 1982–1984 гг. – выполнял интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. 1987–1995 гг. – начальник военной кафедры Ленинградского университета.

Награжден правительственными наградами.

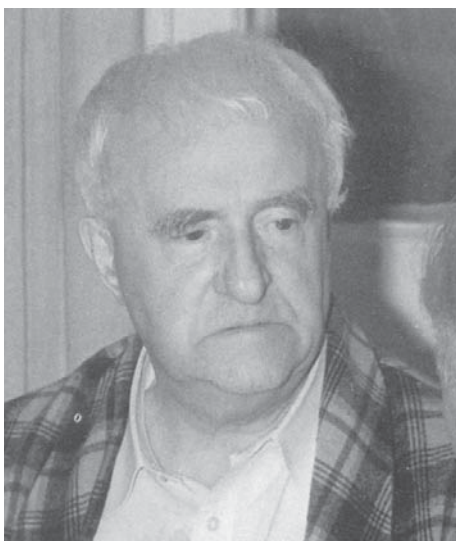
ПИСАТЕЛЬ

Владимир Алексеевич СОЛОУХИН

1924–1997

Родился 14 июня 1924 г. в с. Оледино Владимирской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книг «Владимирские проселки», «Капля росы», «Камешки на ладони», «Черные доски», «Время собирать камни» и многих сборников прозы и поэзии. В 1990-е годы один из руководителей движения за восстановление храма Христа Спасителя.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета». Лауреат Государственной премии РСФСР.

КОМПОЗИТОР

Георгий Васильевич СВИРИДОВ

1915–1998

Родился 16 декабря 1915 г. в г. Фатеж Курской губернии. Окончил Курскую музыкальную школу и Ленинградскую консерваторию им. М. И. Глинки по классу композиции. Автор прославленных произведений «Поэма Памяти Сергея Есенина», «Патетическая оратория», кантат «Курские песни», «Деревянная Русь», музыки к кинофильмам «Время, вперед!», «Метель» и многим другим. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Народный артист СССР.

ИОАНН
(Иван Матвеевич Снычев)

1927–1995

Родился 9 октября 1927 г. в с. Ново-Маячка Николаевской области. Окончил Саратовскую Духовную Семинарию и Ленинградскую Духовную академию. Магистр богословия. Доктор церковной истории. С 1990 г. – митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский.

Член Союза писателей России. Автор книг «Самодержавие духа», «Голос вечности», «Одоление смуты», «Стояние в вере», «Русь соборная» и других. Академик Петровской академии наук и искусств.

МИТРОПОЛИТ
Санкт-Петербургский и Ладужский

Василий Иванович
БЕЛОВ

Василий Иванович Белов родился 23 октября 1932 года в дер. Тимонихе Вологодской области. Окончил Литинститут им. Горького. Автор книг «Сельские жители», «Лад», «Все впереди», «Кануны», «Час шестой», многих пьес и публицистических статей.

Депутат Верховного Совета СССР (1989–1991).
Лауреат Государственной премии СССР.

ПИСАТЕЛЬ

ПАМЯТИ РУССКОГО ПОЭТА НИКОЛАЯ МЕЛЬНИКОВА, 6.03.1966–24.05.2006

Русская глубинка всегда была богата талантами. Сколько известных и знаменитых имен подарила она нашему Отечеству! И маленький отдаленный уголок России, в котором «петухи поют на три республики», в этом не исключение. Когда-то, пока Белоруссия и Украина не стали независимыми, местные деревенские жители ходили друг к другу по делам и в гости, даже не подозревая, что зачастую они по пяти раз на дню нарушают «государственную границу». А ребяташки, случалось, ходили в «заграничные» школы, но не потому, что их папы были олигархами или чиновниками, а потому, что эти школы были ближе всего от их родного дома.

Брянская земля – родина выдающихся поэтов-патриотов, среди которых и знаменитый дворянин Федор Тютчев, и наш современник, православный бард, автор многих духовных стихов и песнопений иеромонах Роман (Матюшин), и «русский Робертино Лоретти», «ангельский отрок», автор песен и певец Максим Трошин, рано ушедший от нас. Небольшой районный городок Злынка на окраине некогда дремучего Брянского леса тоже внес свою посильную лепту в воспитание талантов. Здесь росли, учились, мужали некоторые заметные сегодня в литературе и искусстве наши современники: писатель Анатолий Кривоносов, художник Игорь Сушенков, поэт, режиссер, актер Николай Мельников...

Николаю Алексеевичу Мельникову судьба отмерила совсем небольшой жизненный путь – ровно сорок лет. Подобно яркому метеору пролетел его талант по поэтическому небосклону, оставив после себя звездную россыпь великолепных поэм и стихов. Как уж издавна повелось на Руси, только после безвременного ухода поэта его творчество начинает привлекать больше внимания, чем при жизни. Это правило с полным осно-

ванием можно отнести и к Николаю Мельникову, так и не получившего в те годы широкого признания.

А вот теперь критики стали высоко оценивать его поэтический и песенный дар. Нередко в современных публикациях о нашем земляке его называют «пронзительным русским поэтом» и считают, что если бы он написал только одну поэму «Русский крест», его можно уже было отнести к классикам. Не случайно же за эту поэму и ряд стихотворений, прежде всего, «Поставьте памятник деревне», «Гражданину» и другие в 1995 г. молодой поэт Николай Мельников был принят в Союз

писателей России. Сергей Михалков и председатель Союза Валерий Ганичев назвали стихотворение «Поставьте памятник деревне», этот крик души поэта, хрестоматийным произведением. «Даже если бы он написал только эти два произведения – «Поставьте памятник деревне» и «Русский крест», – он уже заявил бы о себе как великий русский поэт», – сказала о Николае Мельникове лауреат Государственной премии СССР, народная артистка России Людмила Зайцева.

Детство Николая Мельникова прошло в старом русском селе Лысье Брянской области, где он родился 6 марта 1966 г. Родители – простые деревенские труженики. Отец Алексей Харитонович работал шофёром, мать – Раиса Федоровна – дояркой в местном колхозе. В семье росли ещё две дочери – Валентина и Наталья. Отец Николай был очень любознательным и разносторонним человеком, сплывал вокруг себя талантливых односельчан, был очень музыкален, как и его супруга. Поэтому не случайно, что в их семье постоянно звучала русская песня, и дети переняли дар своих родителей: все хорошо пели, у Валентины музыкальное образование, а Николай сочинил много песен на собственные стихи. К сожа-

лению, Алексей Харитонович рано ушёл из жизни и не успел порадоваться успехам своих детей. Раисе Фёдоровне, простой крестьянке, пришлось в одиночку поднимать двух дочерей и сына, и ей это удалось сполна: все выросли порядочными и честными людьми. Николай учился в сельской школе, поступил в Новозыбковское педучилище и проучился там около двух лет, а после смерти отца не покидавшая мечта стать артистом побудила его уйти из училища и поехать в Москву учиться. Для поступления в институт необходимо среднее образование, и Николай вынужден был продолжить учебу в вечерней школе, одновременно работая на консервном заводе в г. Злынке, чтобы помочь матери и сестрам. Он экстерном сдает экзамены за десять классов и в 1982 г. поступает в Государственный институт театрального искусства им. А.В.Луначарского в Москве. Уже на втором курсе института был приглашен сниматься в многосерийном телефильме «Батальоны просят огня». Тогда же Николая призвали в Советскую Армию, где многие написанные им песни стали популярными среди однополчан.

Отслужив два года, Николай вернулся в институт. В 1990 г., окончив актерский и режиссерский факультеты, поступил в аспирантуру ГИТИСа. Потом была работа в музтеатре им. Пушкина, где он играл главную роль в спектакле «Кругосветное путешествие Бертольда Брехта». Как режиссер Николай Мельников поставил спектакль «Мюнхгаузен в России» в «Свободном театре» в Москве. В 1991 г. вместе с Николаем Бурляевым стал организатором Международного кинофестиваля славянских и православных народов «Золотой Витязь» и некоторое время даже был его директором и вице-президентом. Вся рутинная работа по организации фестиваля: встречи с режиссерами и актерами, творческие вечера, доклады и вступительные речи на презентациях, и многое другое лежало на нём. Николай и сам принимал активное участие в концертных программах кинофестиваля. В 1992 г. он записал видеоклипы своих авторских песен «Поле Куликово», «За вас молюсь». На втором кинофестивале, проходившем в Сербии, стал лауреатом «Золотого Витязя» за лучший сценарий видеофильма «Игорь Шафаревич: «Я живу в России» (1994 г.). Николай хорошо знал академика Игоря Шафаревича, выдающегося математика и мыслителя. В работе над фильмом он был и автором сценария, и режиссером, и комментатором. Николай Мельников – автор известных стихов, многие из которых переложены на музыку, за короткий срок стали песнями, поэмы «Русский крест» (1996 г.), ряда так и

неизданных повестей «Щепки», «Сопрано», «Обреченные на свет» и других. Его песни стали народными, стихи читают по памяти в разных аудиториях, а то и печатают без указания имени автора. В творческом наследии нашего земляка лежат до сих пор еще не опубликованными рукописи более четырех десятков стихотворений и несколько прозаических произведений. Тем не менее, его известные стихотворения «Поставьте памятник деревне» и «Гражданину» вошли в «Антологию русской поэзии XX века» – собрание произведений лучших поэтов современности, составленное коллективом авторов под руководством В.Кострова. Николай Мельников в 1996 г. был удостоен литературной премии им. Алексея Фатьянова.

Осенью 2003 г. судьба привела Николая в Оптину Пустынь. Схиигумен обители старец Илия, а в настоящее время Схиархимандрит, духовник нашего Патриарха Кирилла, стал духовником и учителем Николая, благословил поэму «Русский крест» и дал ей свое предисловие, в котором говорится: «...дорога поисков силы и смысла жизни изложена в замечательной поэме «Русский Крест», написанной светлым и певучим языком. И не следует рассматривать эту поэму как историю жизни русской деревни. Это жизнь всех нас, погибающих в безверии и из руин возрождающихся. Нет, мы не можем умереть – мы такой народ – русский, те, кто живёт на этой чудесной земле». С тех пор поездки Николая в эту обитель стали частыми, а три последних месяца своей жизни он жил почти безвыездно в соседнем с Оптиной Пустынью Козельске, в домике старца. По воспоминаниям его близкого друга художника Игоря Сушенка: «Он очень хотел снять художественный фильм по поэме «Русский крест». Уже писал сценарий и должен был сыграть главную роль. Да и кто бы сыграл лучше него! Скольким бы людям затронул душу этот фильм. Уже шли переговоры о возможном финансировании...».

Но 24 мая 2006 г. Николай Мельников был найден мертвым на пустой автобусной остановке в Козельске. Официальная причина смерти – сердечная недостаточность. В его гибели много таинственного и запутанного. Предчувствия своей короткой жизни Николай высказал в этих строках:

...На мне стоит клеймо поэта,
А у поэта на Руси –
Так довелось – недолги лета.
Мне тридцать. Господи, спаси!..

Поэтов нагло убивали
 Во все века, и всякий раз
 Убийц на волю отпускали –
 Другим поэтам напоказ!

Действительно, сколько великих, талантливых и просто замечательных русских поэтов ушло из жизни в расцвете своего творчества. Пушкин и Лермонтов, Есенин и Маяковский, Рубцов и Высоцкий... Нескончаем этот скорбный ряд. Со временем в нем, несомненно, найдется место и для нашего талантливого земляка. Ведь на Руси испокон веков поэтов признавали гениальными только после их смерти. Николай Мельников был певцом русской деревни, достойным наследником Сергея Есенина, Николая Клюева, Николая Рубцова...

Едва ли не все, кто близко знал Николая Мельникова, отзывались о нем как о талантливом поэте, режиссере, актере, божий дар которого так практически и не был востребован в наше бездуховное время. Н.Мельников с горечью говорил об этом когда-то на встрече в редакции Злынковской районной газеты «Знамя»: «Сейчас все отношения с книгоиздателями, газетами, телевидением, театрами строятся на принципе: кто ты, кто за тобой стоит и с какими деньгами. Если ты проповедуешь, так сказать, общечеловеческие ценности, а проще говоря, эстетику, мораль, философию сегодняшней западной культуры – тебе могут быть представлены возможности выступить по московскому или всероссийскому телевидению, в столичной газете или журнале. На телеэкране, различных презентациях мелькают одни и те же лица. Группы людей придумывают различные премии, сами себе их же и присуждают. Посредственного журналиста, поэта, прозаика прозападно ориентированные СМИ могут представить самым талантливым... На телевидении и в кино существует своя группа людей, которая не пропустит произведение чужого. Будь он хоть трижды гениален... Для издания своих произведений надо искать богатых людей, а они не очень охотно дают деньги на искусство...».

Да, Николай Мельников был далек от когорты горластых певцов сомнительных западных «общечеловеческих ценностей», он не мог входить по своим ясным взглядам на судьбу своего народа и своей Родины в их тесные веселые тусовки. За ним не стояли богатые спонсоры с толстыми кошельками, готовые не покуситься на искусство. Не было среди его друзей и влиятельных особ из мира политики и культуры. Поэтому неудивительно, что только незначительная часть

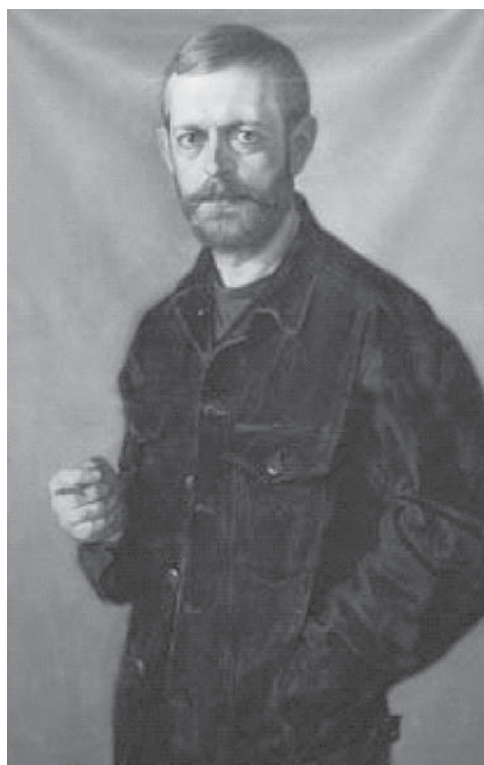
его произведений дошла до читателя, в основном в газетных и журнальных публикациях. При жизни Николая Мельникова издавались мизерным тиражом тоненькие сборники его стихов да поэма «Русский крест».

Современные проповедники западной культуры лишь с усмешками про «квасной русский православный патриотизм» воспримут строки поэта:

Сколько столетий вместе с Христом
 Крест ты несла непосильный,
 И дорожила этим крестом,
 Матушка Русь-Россия.

И никогда понять не могли
 Пришлые иноверцы:
 Сколько же сил у Русской земли
 И что у неё за сердце?!

Эти слова о России им просто неинтересны, следовательно, нет нужды их тиражировать в печати. А поскольку почти все стихи Николая Мельникова наполнены болью о судьбе своей земли, своего народа, – темы совсем не модные на телевидении или радио, – они там до сих пор так и не востребованы. Поэтому его зачастую именуют «малоизвестный русский православный поэт Н.Мельников».

Портрет Н. Мельникова
 кисти его друга Игоря Сушенка.

Поэт боролся, как мог, за гибнущую малую родину – деревню, словно бил в набат, призывая обратить внимание на ее нужды, спасти ее пока не поздно. Ведь гибель русской деревни неизбежно приведёт к гибели России, справедливо убеждал он в пронизанном болью стихотворении «Письмо».

Николай Мельников любил Россию и во многих своих стихах подчёркивал, что главный стержень, главный нерв русского народа – Православная Вера. Всю свою сознательную жизнь он стремился к Богу, выступал за возрождение нашей жизни на христианских началах любви, милосердия и стойкости против соблазнов сомнительных ценностей нынешней цивилизации. Его потрясающая поэма «Русский крест» считается наиболее сильной по духу из всего того, что было написано в последнее время. Поражает простота и глубина слова поэмы, наполненной надеждой и верой в русский народ, способный прозреть и начать строить новую жизнь:

...А в России все с начала
Не впервые начинать –
Истреблялась, исчезала,
А потом, глядишь, опять,

Из-под пепла, из-под праха,
Где чернела пустота,
После крови, после страха
Вырастала – Красота...

Перед кончиной Николай написал сценарий фильма о героических псковских десантниках «За други своя». Кинофильм по его сценарию завершили его же товарищи. Название этого фильма изначально было «Русская жертва», предложенное Николаем. В память о поэте и его сценарии в прокат картина о чеченской войне пошла как «Русская жертва». Премьера фильма уже состоялась в московском Доме кино.

Николай Мельников ушел из жизни в расцвете своих творческих и духовных сил. Задолго до своей кончины поэт оставил стихотворение «Просьба», в которой до деталей предсказывал свое будущее:

...Будет путь у души, а чужое, холодное тело
Повезут из Москвы в те глухие, лесные края,
Где заросший погост утопает в черёмухе белой,
Где родные лежат, где с родными останусь и я...

Эти строки были восприняты как его завещание. Похоронен Николай Мельников на скром-

ном сельском кладбище в селе Лысье под простым деревянным православным русским крестом, о котором он много писал и который прославлял при жизни. Всем нам, живущим на земле, Николай Мельников оставил подобие своего заветания в словах песни «Поле Куликово»:

...Не скорбите ни о чём в этот светлый час:
С нами Бог, за нами Русь, наше дело свято!
Кто останется в живых, тот помянет нас!

Родные поэта вспоминают, что Николай, в стихах которого столько трагизма и боли, был в жизни очень весёлым, лёгким, открытым человеком. В их родном селе всегда ждали его с нетерпением – и взрослые, и дети. Он умел сглаживать конфликты, находил слова утешения в сложной ситуации, обладал даром рассмешить даже тогда, когда было совсем невмозможу. И ещё очень ценное качество было у Николая – умение радоваться чужим достижениям и талантам, что очень редко встретишь у творческих людей. Вот лишь один эпизод. Когда Николай учился в ГИТИСе, он нашёл мастерскую известного художника Александра Шилова, привёл туда своего друга и начинающего художника Игоря Сушенка, убедил мастера ознакомиться с произведениями молодого автора. И Шилов, посмотрев его работы, оценил их. Вскоре Игорь стал учиться в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, в мастерской портрета, возглавляемой И.С.Глазуновым, а со временем стал и известным художником.

Было бы несправедливо думать, что с уходом поэта забылось его творчество, его наполненные чистотой и духовностью горячие волнующие стихи. Это далеко не так. Несмотря ни на что, в России помнят, ценят и любят «пронзительного русского поэта» Николая Алексеевича Мельникова. Его стихи востребованы временем, поскольку они созвучны нашей сегодняшней жизни, нашему общему миропониманию. У Николая Мельникова остались свои верные почитатели, они распространяют стихи поэта всеми возможными способами. Его брянский земляк Александр Цыбульский вместе с группой единомышленников ищет возможности для создания фильма о Николае Мельникове. В Интернете «Земстии» – союз творческих людей, объединённых любовью к православной культуре, уделяет большое внимание и нашему земляку, бесплатно распространяя звукозаписи его стихов и поэмы «Русский крест». Литератор из Сарова Сергей Савенков, ведущий литературно-музыкальной программы, посвятил памяти Николая Мельникова стихотво-

рение «Несмотря ни на что». Известный художник Игорь Сушенков написал портрет своего рано ушедшего друга и оставил личные воспоминания о нем. Вечера памяти поэта состоялись в Доме ученых в г.Сарове, в Культурно-духовном центре Высоко-Петровского монастыря и в Паломническом центре в Москве, близкими друзьями, родными, совместно с обществом «СПАС» организована такая же памятная и трогательная встреча в Брянске. Памяти Николая Мельникова была посвящена радиопередача на радио «Радонеж». Проходят памятные встречи и на малой родине поэта. К одной из них прислал свое приветствие народный артист России Александр Михайлов, в котором вспоминал: «Мне пришлось лично знать и общаться с Николаем Мельниковым – автором пронзительной поэмы «Русский крест», патриотом России и моим единомышленником. Любя свое Отечество, сражаясь за него, веруя в его возрождение, он со всей страстностью любил и свою малую Родину, свою Брянщину. Этой верой, надеждой и любовью было пронизано все творчество Николая. Он мечтал о возрождении духовности в русском народе, возвращении его к своим православным корням. Думал о том, что когда-либо в его родном селе, где он родился, будет построен Божий Храм».

Земная жизнь поэта прервалась, прервалась преждевременно и нелепо, но за ней последовало, к счастью, её духовное продолжение. Продолжение, высказанное Николаем в поэме «Русский крест»:

...Крест ему установили
Тот, что он носил с собой...
Вот и все. Похоронили.
Путь закончился земной.
От обряда погребенья –
Путь тернистый к небесам
И надежда на спасенье...
А народу – строить храм.

Сестра поэта Валентина Алексеевна Шаронова, дай ей Бог здоровья, находит в себе силы не только делиться наследием брата, но и выполнять завещание Николая Алексеевича. Прежде всего, её усилиями началось восстановление храма в родном селе Лысье. Об этом она рассказывает сама: «После смерти брата, в день его поминовения, зашла речь с односельчанами о восстановлении нашей Церкви Успения Пресвятой Богородицы, о которой написал Николай в поэме «Русский крест». Возрождение храма было тайной мечтой всей прожитой жизни брата. Приезжая из столицы домой, к матери, он всегда при-

ходил к развалинам храма, подолгу здесь сидел, что-то писал, даже снял видеоклип с сохранившимися образами святых.

Инициатива строительства храма воодушевила многих. Как положено по Церковному Уставу, взяли благословение, собрали собрание, создали Приход, избрали Председателя Прихода. Началась одновременно и документальная деятельность, которая длилась около двух лет, и разбор того, что осталось от храма. Кто когда-нибудь брался за это святое дело и доводил его до конца – знает, какие следуют тягбы и искушения.

Работа закипела. Разбирали и катили бревна, чтобы погрузить на телегу, пилили деревья, вырубали поросль. Сейчас сжимается сердце, что некоторые жители так и не дождались нового Храма, царствие им небесное. В деревне ведь в основном люди престарелого возраста и большей частью женщины.

Тогда я стала сама ходить по организациям, собирала копейки на Храм, которых едва хватило на получение регистрационных документов. Но по бедности наших земляков и равнодушию чиновников о дальнейшем строительстве приходится только мечтать. Не потянем мы своими силами вот так в одиночку это великое и очень важное для нас дело.

Приезжали на нашу землю и святые отцы. Владыка Брянский и Севский Феофилакт освятил место под строительство, благословил меня и дальше стараться, назначил старостой Прихода. Но больше всего мне запомнились его слова в память о брате, Н.А.Мельникове: «Поэма его будет законченной тогда, когда будет стоять Храм».

Как можно теперь остановить эту деятельность, предать забвению мечту Николая, предать его память, который вдохновил нас на этот подвиг своей поэмой «Русский крест»? А люди? Инициатива многих иссякла, думают о Церкви, как о чуде! Слава Богу, что Господь дает силы тем немногим, которые готовы стоять и помогать до конца.

Мы продолжаем потихоньку работать. Приходится приглашать на помощь студентов из района, отсюда же выписываем технику и ведем сборы средств. В 2010 г., уже по осени, на разборке цоколя (наземная часть фундамента) в Алтарной части Храма нашли медную табличку, заложенную нашими прадедами в 1840 г. при строительстве храма. Но что самое интересное, мы нашли её день в день. Заложена была предками в октябре месяце, 17 числа по старому стилю, и нашли мы её 30 октября по новому, 170 лет спустя!

Что нам Господь хочет сказать этой находкой? Вот оно, его чудо!

Место храма мы расчистили, подготовили под фундамент, готов проект деревянного, как и был, строения. Спасибо большое архитектору Московского государственного Университета Леса – Денисову Сергею Анатольевичу, который во Славу Божию, бесплатно сделал нам проект. Завезли песок, из г. Брянска нам помогли с цементом.

По весне, даст Бог, выложим фундамент. Очень много еще нужно для строительства Храма: и кирпич, и дерево, и мастера...

На месте старого Храма установили своими силами поклонный крест, приносим икону, приглашаем из района батюшку и молимся Богу, чтобы послал нам неравнодушных людей, готовых внести хоть маленькую лепту для невесты Господа, Церкви!

Хочу обратиться ко всем, кто нас услышит, словами своего брата, Н.Мельникова:

«Все друзья и враги! Все, кого я обидел когда-то! Вы простите меня! И просить об одном Вас хочу – Будет Вам тяжела, иль совсем безразлична утрата – Все равно, вы хоть раз – помяните, поставьте свечу!».

Этими строками он попросил у всех прощение за несколько лет перед смертью, что не каждому Господь сподобит! Это дорогого стоит!

Так помогите нам поставить в маленьком селе, на Брянской земле, в память о русском поэте – Н.А.Мельникове – «СВЕЧУ»! И пусть она загорится на радость и покаяние всем нам!

*Владимир Комовский,
Почетный гражданин города Злынка
Валентина Алексеевна Шаронова (Мельникова),
сестра поэта (Брянская область)
Санкт-Петербург*

«Я, как все, сквозь слёзы песни пел...»

ГРАЖДАНИНУ

Твоя Россия... Думая о ней,
Уберегись соблазнов и обманов:
Одна молитва может быть сильнее,
Чем целый митинг с сотней горлопанов.

«За Русь, на бой!» – всё суета сует,
И суетою души захлебнулись.
Одна молитва! Но молитвы – нет!
«На бой, за Русь!» – и снова обманулись.

Твой враг не там – не на коне с копьём
И не с мечом в открытом чистом поле,
Он – невидим, его не взять живьём
Ни силою, ни криками «Доколе!»

Твой враг – раскол, далёкий, вековой,
И если в душах нету единенья –
Ликует он, и тщетен подвиг твой
На поприще «российского спасенья».

Есть Вера, Бог, Отечество и ты!
Лишь это русских делает народом!
Решись, уйди бесовской суеты,
Пусть даже «струсил» скажут мимоходом.

Уйди! И сам неистово молись,
Чтоб Бог вернул и Веру, и сплоченье,
Ни слёз, ни покаянья не стыдись
Во имя долгожданного спасенья.

Из всех краёв растерзанной земли,
Как нити золота, польются вверх молитвы,
Чтобы до Господа, до всех Святых дошли,
Прося благословенья правой битвы!

Тогда – сама собою встанет рать,
И будет вождь – один, одна – дорога,
Спасётся Русь... И пусть не будут знать,
Что ты всё это вымолил у Бога!

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Высока ковыль-трава поля Куликова –
Будто нам для вечных снов выстелен ковёр...
Покидая отчий дом, мы давали слово:
Лучше встретить смерть в бою, чем нести позор.

Скоро поле тишины станет полем брани,
Скоро ночь уйдёт домой, унося туман,
Скоро копыта зазвенят в чужеземном стане,
И взовьётся в синеву знамя у славян!

Исчерпалось до конца русское терпенье!
Встанем, братья, в полный рост на земле родной!
Не впервой нам принимать ратное крещение
И из пепла воскресать тоже не впервой!

Наша слабость, наша рознь в прошлом остаётся,
Путь раздоров и обид мы прошли сполна!..
Упаси нас впредь, Господь, меж собой бороться:
Коли Родина одна нам навек дана.

Пусть поможет острый меч да скакун крылатый,
 Не скорбите ни о чём в этот светлый час:
 С нами Бог, за нами Русь, наше дело свято!
 Кто останется в живых, тот помянет нас!

ТОСКА

Я в разлуке с Родиной бывал,
 Уезжал в далёкие края,
 Но нигде сильнее не тосковал
 Так, как здесь, где Родина моя!

Я немало видел стран чужих,
 Но домой быстрее спешил опять,
 Потому что здесь, среди своих,
 Мне хотелось горе горевать!

Ничего я в жизни не имел,
 От земли не прыгал в облака,
 Я, как все, сквозь слёзы песни пел,
 И была светла моя тоска...

Нет тоски по Родине, враньё!
 То – печаль по прошлым временам.
 Есть тоска на Родине! Её
 Бог зачем-то дал с рожденья нам...

ЕДИНЕНИЕ

Единения нет, есть призывы, но нет единения,
 Славословья себе, а камня – в чужой огород.
 О спасенье кричим, но не будет нам, грешным,
 спасения,
 Если мы для себя не единый великий народ!

Единения нет, каждый сам по себе выживает:
 Кто торгует, кто спит, кто ворует, кто горькую
 пьёт.

И не знает никто, что нас всех впереди ожидает,
 И воскликнуть не смеет: «Мы русский единый
 народ!»

Русаки, русаки... знать, мы всё про себя позабыли,
 Коль при слове Отчизна сильнее сердца не стучат,
 Коль на наших глазах басурмане наш дом разорили
 И совсем по-хозяйски нерусские речи звучат!

Единения нет, единение только от Бога!
 Значит, надо просить, покаяньем заполнив сердца, –
 Чтобы знамя одно, чтоб одна для народа дорога,
 Чтобы Вера одна, чтобы Правда одна – до конца!

Не стесняйтесь рыдать, не стыдитесь упасть
 на колени,

Перед взором Христа, перед взорами предков
 упасть!
 И молить об одном: «Единенья хотим, Единенья!..»
 Только так победим, только так одолеем напасть!

Я ВЕРНУСЬ

Прощаясь, ты смотрела на меня,
 Как Ярославна, с Игорем прощаясь,
 Когда он сел на белого коня,
 С дружиной на погибель отправляясь.

Я уходил не в бой, не на войну,
 Но взгляд твой был такой наполнен болью,
 Что я теперь, куда бы ни взглянул,
 Лишь синий взгляд твой вижу пред собою.

Так женщины смотрели на Руси,
 Когда навек любимого теряли,
 Когда, устав просить и голосить,
 Без сожаленья косы постригали.

Но в монастырь, родная, не спеши:
 Ведь я вернусь однажды на рассвете,
 Душа моя – в тебе, а без души
 Какой мне смысл блуждать на белом свете?..

Прощаясь, ты смотрела на меня,
 Как Ярославна, князя провожая,
 И с этого мучительного дня
 Вся жизнь моя мне без тебя чужая.

Я точно знаю этот женский взгляд
 И что он на Руси обозначает,
 Но я вернусь, хоть приползу назад,
 И в этом мне никто не помешает...

МЫ НИКОГДА НЕ УМРЕМ
 (Песня из кинофильма «Русская жертва»)

Нам кажется, мы никогда не умрем,
 Когда нам едва исполняется двадцать.
 Мы песни поем, бесшабашно живем
 И в девушек славных мечтаем влюбляться.

Нам кажется, мы никогда не умрем...
 Но вот призвала нас на подвиг Отчизна,
 И мы, опаленные страшным огнем,
 Стоим уже где-то меж смертью и жизнью.

Мы верим, что мы никогда не умрем,
 Нас матери встретят, и жены, и дети.
 Ведь помощь придет. Мы ее подождём.
 Мы выстоим в этой шальной круговерти.

Так надо. Мы выстоим здесь и сейчас.
Нам выдержать, выдержать самую малость...
Но красным становится снег возле нас,
И белого снега совсем не осталось.

Казалось, что мы никогда не умрем,
Но падают наши товарищи рядом.
Вся рота легла под свинцовым дождем,
И нам ничего уже больше не надо.

Не надо подмоги, не надо наград.
Ни плен, ни предательство нас не пугают.
Построены все на последний парад,
И рота бесшумно по Небу шагает...

Теперь уж далеко от нас все бойцы,
Теперь они там, где не слышно войны.
Но чудится взгляд всепрощающих глаз:
«Мы души свои положили за вас».

РОССИЯ, НЕ СТАНЬ ИУДОЙ (песня)

Сколько столетий вместе с Христом
Крест ты несла непосильный,
И дорожила этим крестом,
Матушка Русь-Россия.
Веры святой ты не предала,
Сколько бы ни страдала,
И на церквах всегда купола
Золотом покрывала.
И никогда понять не могли
Пришлые иноверцы:
Сколько же сил у Русской земли
И что у неё за сердце?!

А сердце твоё – это вера и крест!
И если оставишь веру,
Горького горя будет не счесть,
Страданиям не будет меры.
Весь мир, обезумев и душу убив,
Глядит на тебя как на чудо.
Так значит, когда-то Христа возлюбив,
Россия не стань Иудой!

Раны твои всё больней и сильней,
Соблазны кружат, как стаи,
Но матушка-Русь, без тебя на земле
Огня и тепла не станет.
Пусть все побросали свои кресты
И ходят во тьме без Бога,
Но если спасёшься одна лишь ты,
Собою спасёшь ты многих.

Ведь сердце твоё – это вера и крест!
И если оставишь веру,
Горького горя будет не счесть,
Страданиям не будет меры.
Весь мир, обезумев и душу убив,
Глядит на тебя как на чудо.
Так значит, когда-то Христа возлюбив,
Россия не стань Иудой!

ПРОСЬБА

Упаду и усну, и из далей далёких услышу
Плач друзей и родных и псалмы, что споют надо
мной.

Возликует душа, поднимаясь всё выше и выше,
Как ликует невольник, бегущий из плена домой!

Возликует душа от надежды на свет и спасенье,
Только что её ждёт – в этой жизни узнать не дано.
Я немало грешил, и не там я искал утешенье,
Но прости меня, Боже: к Тебе я хотел всё равно!..

Будет путь у души, а чужое, холодное тело
Повезут из Москвы в те глухие, лесные края,
Где заросший погост утопает в черёмухе белой,
Где родные лежат, где с родными останусь и я...

Все друзья и враги, все, кого я обидел когда-то,
Вы простите меня, и просить об одном вас хочу:
Будет вам тяжела иль совсем безразлична утрата,
Всё равно вы хоть раз помяните, поставьте свечу!..

К МАМЕ

Мама! Родная! Если б ты знала
Там, на промокшем перроне вокзала,
Как тяжело моё сердце стучало,
Как мою душу тоска разрывала!
Я отмолчался, и ты – не сказала,
Только слеза по щеке пробежала.
Что меня в жизни моей ожидало –
Это одну лишь тебя волновало...
Что со мной было? Что со мной стало?
Ты не всегда и не всё понимала.
Только молилась, только прощала,
Только ждала – и опять провожала...
Время минуты свои отсчитало –
Господи, как же минут этих мало!
Поезд качнулся, и ты побежала,
Слёзы платком на ходу утирала...
А проводница мне чай предлагала,
А за окошком Россия мелькала,
Снова мой путь – без конца и начала...
Как я люблю тебя! Если б ты знала!

ОГОНЁК

Вдалеке от людей, вдалеке от дорог
 Я в ночи заплутал, я в снегах затерялся,
 Но в простуженной тьме вдруг мелькнул огонёк,
 На мгновенье пропал и опять показался.
 Я побрёл на него, я поверить не мог,
 Что в российских полях, без конца и начала,
 Для таких же, как я, здесь горит костерок,
 Чтобы чья-то душа в темноте не пропала...

Как спасенье, горит в темноте огонёк,
 Будто Бог его нам, заплутавшим, зажгёт...
 Всем, кто сбился с пути, кто устал и продрог,
 Как спасенье, горит в темноте огонёк.

И сидит у костра всякий разный народ,
 Молчаливо сидит в ожиданье рассвета,
 И не хочется слов – пусть душа отдохнёт,
 Только б было тепло и хватало бы света.
 А закончится ночь, побредём не спеша
 И направится каждый своею тропею.
 Так гори, огонёк, как России душа,
 Среди белого света, объятого тьмою!..

Как спасенье, горит в темноте огонёк,
 Будто Бог его нам, заплутавшим, зажгёт...
 Всем, кто сбился с пути, кто устал и продрог,
 Как спасенье, горит в темноте огонёк.

ВОЖДЬ

(посвящено А.Солуянову)

Печальны дни державного крушенья...
 За что нам, Господи, такие времена?
 Мы, словно сироты, мы ищем утешенья,
 Мы ищем Родину... но где теперь она?
 Сгорел наш дом, дымятся головешки,
 и погорельцы в ужасе молчат,
 и стаи мародёров в спешке
 унылые руины ворошат.
 Сгорел наш дом – не сразу, не мгновенно,
 сочился долго ядовитый дым,
 а мы смотрели, и самозабвенно
 все спорили – мы светим? Иль горим?
 Обуглены и песни, и иконы,
 труды отцов и дедов ордена,
 и беззаконье стало над законом,
 и разгулялась пришлая шпана.
 Споткнулась жизнь... И я сидел угрюмый
 в каком-то забытье иль полусне,
 и все печали, страсти, страхи, думы
 единой болью рвали сердце мне.
 Я знал, что Бог Россию не оставит,

что страшные мучения пройдя
 она воспрянет и себя прославит
 когда дождётся своего Вождя.
 И глядя на мелькающие лица,
 я помнил мысль пророческую ту,
 что Вождь России должен появиться,
 когда нам станет всем – невмоготу!
 И ОН пришёл! О НЁМ ещё не знали,
 ещё не прекратился плач и стон,
 но, вдруг, среди унынья и печали
 раздался тихий колокольный звон,
 и становясь всё радостней и краше,
 он нас заставил головы поднять,
 предзнаменуя избавленье наше
 и возвещая Божью благодать!
 Явился Вождь! Ни гнева, ни гордыни,
 но меч в руке его сияет неспроста –
 чтобы была земля моя отныне
 на веки вечные от нечисти – чиста!
 И горе вам, плясавшим здесь недавно,
 кружившим свой бесовский хоровод!
 Вы – пропадёте, сгинете бесславно...
 Явился Вождь! Его призвал – Народ!

ДЕВОЧКА И СТАРИК

Нищего слепого старика
 по вагонам девочка водила,
 маленькая детская рука
 все вокруг себя перекрестила.
 А старик в руках гармошку нес
 и играл не очень-то умело,
 но гармошка трогала до слез –
 невпопад, то плакала, то пела.

Две души, как две молитвы чистые,
 две души, как странники в ночи,
 дай вам Бог, как можно меньше выстрадать,
 собирая медные гроши.

Затихал вагонный разговор,
 люди лишь растерянно молчали,
 словно никогда до этих пор
 нищих по России не встречали.
 Но потом давали все кто мог
 мятую десятку, иль монету,
 и с поклоном: «Сохрани вас Бог!» –
 отвечала девочка на это.

Две души, как две молитвы чистые,
 две души, как странники в ночи,
 дай вам Бог, как можно меньше выстрадать
 собирая медные гроши.

А старик послушен, как дитя,
 а дитя со взрослыми глазами,
 вот пройдут – и пять минут спустя,
 их уже не будет рядом с нами.

Но когда терзает душу грех –
посмотри в вагонное окошко,
там ребенок молится за всех,
рядом дед и грустная гармошка.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Я покинул свой дом, я покинул свой край,
и пошел наугад по российским дорогам.
Мне казалось тогда, что найду где-то рай
далеко-далеко за родимым порогом.

И за горло не раз жизнь хватала меня,
и бросала на дно, и опять выносила,
и искал я свой рай до последнего дня,
голодал, замерзал на просторах России.

А в отчем доме было всем тепло,
с утра дрова в печи горели,
мы всей семьей сидели за столом,
и всей семьей и плакали и пели.
Ах, как легко нам в юности уйти
и бросить все, не понимая,
что мы уходим по пути
в другую сторону от рая.

Вот стою я теперь перед домом своим –
одиноким, как перст, без родных и приюта,
слезы жгут мне глаза, словно прошлого дым,
и на сердце тоска, словно должен кому-то.

И безжизненно окна мне в душу глядят,
как пустые глаза без огня и упрёка...
Но я знаю, что сам, сам во всем виноват –
Это я был жесток, а не жизнь к нам жестока.

А в отчем доме было всем тепло,
с утра дрова в печи горели,
мы всей семьей сидели за столом,
и всей семьей и плакали, и пели.
Ах, как легко нам в юности уйти
и бросить все, не понимая,
что мы уходим по пути
в другую сторону от рая.

РУССКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Россия это видела не раз,
Россия это знает не по книжкам,
И снова эшелоны на Кавказ,
И снова в пекло русские мальчишки.
Позорнейшее время над страной:
Ни совести, ни чести, ни отваги.
И вот стоят лицом к лицу с войной

Ребята, не забывшие присяги.
Поливают нас грязью газетные крысы
Жгут свои и чужие свирепым огнём
За какие ж грехи приговор нам подписан?
И за что так бесславно из жизни уйдем?
В своей же стране, на этой войне,
В Чечне, в Чечне!

Не мы хотели крови и беды,
Не мы хотели этого обмана,
И не за нами тянутся следы
Сухуми, Приднестровья и Афгана.
Не мы сгубили молодость свою,
И цинковых гробов не мы просили,
Но если здесь не выстоим в бою,
То завтра потеряем всю Россию!

Вчерашние простые пацаны:
Герои из Тамбова и Рязани,
Лежат среди бездарнейшей войны
С навеки удивленными глазами.
А где-то чей-то сын еще растёт,
И мать не налюбуется на сына,
Но будет час, придет его черёд,
Чтоб встать и заслонить собой Россию!

НЕПОМНЯЩИЙ

Иван – не помнящий родства –
давно бывало,
и нынче истина права,
но горше стала.
И наступили времена
мгновенно, сразу –
«Иваном» стала вся страна,
теряя разум.
Мы позабыли всех родных,
родные нравы,
теперь – на службе у чужих,
для чуждой славы.
Мы равнодушны. Мы пройдем
беспечно мимо,
когда живое зло кругом
неутомимо.
Когда родные родники
покрыты илом,
когда уходят старики
в жите постылом.
Мы в церковь благостно идем,
мы святим вербы,
а в это время под огнем
сгорают сербы.
Противны Ване плач и стон
по сербским ранам...

Одной мечты исполнен он –
стать Иоганном.

ДЕТИ РОССИИ

Он ходит вдоль вокзала едва одет-обут,
«стреляет» сигарету и монету.
Вокзал – его родня, вокзал – его приют,
и больше никого на свете нету.
Со всеми он на равных, со всеми он на «ты»,
и говорит он на блатном жаргоне,
его уже давно не трогают «менты» –
ведь нынче беспризорники «в законе».

Россия! У него твои глаза,
в них синь твоя небесная сияет!
Россия! По щеке его бежит твоя слеза,
но он об этом ничего не знает.

Подать никто не хочет, народ отводит взгляд,
у всех свои заботы и печали,
и обойти его сторонкой норовят
с опаской, чтобы вдруг не обокрали!
И жметса он ночами без ласки и тепла
по чердакам, вокзалам и сараям,
за десять лет своих узнал он столько зла,
что мы за жизнь такого не узнаем.

.....
А у меня при взгляде на этих пацанов
комочек от сердца к горлу подступает –
хватило бы в России ботинок и штанов,
но... доброты на это не хватает...

ПИСЬМО

«Здравствуйте, все, кто услышит нас!
Наше письмо – открытое!
Пишет вам в тихий вечерний час
Деревня, вами забытая!

Длинные тени легли на траву,
Ушли дневные заботы.
Мы собрались и пишем в Москву:
Быть может, услышит кто-то?

Нам столько хотелось всего рассказать,
Но сразу просят строки –
За что вы оставили нас умирать?
Зачем же вы так жестоки?

Нас будто бы нет – мы как дым, как туман,
Ходячие тени без плоти...
Родные, куда же вы без крестьян?
К какой вы цели идёте?

Но... всё по порядку... Мы живы пока,
Хоть жизнь наша еле тлеет,
Хоть невлюбила власть мужика
И баб с детьми не жалеет!

Мы брошены здесь – поглядите на нас,
Поймите же все, кто может:
Погибнет деревня – приходит час,
Но вы – погибните тоже.

Будут ночами звёзды сиять
Над тем, что жило когда-то,
И будут поля на Руси зарастать,
И рухнет последняя хата.

Если теперь не желает страна
Тяжкий наш труд уважить,
Значит, деревня ей не нужна –
Нужна земля на продажу.

Нет к нам вниманья! Хозяина нет!
Былого нет уваженья!
Для нас он не белый, наш белый свет –
Тленье... вокруг тленье...

В лихую годину, во веки веков,
Когда нам враги грозили,
Мы в бой посылали лучших сынов
За землю и за Россию.

А бабы, как кони, тянули плуги,
Скрипя зубами, пахали...
Родина! Слышишь ты нас? Помоги!
Мы тебе всё отдали!

.....
Деревни, как лодки, ложатся на грунт,
Объятые тьмой громадной.
Не будет протестов, не вспыхнет бунт
«Бессмысленный и беспощадный».

... Мы очень устали... Порою ночной
Нам стало нередко снится,
Как слёзы свои загребаем рукой
И сеем, словно пшеницу».

КЛЮЧИ ЖИЗНИ ОЛЬГИ ДУБОВСКОЙ

Если мы проникнем мысленным взором во всю многотысячелетнюю историческую судьбу Русского народа, проживающего на Русской равнине, то убедимся, что вся их созидательная героическая жизнь являет собой удивительное Космическое чудо, созданное из великих духовных энергий Добра и Любви.

И все поколения народа оказались достойны своего наследия, завещанного предками, и сохранили его в Слове, сакральном кладезе духовного опыта Русского народа.

Наши далёкие предки говорили на изящном мелодичном языке, где каждое слово несло в себе некий божественный смысл о жизни и предназначении человека в мире. Это былинное слово Русского народа, этот прекрасный язык наших предков сохранился в глубинах народной памяти. И ярким доказательством стойкости Русского слова является чрезвычайное явление в современной отечественной литературе, а именно – выход в свет повести Ольги Фёдоровны Дубовской «Родионовский ключ» с подзаголовком «Повесть о деревенской жизни». Ольга Дубовская впервые дебютировала на ниве русской литературы в 2007 г. сборником рассказов «Звёзды не гаснут. Песнь о русском языке». В этой книге перед нами раскрылись три творческие взаимосвязанные ипостаси автора: художника русского слова, мастера эссеистики и учёного-языковеда. Все эти качества одарённой натуры Ольги Дубовской в полной мере щедро раскрылись в последующих творениях её пера.

В 2008 – 2011 гг. Ольга Дубовская академик ПАНИ, лауреат премии им. М.В. Ломоносова издаёт фундаментальное научное исследование о Древней Руси – «Любовь по-русски». В этой книге впервые в исторической науке исследован Договор Древней Руси с греками 911 г. сквозь высоко нравственную мировоззренческую призму древних славян.

– «Славянский устав речи».

– «История для Русского юношества. Духовное наследие древних русичей». Т. 1.

– «История для Русского юношества. Созидатели». Т. 2.

– «История для Русского юношества. Русская цивилизация». Т. 3.

В этих трудах даётся широкая панорама развития древнейшей на планете Земля Славянской цивилизации.

Книги Ольги Дубовской уже стали достоянием научного мира, и любые русофобские утверждения о том, что «просвещённые» византийцы якобы встретили в 988 г. русичей в «звериных шкурах» и

что якобы эти «дикари» не знали письменности и языка, являются извращением исторических сведений. Отличительной особенностью книг Ольги Дубовской, не имеющих аналогов в современной отечественной исторической науке, является то, что глубокое научное исследование всех сторон бытия Древней Руси излагается в них изящным и самобытным авторским стилем. И нам кажется, будто сами предки русичи говорят с нами, и мы слышим наяву музыку их речи. Это чудо в нашей душе сотворила Ольга Дубовская, человек удивительной судьбы, возвратившая нам из забвения русскую речь и родное русское слово.

И вот перед нами новое чудесное творение её пера – повесть «Родионовский ключ», лирическое повествование о послевоенной жизни колхозной деревни. Эту повесть можно назвать зеркальным художественным отображением её научной эпопеи о Древней Руси.

Повесть читается на одном дыхании, будто пьёшь чистую ключевую воду. И это не удивительно, ибо Ольга Фёдоровна родилась в старинной деревне на Могилёвщине с символическим названием Родионовка. И деревенская жизнь со всеми её заботами и радостями знакома автору с детства. Любовь к деревне, её жителям всегда живёт в её благородном сердце. И эта всепобеждающая любовь к родной деревне, к своему роду чувствуется в каждом слове повести, которая вся пронизана солнечным светом, идущим из глубин её народного сердца. Ибо её сердце – это и наше сердце, плоть от плоти и дух от духа рода Русского.

Какова фабула «Родионовского ключа»? Вкратце она такова. Всё действие повести строится вокруг центрального деревенского события – обновление обветшалого сруба, который огораживает ключ. На сруб надо ставить венец. Венец мастерит плотник Мирослав, деревенский умелец, наделённый тонким художественным вкусом и знанием мифологии Древней Руси. В его памяти – родословное древо всех жителей Родионовки.

И вот венец для ключа готов! В назначенный день все деревенские жители собираются на торжество обновления ключа. Но это неординарная колхозная сходка для решения хозяйственных дел. Жители Родионовки позвал на торжество обновления венца сам ключ жизни! И в этом видят все родионовцы особый, высший смысл торжества. Это ничто иное, как Вече сегодняшних русичей, которые пришли на мистическое действие обновления и украшения ключа их жизни!

И Мирослав привозит на телеге своё творение – венец. И колхозники застыли в изумлении пред сим

небывало прекрасным плотницким произведением волшебных рук Мирослава. И что же поразило родионовцев? Венец был им исполнен в виде дощатого купола и имел в распорке полый диск с символическим изображением Мироздания. А у основания купола по кругу венца были рельефно выточены терема необыкновенной красоты с фигурками мужиков, женщин и детей – в иерархическом порядке. Пред родионовцами предстала вся их родословная, все её колена!

А ниже теремов венец охватывала широкая доска, на которой тоже рельефно были изображены река Проня, мост через неё, выгон с дорогой и далее лес и шлях с полем колосающейся пшеницы. Так волей художника Мирослава утвердилась сакральная связь родионовцев с далёким миром их предков.

От центрального события повести яркими лучами отходят и другие сюжетные линии, повествующие о душевном благородстве и мужестве родионовцев. Это и страницы о Великой Отечественной войне с тем же плотником Мирославом, ставшим поистине былинным богатырём в рукопашном бою с немцами, и его спасение от смерти после ран, благодаря подвигу самопожертвования его преданной жены Полины, это и страницы, посвящённые трогательной любви Ясуни и Родиона, и возвращение ссыльного Степана, отца Ясуни, из далёкой Сибири, и потрясающе прекрасная Купальская ночь с цветком папоротника – огнецветом, где все встречаются в добром согласии и любви – и природа, и вольные звери, и люди.

Но что особенно поражает в повести, что вызывает чувство восторга при её чтении? Удивительно то, что мифологические образы и символы не производят впечатления инородного элемента. Отнюдь нет! Напротив – они составляют живую ткань повести, ибо они суть мироощущения родионовцев. Это их образ жизни, воспринятый ими от их далёких предков с их главными нравственными заветами, наиглавнейший из которых любовь к человеку и окружающему миру.

В этом деревенском круге жизни нет места только злу. А тем, кто оступился, отошёл от заветов предков, но принёс свою повинную голову на людской суд, тому прощение. Ибо повинную голову меч не сечёт.

Вся повесть пронизана гармонией жизни, музыкой любви и красоты. А сами имена героев повести – Мирослав, Полина, Ясуня, Родион, Любава, Добрыня говорят о неразрывной связи с древним русским именованьем. И все события в повести согласуются с Небесной волей (сцена с грозой). Лирическая страничка повести с описанием цветущего луга и играющими на нём детьми – истинное стихотворение в прозе, – столько в ней жизненной силы, добра и красоты. Но не будем далее пересказывать содержание повести. Оставим радость её прочтения вдумчивому читателю.

В контексте повести красной нитью проходит спасительная мысль о благотворной созидательно-государственной основе общинного жизнеустройства Русского этноса на всех землях его проживания. Общинный уклад родионовцев с его высокими нравственными принципами и заветами предков, воплощённый в общегосударственном масштабе, мог бы спасти многострадальный Русский народ от многих бед и испытаний в будущем.

В таком патриотическом осмыслении знаковая в наше смутное и тревожное время повесть Ольги Дубовской «Родионовский ключ» является общенациональным достоянием, ибо касается судьбы каждого русского человека – от младенца до убеждённого сединами старика.

В далёкие времена древнего Русского народа вся Великая Русская равнина, говоря иносказательно, представляла собой один цветущий луг, украшенный венцами над ключами жизни, полный прохладной и целительной влаги. И наши предки русичи пили живую воду из этих ключей и черпали из них энергию созидания в мирных трудах, и отвагу и мужество на ратном поле.

И музыку этих тихих струй ключей жизни и донесла до нас поэтичная повесть Ольги Фёдоровны Дубовской «Родионовский ключ». В этой дивной повести – живая влага её благородного сердца, полная любви и нежности ко всему Русскому миру.

*Член-корреспондент ПАНИ,
председатель Бунинского общества
Геннадий Манзук.
Март, 2011 г.
Санкт-Петербург*

Ольга ДУБОВСКАЯ

РОДИОНОВСКИЙ КЛЮЧ (Повесть о деревенской жизни)

Этим летом над Белой Русью плыла совершенно нестерпимая жара. Неглубокая речушка Проня несла свои воды, прогретые до самого дна, мимо Родионовки, небольшой деревеньки, домов в сорок пять.

Проня зарождалась в маленьком болотце. Сначала она текла звонким ручейком в лесной тиши, затем, вырвавшись из вечно сумеречной глухомани, устремлялась по лугам мимо белорусских деревень и городишек к реке Сож. Сож, приняв в своё русло воды не только Прони, но и других речушек, торопливо нёс их к могучему Днепру. Днепр, напитавшийся водами многочисленных притоков, торжественно вливался в Чёрное море, в далёкие времена называвшееся Русским морем.

Проня была речкой несуетливой почти по всей длине, как и положено равнинной реке, да ещё к тому же мелкой и неширокой: от одного берега до другого всего-то метра три-четыре. Таких речушек по всей земле белорусской и не счесть: почти все деревни на них расположены.

Проня несла воду быстро, лишь изредка придерживала течение у берегов, поросших осокой и камышами. Тут часто гнездились лебеди и дикие утки, поэтому не след было шуметь и вертеться около их хозяйства.

Но отдельными вёснами, когда цветущие яблоны облекали деревню в бело-розовый наряд невесты, Проня выходила из берегов и по пологому косягу подбиралась к самым порогам родионовских хат. Здесь вода останавливалась, как перед стеной, невидимой людскому взору, и в таком положении оставалась несколько дней. Потом также внезапно возвращалась в прежние берега, стремительно мелея, но сохраняя при этом у побережья кое-где глубокие виры. Родионовцы знали эти гибельные места и, купаясь в Проне, обходили их стороной, уважая тайную жизнь своенравной речки.

Вот и нынче Проня проявила свой характер: залила покосный луг, баню деда Ярослава и сады родионовцев. Однако в этот раз вода убралась быстро, оставляя на лугу следы своего буйства в виде мутноватых лужиц. В самой же речке вода сохранялась прозрачной: она позволяла разглядывать сквозь себя разноцветную гальку, илистое дно, мальков, снующих среди прибрежных водорослей, и вездесущих лягушек. И хотя деревенские жители с почтением и любовью относились к речке, но всё же

особую благосклонность они питали к ключу, пробивавшемуся сквозь луговую траву недалеко от берега Прони.

Иногда кому-нибудь из мужиков в голову приходила удачная мысль: «А не пора ли обновить обветшалый сруб, огораживающий ключ? Почитай, стоит уже годов двести». Его тут же поправляли: «С чего ты взял, что двести? Ещё мой прадед, когда жив был, баял, что сруб ставили сто восемьдесят вёсен назад. Значит сруб тому все двести семьдесят годов». К этому мнению находилось сразу же несколько свидетелей: у кого бабка помнила рассказы от своих родителей об установке сруба на ключе, а кто-то сохранил ковш, зачерпнувший ключевую воду из того самого древнего, но тогда, разумеется, ещё совершенно нового сруба.

Так или иначе, а родионовцы приходили в волнение. Строительство сруба около ключа было событием исторического масштаба. Принимать участие хотел каждый житель деревни: и стар, и млад.

Как правило, время обустройства ключа назначали на праздник Купалы. В этот день из старинных сундуков, сложенных ещё прадедами, а может и дедами тех самых прадедов, доставали уборы и различное узорочье. Мужики надевали домотканые льняные косоворотки, подпоясывались ткаными поясами. Нельзя сказать, чтобы родионовские мужики только на праздники надевали расшитые рубахи. На первый день покоса, например, не выйдешь же в повседневной ткани? А мёд выкатывать, как же без наряда? А отёл удачный? Или прибавление в семействе? Как ни крути, а одной рубахой не обойтись. Потому заготовлено было и держали в сундуках две, а то и три рубахи: так, на все случаи жизни, как говорится.

Осознавая важность момента, группами, по два-три человека, собирались у хат и обсуждали детали предстоящего торжества. Не всякому доверишь кладку верхнего венца на срубе: тут нужен такой плотник, чтобы был уважаемым человеком и знатоком своего плотничьего дела.

В этот раз постановили просить дядьку Мирослава. Дядька Мирослав, поди, всю деревню отстроил: тому крышу подлатать, тому погребню новую сладить, а кому и вовсе хату перетрясти надобно. Дядька Мирослав никому не отказывал в просьбах. А уж если брался за топор, то делал так, словно хоромы княжие возводил. Всё с выдумкой затей-

ливой. Даже ворота в хлев и те с фигурными баялинами соорудил. Ясуня как увидела, так и запричитала: «Дядя Мирослав, соколик ясный, что ж ты скотине такой крендель устроил? Уж лучше поставил бы своё творение в палисаднике: пусть бы глаза мои всякую минуту тешили и людям приятно». Дядька Мирослав ответил задумчиво: «Корова – она тоже красоту понимает».

Прознав про такую мысль, родионовцы принялись украшать скотницы: конечно, каждый по своему разумению. Кто засов на стойле выточил в виде дубового листа, кто наличник с навязанными на них цветами из лыка примастерил на ворота. Девяностолетний дед Иван, что жил по соседству с Мирославом, вспомнил старину: прорубил в стене окно косячатое с частыми переплётами и застеклил его. Это значит, чтобы корова тоже имела обзор на внешний мир.

Ярослав, чья хата стояла на отшибе, близко к ключу, тот картину нарисовал с полевыми колокольцами, ромашками, клевером и повесил в хлеву. Вся деревня ходила смотреть то полотно живописное. Признали, что цветы и трава, как настоящие, а значит, будут радовать глаза коровы. Жена Ярослава, тётка Ганна, бурчала: «Мог бы и в хате картину повесить – места хватает».

Наступил Купальский день. Пополудни родионовцы собрались у ключа. Ключ выбрасывал из земли струю на высоту с ладонь, не более того. Прозрачная вода проложила узенькое русло по направлению к реке. Родниковая вода извивалась, обходя травяные кочки, разливалась по поляне с незабудками, собираясь в маленькое озерцо. Подойдя к реке, родник заглублял русло в песчаном берегу и соединялся с Проней.

На вкус родниковая и речная вода различались. Родниковая вода во рту и не ощущалась вовсе, вроде бы как воздух глотали. Испив же речной воды, казалось, как к молоку приложился, такая она была сытная.

Девчата разбрелись по лугу и принялись плести венки из цветов. Вечером они будут бросать их в Проню и узнавать про своё женское счастье. Подхватит река венки, и поплывёт он прочь от Родионовки, значит, и суженого жди из дальней стороны. Но если закружится венки на месте и прильёт его к берегу – быть замужем за родионовским парнем. Девочки-подростки, которым до замужества было ещё далеко, вместе с тем, не отставали от взрослых. Устроившись с охапками цветов на берегу Прони, они старательно плели венки.

Парни толпились у ключа: они разбирали старый сруб. Наконец, извлекли последний, нижний, чуток подгнивший венец и отошли в сторону. Теперь черёд наступил старшим. Ярослав, стоя на коленях, уложил вытесанный из дуба нижний венец

сруба. Брёвна для прочности он обжёт на медленном огне. Возился долго, но, наконец, поднялся, в глазах весёлый блеск: «Слажено годов на триста». «Мог бы и на четыреста закрепить, – не утерпела Ганна. – Мой тата, царство ему небесное, баял, что его дедушка рассказывал, будто тот слыхивал от своего деда, что давно, так давно, когда в Родионовке было всего десять или двенадцать хат, так сруб простоял четыреста годов».

Ярослав обиделся: «Это я так, к слову сказал, что триста годов простоит. Я же за этим дубом ходил в Перунову дубраву». «Ну, в таком случае, простоит четыреста годов», – согласилась Ганна.

Дед Иван уложил предпоследний венец, погладил его шершавыми мозолистыми руками, сказал тихонько: «Слава те, господи» и перекрестился.

Ждали дядьку Мирослава. Обычно на собрания односельчан он всегда приходил во время, а ноне, что-то задерживался. Женщины нетерпеливо поглядывали в сторону хаты плотника. Пастух вот-вот пригонит коров на дневную дойку и им надобно встречать своих кормилиц у ворот дома, да загнать в хлев. Потом, пока вымя коровы обмоешь, пока подоишь, процедишь молоко, разольёшь по горлачам, расставишь их в сенцах, напоишь корову водой, считай, что час и уйдёт на эти хлопоты. А пропускать установку последнего венца на кринице не хочется: только разве правнуки доживут до очередного обновления сруба, а им то уж не приходится рассчитывать на двухсотлетнюю или же трёхсотлетнюю жизнь.

Мирослав кисточкой смёл остатки ошкуренных опилок с углублений и выступов деревянных фигурок, миниатюрных крыш, оконцев, крылечек. Да так и застыл неподвижно, сидя на табурете перед своим изделием. Во взгляде Мирослава образовалась какая-то пустота: как будто всё, что могло быть осмысленного в глазах, перетекло необычным образом на эту деревянную поделку.

Из сеней во двор вышла Полина, жена Мирослава. Шестидесятилетняя женщина тихими, короткими шажками приблизилась к мужу и встала за его спиной. Полина с молодости страдала почками, от того лицо имела всегда бледное, с отёками под глазами. Одно спасение от болезни – отвар листа брусничника. Да вот беда, в ближних дубовых лесах брусника не родилась, поэтому Мирославу приходилось ездить за брусничным листом в сосновые боры, что росли во множестве за Шкловом. Впрочем, родионовцы, отъезжая из деревни по своим делам, возвращались, как правило, с пучками лечебной травы: кто купит её на Оршанском базаре, кто насобирает в грибных да ягодных походах в Козловском или Рудковском лесу. Одним словом, лечить Полину они считали своим соседским долгом.

Полина молча разглядывала творение мужа. Начиная с апреля, каждый день, закончив хозяйственные дела, Мирослав спешил в клеть, что была пристроена к сеним. Здесь хранилось его плотничье хозяйство, а на зиму сюда вносили домики с пчёлами. Расположившись поближе к окну, муж часами трудился над воплощением своей задумки. Порой и от еды отказывался, говорил, чтобы она не приставала к нему с житейскими мелочами. Полина вздохнёт, бывало, потопчетса рядом, да и уйдёт восвояси: настаивать она не умела.

Мирослав обернулся к жене, заглянул ей в глаза.

– Ну что, Поля, можно эту штуковину на ключ ставить? Как ты думаешь? – спросил он с напряжением в голосе. – Поймёт наш народ, о чём мысль высказана или не сообразит, за фантазёра меня почитает?

Полина молчала. Глаза её расширились, лицо приобрело выражение отстранённости и некоторой исключённости из реального мира. Она скользила взглядом по «штуковине», как назвал муж это деревянное творение, и ей казалось, что она непостижимым образом вдруг очутилась на громадной площади среди тьмы-тьмущей народу. И как будто все собравшиеся здесь её хорошо знают, как и они ведомы ей.

Мирослав, видя растерянность жены, встал, обнял её за плечи: «Поля, очнись, не молчи. Говори сначала свой суд, прежде чем людям показывать буду».

Полина встряхнула головой, сбрасывая чудное видение, обвела глазами двор. Да нет же, всё на своих местах находится. Вот большие деревянные ворота, примыкающие одной половиной к хате, а другой – к изгороди, ограждающей сад. Справа от ворот шёл низенький часток, затем он делал загиб и заканчивался небольшой калиткой, соединявшейся с хлевом. Калитка открывалась в сад. Ворота в хлев были распахнуты. Малина, так звали корову за её красноватую шерсть, пасётся с деревенским стадом в поле. Между хлевом и сеними разместилась поветь – дров наколото под самый навес. Здесь же стояли грабли, вилы, мотыги, лопаты, а к наружной стене сеней на крюках прикреплены косы. Колода, на которой кололи дрова, – рядом с поветью. Двор чисто выметен, только рядом с табуретом, где сидел Мирослав, валяются мелкие стружки. Нет никакой площади и толпы. Рядом стоит только Мирослав и что-то спрашивает.

– Мирославушка, ты что-то сказать мне хочешь?

– Суд, говорю, верши над моей работой.

– Мирославушка, да что ж мне судить и мнение изрекать про то, в чём мало смысла?

– Говори, как умеешь.

– Ладно. Слушай тогда. Вот ты табуретку смастерил. На ней и посидеть можно, и подставить

вместо лестницы, если что достать потребуется из всячего ящика, или гвоздь какой прибить высоко. Как ни крути, а с пользой служит тебе та табуретка.

А хату мы с тобой для чего строили? Чтобы жить в ней, детей растить, в люди их вывести. Правильно я размышляю? – Полина подоткнула выбившиеся волосы под платок, концы которого она всегда завязывала на узел под подбородком.

– Всё верно, Полюшка, реки дальше.

Полина продолжала:

– Всё, что делает человек, он это делает для чего-то. В этом году мы с тобой жито посеяли в саду, а для картошки землю отвели в палисаднике. Потому что, если опять выдадут на трудодни по 50 граммов жита, как прошлой осенью, то теперь у нас будет уже больше муки, чем мы сейчас имеем. И хлеб можно будет печь не из мякины, а из муки. Значит, мы предусмотрели пользу в будущем, засеяв вместо картошки жито, так ведь?

– Ты хочешь сказать, – у Мирослава дрогнул голос, – что от моей работы пользы никакой не будет?

– Я тебе приводила примеры из практической жизни. А твоё творение – не практическое, оно..., как бы слово найти, оно – не для жизни, а для души скорее. Нет, нет, не про душу речь идёт. А может для работы ума, чтобы ум думал? Нет, и ум тут ни при чём. Ты время соединил в своей работе, вот что ты сделал, – уверенно закончила Полина свою речь.

– Какое ещё время? – оторопел Мирослав. – Нука, давай растолковывай мне про время. Где оно соединилось, в каком месте? Показывай!

– Нету тут особого места. Про время мысль возникает тогда, когда целиком смотришь на твоё изделие, всё его сразу видишь. Ты связал время всех-всех родионовцев, когда-либо живших на этой земле, в один миг. Ты время связал, вот что ты сделал, Мирославушка.

– Поймут люди меня, Поля? А может не позориться, не везти на ключ, как ты думаешь?

– Наша земля дураков не рождает. Запрягай коня, да грузи на телегу, народ тебя, поди, заждался. Я пойду, принесу материю, чтобы накрыть эту «штуковину», – Полина пошла в хату и тут же вернулась с домотканым одеялом, положила рядом с венцом.

– Я видела в окно, что только что Макар на лошади приехал, вернулся из Горок, – сказала Полина.

– А зачем он в такую даль ездил? – спросил Мирослав.

– Зятю своему отвозил гонт. Тот крышу задумал перекрывать. Уж сколько лет хата стоит под соломой! Макариха рассказывала, что в прошлом году бурей сорвало почти полкрыши. А под дыркой, что образовалась в крыше над клетью, как раз стоял мешок с солью. Дождь лил как из ведра. Ну, пока обнаружили разрушение, от того мешка с солью одна

солёная лужа осталась. Вот лихо, вот поруха, не дай господи. – Полина тяжёло вздохнула.

– Ничего! Крышу гонтом покروют, тогда никакие бури и грозы не страшны будут, – успокоил жену Мирослав. – А соль – дело наживное. Пойду просить коня у Макара, пока он не выпряг его из подводы.

Мирослав открыл калитку, ведущую в сад, чтобы пройти к соседу огородами: так путь короче и быстрее будет.

Полина зашла в хату. Она сняла заслонку с печи, чепелой ухватила чугунок и подтянула его к загнетку. Чепелу поставила в угол между печью и входной дверью. Затем тряпками с двух сторон обхватила чугунок и поставила его на загнеток. Сняла с чугуна крышку: в нос ударил запах уварившегося ботвинника, заправленного простоквашей. Черпаком налила ботвинник в деревянную расписную миску, поставила на стол. Вышла в сенцы, подняла льняное полотенце с четырёх буханок хлеба, выставленных на лавке. Хлеб только что испечён и сейчас отходит от печного жара. Хлеб совсем не поднялся, по-видимому, много положено лебеды и мякны: по высоте чуть больше преснаков. Но пропёкся хорошо: корочка сверху густо коричневого цвета. Полина взяла ещё горячую круглую буханку, отнесла в хату, положила на вышитое полотенце, разостланное на столе, и села ожидать мужа. По стародавнему обычаю хлеб должен нарезать старший мужчина в доме.

Вскоре послышалось бряцание дверной щеколды в сенях, и в хату вошёл Мирослав.

– Договорились, – сказал он. – Отвезу венец к ключу на его подводе. Макар тоже придёт туда.

Мирослав взял хлеб, приставил его ребром к груди, отрезал два ломтя хлеба. Обедали молча, по очереди опуская деревянные ложки в миску с ботвинником, а, поднося ко рту, держали под донцем ложки хлеб, чтобы не капать на стол.

Мерно стучал маятник «ходиков», отсчитывая годы этой нехитрой жизни крестьянской семьи.

– Может добавить ещё? – спросила Полина, когда ложка мужа стукнула по дну миски.

– Нет, благодарствую! – ответил Мирослав. – Я наелся. Спасибо за вкусный ботвинник. И хлеб в этот раз получился очень хороший. Пора укладывать венец и везти к ключу. Люди, небось, заждались.

– Успеешь, ещё полчаса времени в запасе, – ответила Полина и выглянула в окно.

По улице к палисаднику их дома подкатила велосипедистка. Это была почтальонша их колхоза Авдотья.

Авдотья прислонила велосипед к палисаднику, за низеньким забором которого доцветали отдельные кусты тесных рядов картошки. По краям,

с трёх сторон палисадник был обсажен вишнёвыми деревьями. К последней, четвёртой его стороне примыкал фасад хаты с тремя окнами, окаймлёнными кружевными деревянными наличниками. Слева от этого палисадника находился намного меньший по размерам. В нём расположились два улья да густо покрытые листьями грядки с огурцами, кое-где выставивших к солнцу зелёные пупырчатые бока.

Авдотья подошла к крыльцу, покрытому двухскатной крышей с узористым карнизом. По обеим сторонам крышу крыльца подпирали деревянные колонны с выточенными на них изображениями петухов, гусей, мордами лошадей и коров.

«Золотые руки у дяди Мирослава» – подумала Авдотья, поднялась по ступенькам на крыльцо и, поправив почтальонскую сумку, нажала на дверную щеколду.

Мирослав и Полина замерли: послышался шумный хлопок дверей, что вели из сеней на крыльцо, и в хату вошла Авдотья. Это была молодая женщина лет сорока, круглолицая, всегда со смеющимися глазами и задорной улыбкой, никогда не покидавшей её губ. На голове повязан платок в красный горошек на белом поле, концы платка, мягко обхватывая шею, были связаны в узел на затылке. Серая суконная разлетайка накинута поверх ситцевой блузки темно-синего цвета, блузка заправлена в домотканую юбку с узором перемежающихся красных и жёлтых клеточек, на ногах на босу ногу надеты резиновые калоши. Правая калоша была с протёртой дыркой сбоку.

Почтальонша бегло оглядела внутреннее убранство хаты. В левом углу расположилась печь. Сразу же за ней, впритык к глухой стене, друг за другом стояли две деревянные кровати, застеленные домоткаными клетчатыми одеялами, из-под которых белели полоски льняных простыней с кружевными подзорами. На подушки, искусно поставленные горками друг на друга, были надеты наволочки, верх которых украшала кружевная вставка. Авдотья подумала: «Надо спросить узор кружева у тётки Поли, у меня такого нет». Её глаза заскользили дальше по хате.

На подоконниках двух боковых окон, смотревших через огород на глухую стену соседской хаты, стояли горшки с цветущей геранью, соперничавшие по яркости с цветами, вышитыми на оконных занавесках.

В простенке между этими окнами висели фотографии в застеклённой рамке, под ними стояли два сундука друг на друге. Нижний сундук был большим, с чёрным фоном, по которому рассыпались нарисованные жёлтые да голубые цветы. Верхний сундук – тёмно-вишнёвого тона, расписан белыми, чёрными да синими цветами. Сундуки покрыты ла-

ком, оттого казалось, что цветы на них будто сквозь воду прозрачную выглядывают. «Эх, какое красивое приданое у тётки Полины» – подумала Авдотья.

Рядом тикали часы с подвесными гирями.

По диагонали от печки в правом углу стоял большой стол, покрытый белой скатертью с кружевной дорожкой посередине. На столе, в углу, словно родные братья, прижались друг к другу два снопа: один из жита, другой – из пшеницы. Внизу снопы обвязаны красными атласными лентами. Над ними висели иконы Николая Угодника и Богоматери с младенцем на руках, обрамлённые длинным белым полотенцем с кистями на концах. Полотенце густо расшито орнаментом.

Около стола, под окном, смотревшим в большой палисадник на улицу, находилась швейная машинка, мечта любой деревенской женщины. Возле машинки разместились лавка-диван с изогнутыми ножками и выточенной полукруглой, фигурной спинкой. Сразу же за диваном, под третьим окном, глядевшим на улицу, стоял обеденный стол, окружённый узкими лавками с прямыми спинками. И завершал убранство хаты навесной деревянный шкафчик, расписанный диковинными птицами с женскими головами.

Доски пола отливали золотисто-жёлтым цветом: по-видимому, пол был вымыт совсем недавно.

Какая-то торжественность исходила от каждого предмета, годами не покидавших мест, предназначенных для них хозяевами дома.

– День добрый, господар, день добрый, господарыня! – Авдотья сверкнула белозубой улыбкой.

– Здорова и ты будь! – ответили хозяева.

– Хлеб да соль вашему дому! – почтальонша метнула весёлый взгляд на стол, из-за которого только что встали Мирослав и Полина.

– Авдотья, прошу к еде, – Полина сделала гостеприимный жест. – Садись за стол.

– Благодарствуйте, не откажусь. – Авдотья положила сумку на лавку и села за стол спиной к окну.

Пока Полина доставала чистую миску и наливала ботвинник, Мирослав взял хлеб, отрезал толстый ломоть и положил перед гостьей.

– Приятного аппетита, – пожелали хозяева, а сами сели на лавку рядом с сумкой Авдотьи. Помолчали.

– Много писем пришло на почту в этом месяце? – осторожно начал разговор Мирослав.

Продолжая есть ботвинник, Авдотья ответила:

– Нет, немного. Писать народ разучился, что ли?

В мае было порядочно почты, чуть ли не каждый день приходилось развозить. А вот в июне совсем не пишут. Наверное, никаких важных событий не происходит в жизни людей, потому что чернила сохнут в чернильницах, – добавила она, положив последний кусок хлеба в рот.

– Благодарствуйте за хлеб-соль, – Авдотья встала из-за стола и поклонилась.

– На здоровье тебе, – ответила Полина.

Почтальонша взяла сумку, раскрыла её и достала два конверта.

– Вот только ваш Родион прислал весточку. Держите, – она протянула конверты Мирославу.

Мирослав нетерпеливо вскрыл одно письмо и начал читать про себя, шевеля губами.

– Читай вслух, – попросила Полина.

«Дорогие мама и папа, здравствуйте! Долго не писал и не давал о себе знать, так как находился в дальнем плавании. Вернулись из похода, и я сразу же сел писать вам письмо. Служба моя подходит к завершению. Командир части объявил, что те, кто призывался служить на флот в одна тысяча девятьсот пятьдесят втором году и кто ходил во все походы, к лету этого года будут демобилизованы. Поэтому надеюсь прибыть домой где-нибудь в июне месяце.

Папа и мама! За пять лет службы на море я приобрёл много специальностей. Особенно хорошо стал разбираться в машинных двигателях. Думаю, когда вернусь, пойду работать в колхоз механизатором. А впрочем, я на любую работу согласен, лишь бы поскорее оказаться рядом с вами.

До свидания, мои дорогие мама и папа. Передавайте горячий и пламенный флотский привет моим любимым сёстрам: Любаве, Велесе, Меланье, а также всем односельчанам.

Любящий вас сын Родион.

Мурманск. 30 мая 1957 года» – закончил чтение Мирослав.

– Значит, ожидать приезда Родиона следует со дня на день, – сказал Мирослав. – Он пишет, что приедет в июне.

– А сегодня, какое число? – спросила Полина.

– Двадцать первое, – быстро ответила Авдотья.

– Может он сегодня приедет, а у нас к встрече ничего не готово. Надо хлеба из пшеничной муки напечь, да курицу зарезать. Хотя, зачем курицу, у нас же под стрехой требух висит, ещё ни разу и не пробовали. Мирослав, ну что ж ты стоишь. Лезь на чердак скорей, доставай требух, – начала отдавать приказания Полина.

– Подожди, Поля. Тут же ещё одно письмо прислано и тоже из Мурманска. Вот только обратный адрес на конверте не указан, – сказал Мирослав.

– Давай, читай скорее, не тяни время, – сказала Полина.

Мирослав вскрыл второй конверт, достал из него сложенный вчетверо лист бумаги. Бумага этого листа была толстая и глянцевая, казённая, одним словом. Пробежал глазами текст, улыбнулся и протянул лист жене: «Сама прочитай, что о нашем сыне начальство пишет», – сказал он.

Полина начала читать: «Уважаемые Полина Ивановна и Мирослав Святославович!

Командование Н-ской части благодарит вас за прекрасное воспитание вашего сына Родиона Мирославовича Заречина. За безупречную службу матросу Родиону Мирославовичу объявлена благодарность с занесением оной в личное дело. Имя вашего сына занесено навечно в списки лучших матросов Северного флота.

С уважением к вам, командир Н-ской части Корзун Г. В.».

Полина вдруг побледнела, она испуганно взглянула сначала на Авдотью, потом на мужа: «Как это, Мирослав, имя сына занесено в списки лучших? Зачем в списки...навечно... лучших? – Её глаза неожиданно заволоклись слезами. – Мирослав, что с Родионом случилось? Имя занесено... навечно. Вот, читай сам, читай» – Полина трясущимися руками совала мужу письмо.

Мирослав ещё раз прочитал вслух: «Имя вашего сына занесено навечно в списки лучших матросов Северного флота. Ну, и чего ты плачешь, Поля? Ты же радуйся известию, что наш сын дослужился до такого почёта».

– Ты что, не понимаешь, что благодарность командиры высылают в том случае, когда солдата уже нет в живых. Вспомни, как во время войны наши бабы родионовские получали «похоронки». В них слово в слово было написано, как в этом письме. Навечно...навечно в списки лучших. Сыночек мой любви, Роденька мой ненаглядный, на кого ж ты оставил своих родителей? – запричитала Полина. – Сокол ты мой ясный, да что ж ты крылья свои сложил, до хаты родительской не долетел? – У Полины подогнулись ноги и она опустилась на пол.

– Остановись, Полечка! – Мирослав пытался поднять её с пола.

Но Полина, обхватив ноги мужа, поднимая к нему залитое слезами лицо, пресекающимся голосом, переходящим в шёпот, выталкивала слова: «Зоренька моя светлая, Родечка, ты же жизни ещё не видел, а так поспешно угас...». Веки Полины задёрнулись, глаза подкатились к небу, тело её обмякло, и она растянулась неподвижно на полу.

– Авдотья, что-то надо делать, совсем Поле плохо, – Мирослав поднял жену с пола, отнёс на кровать.

– Укус, уксусу хорошо бы понюхать. Когда сознание уходит, то уксус помогает в этом случае, – Авдотья заметалась по хате.

– Посмотри в шкафчике навесном, что у двери. Там должен в трёхгранной бутылочке стоять, – Мирослав склонился над женой.

С бесконечной любовью и нежностью он вглядывался в лицо жены. В памяти всплыл окаянный 1941 год. Полина тогда тоже была почти без памяти.

Родионовцы узнали, что германцы нарушили мирный договор и в Купальскую ночь, с двадцать первого на двадцать второе июня, напали на Расейские земли. На войну из их деревни мобилизовали почти всех мужиков. Родионовцы проводили на рать своих отцов, сыновей, братьев и были в полной уверенности в их скором возвращении где-то к концу июня. Обсуждая военные действия, они пришли к выводу, что нашим красноармейцам должно вполне хватить одной недели, в крайнем случае, дней десять, но не более, на то, чтобы отбросить немецкую вражину назад туда, откуда она заявилась.

Однако на четвёртый день войны пришла удивившая родионовцев весть, что Красная Армия отступает. И хотя радио в белорусских хатах ещё не существовало, но молва о том, что немцы жмут с непреодолимой силой, захватывая белорусские города и деревни, с быстротой молнии разнеслась среди сельчан. Говорили, что немецкие сапоги уже топчут такие древние города, как Пружаны, Гродно, Кобрин, Ошмяны, Ляховичи, Косово. До родионовцев докатилось также страшное известие, что вражеская рать подступает к стольному городу Белой Руси Минску.

Рассказывали, что расейские лётчики бьются в небе так, как будто идут в рукопашный бой: они таранят немецкие самолёты, а свои подбитые машины направляют на скопления боевой техники гитлеровцев.

На седьмой день войны родионовцы узнали, что немцы оккупировали Минск, Бобруйск, Несвиж, Заславье. Упорно ходили слухи о чудовищных зверствах, творимых немцами над мирными белорусскими жителями. Баяли, что гитлеровцы создают какие-то лагеря смерти, туда сгоняют женщин, детей, стариков и пленных красноармейцев, истязают их нечеловеческими пытками, а потом расстреливают.

В первых числах июля в Родионовку дошла весть, что наши войска продолжают отступать, а немцы захватили Сенно, Пинск, Чашники и лезут уже к Горкам.

На одиннадцатый день войны Мирослав, хотя ему исполнилось уже пятьдесят четыре года, и по этой причине он не подлежал призыву, записался в Красную Армию добровольцем.

Полина положила в солдатскую котомку мужа кусок сала и буханку хлеба, на шею повесила небольшой льняной мешочек с защитой в нём горстью земли, взятой из-под яблони в саду. По деревне Полина шла, сжав плотно губы и с окаменевшим лицом. Но когда до Совы, где располагался сборочный пункт призывников, оставалось с полкилометра пути, она вдруг опустилась на колени перед мужем, обхватила его за ноги, прижалась к ним

и закричала, протяжно завывая: «Не пу-у-ущу! Не оставляй меня, любви мой! Как мне жить без тебя, сокол мой ясный! Ты же покинешь меня на денёчек, а мне он покажется месяцем, отъедешь на недельку, а неделюшка та продлится годочком».

Мирослав пытался освободить ноги, но Полина сжала их мёртвой хваткой так, что он не мог шевельнуться и стоял словно статуя.

Мирослав оглянулся: не видит ли кто из деревни, как жена вцепилась в него. Но вокруг них по обе стороны дороги расстилался только покосный луг, утопающий в цветущем разнотравье, да далеко за Проней, у края проснувшегося леса, маячило медленно передвигающееся пятно: там паслось стадо коров.

За спиной виднелась Родионовка, где родился он, и где жили его деды спокон веку. На краю деревни находилось кладбище с могилами родичей и других сельчан. Вдоль улицы тянулись два ряда старинных лип, растущих почти у каждого дома. Глубокой осенью липы сеяли дождём ярко-жёлтых листьев на крыши домов, на палисадники, улицу, оттого Родионовка казалась одетой в золотую парчовую ткань. На другом конце деревни липовая аллея обрывалась, и деревенская улица переходила в шлях, на обе стороны которого расстились поля с уже заколосившимся житом.

Кое-где над печными трубами вился дымок: это хозяйки дотапливают печи, готовят еду и семье, и домашней скотине.

По правую сторону, за деревенскими огородами раскинулся колхозный сад с редкими сортами яблонь – краса и гордость родионовцев. Говорили, что сам Мичурин прислал эти яблоневого саженцы.

Где-то там, посередине деревни стоит его хата. Когда он женился и отделился от родителей, то выстроил дом, хотя и небольшой, но места для семьи хватало. Три дочери и семилетний сынишка, что остались сейчас дома, жили в согласии, раздоров между ними не наблюдалось.

– Поля, давай сядем, поговорим, – Мирослав нагнулся и за подбородок приподнял голову жены. И столько безысходного отчаяния застыло во взгляде Полины, что у него самого запершило в горле.

Они устроились на обочине дороги, на траве, покрытой обильной утренней росой: солнце только только выкатилось из-за горизонта и ещё не успело набрать жара в свои лучи. Мирослав и Полина сидели, обнявшись, как в те молодые, ставшие теперь далёкими, годы.

– Мирослав, что ж ты сам вызвался идти на войну? Тебе через месяц пятьдесят пять исполнится. Есть же помоложе и, – Полина хотела сказать: «покрепче тебя», но осеклась. Мирослав по силе не уступит и двадцатилетнему хлопцу: его кулаки почти в два раза больше, чем у других родионовских мужиков.

Бревно может один поднять и донести от леса до деревни.

– Полечка, дело вовсе не в годах. – Он помолчал. – Понимаешь, жёнушка, немец пришёл на Русь. В защите она нуждается от врага проклятого. Кто же отстоит её, если не мужик расейский! Я тебе скажу, что возраст в данном случае ни при чём. Умеешь держать винтовку, – гони супостата с родной земли.

– А дед Иван, он же в силе пребывает, хоть и семьдесят два стукнуло, и стреляет метко, лучший охотник на всю Расею. Что же и он должен идти воевать? – спросила Полина.

– Да дед Иван и дед Макар, правда, дед Макар чуть молодей будет за деда Ивана, – говорил Мирослав, – так они, Полюшка, ходили вместе со мной записываться в Красную Армию. Своё воинское умение они показывали комиссару. Комиссар подбросит копейку в воздух, а наши деды одновременно стреляли в эту копейку и попадали пуля в пулю. Да только комиссар решительно отказал нашим дедам. Он сказал, что в атаку против немцев не пешком ходят, а бегают. Вот тут дед Макар и Иван приуныли. Поняли, что отбежали своё.

– Мирослав, что за народ, эти немцы? У них есть хаты, огороды? А что немцы хотят от нас? Мы же их не трогали, не мешали жить.

Мирослав вдруг приглушил голос, как будто то, что он сейчас изречёт, может быть услышанным ещё кем-то.

– Не одну тысячу лет, Поленька, не даёт германцам покоя наш славянский уклад жизни. Издревле мы, славяне, привыкли жить сообща, то есть общинно. А у германца мысли текут в другом направлении: как бы покорить какой-нибудь народ и стать хозяином над ним. Вот и полез опять на Русь.

Мирослав отстранил от себя Полину.

– Полюшка, журавинишка моя, мне пора идти, не опоздать бы к намеченному часу сбора, а то позору тогда не оберёшься.

Он утёр ладонью слёзы на глазах жены, обеими руками обхватил голову и крепко прижался к её губам. Так они сидели долго, не в силах оторваться друг от друга.

– Журавинишка, любя моя, единственная, я скоро вернусь.

Мирослав встал, помогая подняться с земли жене.

– До свидания, сокол мой любви. Я буду дожидаться. Иди, – не возвышая голоса, произнесла она. Мирослав, не оглядываясь, зашагал к Сове.

Через неделю после ухода Мирослава, как-то утром, когда ещё не были вытоплены печи, в Родионовке объявились беженцы из Могилёва. Они говорили, что бои за город шли тяжёлые: на улицах оставались груды трупов и немцев, и наших. Пытаясь спасти свой немудрёный скарб и детей, они

шли на восток к деревне Баево. Однако некоторые семьи, как они рассказывали, остались в Горках, в Зубрах. По пути могилевчане передавали весточки родным от тех солдат, армейские части которых направлялись в сражение за Могилёв. Фамилии родионовских мужиков беженцы не могли вспомнить: значит, они воевали в другом направлении.

– Подождите-ка, – взволновался старик, сидя на передке телеги с вожжами в руках, – кто-то с лазаретной машины, в которой везли раненых в Шкловский госпиталь, крикнул, что если мы будем проезжать через Родионовку, то чтоб передали его жене Запрудной, что он жив.

– Нету у нас жильцов с такой фамилией, – удивлённо загомонили родионовцы.

– А может, он назвал не Запрудная, а Заречина? – спросила Полина.

– Вот-вот. Именно так и сказал: «Передайте Заречиной, что я жив», – подтвердил старик.

Родионовцы совали в руки могилевчанам узелки со всякой снедью: яйцами, салом, отварной картошкой, зелёным луком и долго смотрели вслед веренице спасающихся от войны беженцев, пока те не скрылись за поворотом шляха.

Полина вошла в хату с посеревшим лицом. Она опустила на лавку у двери и так в неподвижности, с остановившимся взглядом, просидела около часа. Дети ни о чём не расспрашивали мать. Они догадывались, что её молчание каким-то образом связано с их отцом. Наконец, Полина поднялась с лавки и спокойным голосом, каким обыкновенно говорит человек после принятия твёрдого решения, сказала:

– Я пойду за отцом. Он раненый лежит в госпитале в Шклове. Любава! – обратилась она к старшей дочери. – Смотри за хозяйством и детьми. Я возвращусь скоро. Не забудьте поливать грядки с морковкой, делайте это на заходе солнца.

– Мама, до Шклова же будет больше сотни километров! – удивлённо сказала Любава. – Как же ты без подводы в такую даль будешь добираться?

– Свет не без добрых людей, – отвечала Полина. – Где подвезут, а где и пешком пройду. Не велика цаца.

Она обула лапти, в большой платок положила две буханки хлеба, несколько преснаков, в бумажку насыпала соли. Сюда же добавила прошлогодние сушёные яблоки и спички. Все продукты могут пригодится, так как неизвестно, сколько дней у неё уйдёт на этот поход. Свернула платок в скатку, забросила за спину, а концы скатки завязала на груди.

– Ждите меня с отцом, я – быстро. – Полина обняла и поцеловала детей и огородами, по выгону и мост через Проню, вышла на ольшан. Пересекла затем шоссе, выходящую на Горки и Оршу, краем леса прошла мимо Слободы и Зубрей

и просёлочной дорогой добралась до Маслаков. Не задерживаясь ни на мгновение, не осматриваясь, Полина вышла на край деревни и только здесь остановилась, перевела дух.

Солнце только-только повернуло с полудня на закат.

– Куда идёшь? – услышала Полина за спиной густой басовитый голос.

Она оглянулась.

– Тп-ру-ру! – натянул вожжи возница. – Далеко идти? Садись, подброшу.

– Мне в Шклов надобно.

– До Шклова не довезу, а до Любичей, со всей моей охотой, то, пожалуйста. Если устроит тебя, конечно, такое предложение, то располагайся.

Полина разместились на задке телеги и задремала. Наконец тряска телеги прекратилась, и Полина услышала: «Прибыли. Дальше уж сама добираться, не обессудь. Мне сегодня же надо вернуться в Маслаки».

– Спасибо тебе. Да тут уже рядышком. Не переживай за меня, дойду быстро.

– Кто у тебя в Шклове? – спросил возница.

– Мужик, – ответила Полина. – В бою под Могилёвым ранение получил. А в Шклове госпиталь устроен для наших бойцов. Вот иду забирать домой.

– А сама-то, откуда будешь? – дознавался возница.

– С Родионовки мы, – ответила Полина. Она слезла с телеги, поправила привычным движением платок на голове и споро зашагала по гладко накатанной дороге в направлении к Шклову.

Госпиталь расположился в школе. Но, по видимому, там не хватало места для всех раненых, и поэтому во дворе школы стояли ещё и палатки, в которые время от времени входили люди в белых халатах.

В воздухе стоял беспрестанный гул, производимый самолётами, летящими в разных направлениях, то ли немецкими, то ли нашими, не разобрать. Вдалеке, с той стороны, куда обычно закатывалось солнце, слышался грохот пушечной пальбы. Неожиданно один из самолётов отделился, он пошёл на снижение и, как показалось Полине, пикировал прямо на школу. «Ложись!» – раздалась команда. Полина бросилась на землю, закрыла голову руками. Звук рассекаемого самолётом воздуха перешёл в оглушительное грохотание, потом наступила тишина, а спустя мгновение раздался взрыв за полосой чернеющего леса.

– Наши «мессера» подбили! – услышала Полина чьё-то радостное восклицание. Она встала на ноги.

Шум заводимых моторов, сигналы подъезжающих и отъезжающих машин, ржание испуганных, запряжённых в подводы лошадей, беготня сол-

дат, медицинского персонала, отрывочных приказов – всё это производило впечатление хаоса, беспорядочной суматохи. Однако ни машины, ни лошади, ни люди не только не сталкивались друг с другом, а, наоборот, в их перемещениях можно было заметить строгий порядок. Полина догадалась, что госпитальная стоянка для раненых готовится к отъезду.

Она отыскала Мирослава. Тот лежал на полу спортивного зала школы, до отказа заполненного ранеными бойцами. Она присела на коленки перед мужем, лицо которого было мертвенного цвета.

Мирослав приоткрыл глаза.

– Ты? – сказал он, еле шевеля запёкшимися губами. – Тебе нельзя здесь. Тут – война. Уходи. – И он опять закрыл глаза.

Полина вышла из школы, нашла доктора и повела разговор с ним о ранении мужа. Выяснилось, что в груди Мирослава застрял осколок от разорвавшейся гранаты. Осколок маленький, с ноготь величиной, но находится в опасной близости от сердца. Доктор объяснил также, что оперировать сейчас нельзя, нет подходящих условий, и что часа через два-три начнётся эвакуация раненых, поскольку пришло сообщение о том, что немцы вытеснили Красную Армию из Могилёва, оккупировали Толочин и уже на подступах к Витебску и Орше.

– Доктор, можно мне забрать мужа домой? – спросила Полина, натянувшись всем телом, словно стрела. – Наша деревня тут недалеко, возле Шклова, – добавила она.

Доктор закурил папироску. Он оглядел эту простую крестьянскую женщину, великое чувство любви которой оказалось выше страха смерти, страха перед озверевшими гитлеровцами, артиллерийскими снарядами, падающими с неба со зловещим свистом бомбами.

«Сколько же хранится в русской женщине отважности и духовной силы, чтобы, пренебрегая смертью и, бросив дом, детей, родных, ринуться в житейскую бурю и всё лишь для того, чтобы спасти любимого человека. Любить и не желать взамен ничего. Любить без корысти и благоговеть перед мужчиной, принимающего её светлое чувство любви.

А что же мы, русские мужики? Неужели возможно отвергнуть это святое, воистину неземное чувство, остаться безразличным к столь трепетному и прекрасному движению русской души? Нет же, нет, тысячу раз нет. Сейчас, именно в эти страшные для Родины годы, у русского мужика и проявилось, глубоко скрываемое в повседневной жизни, истинное чувство преклонения перед величием души русской женщины.

Не раздумывая, он бросился защищать любовь своих женщин, их душевную теплоту, заботу, внимание, умение хранить семью, считая, что во Вселенной выше семейного рода ничто не может суще-

ствовать. И будет он драться, грызть за горло врага, но не уступит поле любви чужеземцу, не способному к приношению великой бескорыстной жертвы к ногам человека.

А такая любовь, как у этой крестьянки, спасает человеческие жизни. Кажется, в древнеславянском языке слово «семья» имеет смысл «Родина». Как всё у русского народа переплелось: и слова, и личные отношения, и государство» – рассуждал про себя доктор.

Он ещё раз кинул беглый взгляд на Полину: «Врёт, конечно, что деревня рядом. Лапти и белые онучи покрыты толстым слоем серой дорожной пыли. Наверное, не один десяток километров прошагала эта крестьянка с её вековой любовью и жертвенностью. Да и выбившиеся из-под платка светло-золотистые волосы, изодранный рукав на блузке, вырванный кусок юбки, болтающийся сзади, говорят о том, что она, скорее всего, не шла, а всю дорогу бежала бегом. Бежала, наверное, и через лесные овраги и падала не раз, на что красноречиво указывают ссадины на ладонях и лице», – доктор сделал ещё несколько затяжек и подождал медсестру.

– Оформите документы на выписку, – начал он.

– Заречина Мирослава Святославовича, – подхватила Полина.

– Да-да, на него самого. И вот что ещё, – доктор обернулся к Полине. – Этот осколок со временем может выйти и сам, без хирургического вмешательства, а может и закапсулироваться. На первых порах Вашему Мирославу Святославовичу надо есть только куриный бульон, приготовленный из петухов, а не куриц.

– А сколько ж этих петухов надо сварить? – спросила Полина.

– Для укрепления организма – не менее четырнадцати. Всё, многоуважаемая, забирайте Вашего мужа и будьте здоровы. – Доктор повернулся, чтобы идти. Но Полина уже развязала платок-скатку и достала буханку хлеба.

– Примите, доктор, за Вашу доброту. – Полина с поклоном протянула гостинец.

– Благодарствуйте! – доктор взял хлеб, понюхал его. – Землёй пахнет, – сказал он, – Родиной. Так как называется, говорите, Ваша деревня? – с хитрецой в голосе спросил он Полину.

– Любичи, любинические мы, – твёрдым голосом ответила Полина.

Доктор махнул рукой, к нему подошёл молодой солдат и козырнул.

– Медикаменты загрузили в машину?

– Так точно, товарищ майор, загрузили! – отчеканил солдат.

– Вы же едите по направлению к Орше, как я понимаю? Будьте любезны, братец, подбросьте одно-

го раненого до станции Любичи. И для этой женщины отыщите местечко.

– Есть! – ответил солдат.

В Любичах солдаты осторожно сняли Мирослава и положили на обочине дороги.

– Спасибо, сыночки дорогие! – поблагодарила Полина.

– Нет за что. До свидания, мать. Поправляйтесь! – Машина заурчала и через пару минут скрылась за домами.

Солнце зависло совсем низко над горизонтом: вот-вот закатится.

Мирослав приподнялся и сел. Полина достала берёзовый туюсок, поднесла к губам мужа: «Пей, Мирослав, пей, любви мой».

«Как же добираться нам домой? Надо что-то придумать» – размышляла Полина.

– А ты быстро обернулась, – слышался басовитый голос. – Я думал, что всю ночь придётся ждать твоего раненого мужика. – К Полине подошёл знакомый возница. – Давайте-ка, садитесь, время у меня ещё немного есть в запасе, довезу вас до Слободы.

К Слободу подъехали, когда вечерняя синева сильно загустела, но хаты слобожан, лес, поля ещё хорошо просматривались.

Возница помог спуститься с телеги Мирославу, затем достал волокушу, сплетённую из прутьев лозы и с привязанными к ней постромками.

– Я пока ожидал вас, смастерил волокушу. Не знал, что за рана у твоего мужика. А вдруг обезноженный вовсе, так вот волокуша пригодилась бы весьма кстати, – сказал возница.

– Благодарствую. Помог ты нам крепко. На, возьми, пожалуйста, – Полина достала из платка-скатки хлеб, преснаки и остальную готовизну, положила всё это на дно телеги, устланной сеном. – Прими гостинцы, не откажись, добрый человек.

– Да что ж отказываться от подарков-то? Не след этого делать, очень даже пригодятся. Ну, бывайте здоровы, земляки, лечите рану сердечную

– Откуда тебе известно, что у Мирослава осколок под сердцем? – поражённая такой осведомлённостью возницы, спросила Полина.

Возница хмыкнул: «Так в сражении под Могилёвым только один боец и был в таком возрасте, как твой Мирослав. Это ж он водил молодых красноармейцев в рукопашный бой с фрицами. Те, как увидят твоего мужика, так ружья кидают на землю, а в штаны столько накладывают, что вонь по всему фронту разносилась. И кричат при этом: «Русский Иван, большой русский Иван! Фрицам капут!» Но мужик твой внимания ноль обращал на их вонючее приветствие, а когда сходились грудь грудью, то он этим обгаженным фрицам скручивал головы, словно цыплятам.

А молодые-то красноармейцы, видя, как воин, который по возрасту им в отцы годится, спокойно расправляется с этими поганками-фрицами, тоже кидались в рукопашную схватку и били их по санкам и носапьям или же кинжалом в бок.

Эх, если бы парень из Горок во время атаки слишком не оторвался от наших... А то, видишь-ка. Ушёл далеко вперёд. Фрицы его окружили, а он вытащил гранату да подорвал себя вместе с ними, а твой Мирослав как раз бежал на выручку-то нашему бойцу. Вот тут его осколком, под самое сердце», – возница помолчал.

– Эх, кабы не та граната, – продолжил он, – то твой мужик за собой в атаку водил бы всю Красную Армию и все войска шли бы за ним. Да что же те перича. Выздоровливай земляк-богатырь. Спасибо тебе за тот бой.

Мирослав протянул руку вознице: «И ты, бывай здоров» – тихим голосом произнёс он. Возница, наклонившись к Мирославу, однако же, вместо правой руки, подал левую.

– А что с рукой, земляк? – спросил Мирослав.

– На первой Мировой с фрицем в рукопашной покалечил, – ответил возница.

Полина только сейчас обратила внимание, что сухонький, юркий возница всё делает левой рукой, а правая служит ему только для подпорки. Несмотря на жару, на голове у него надет треух, на тело, поверх рубахи с вышитым воротом и подпоясанной верёвкой, накинута телогрейка. И до того телогрейка была старой и засаленной, что блестела, будто лаковая. На ногах лапти с суконными онучами. «Бобыль, что ли?» – подумала Полина и спросила:

– Сколько ж тебе годов?

– Я с восьмьсот шестидесятого. С сестрой младшей живу в Маслаках. Бабу свою и детей потерял в первую Мировую: с голоду перемерли. Но я фрицам тоже тогда дал прикурить. Пожалуй, что за сотню осталось лежать в Расеи кормить червей. И как только Земля-Матушка выдерживает это племя людей, не знаю. Вот и опять припёрлись, поганцы смердючие, – старик сплюнул. – Ну да ничего, очистим и от этих атмосферу Расейскую. Покедова, земляки, ехать надобно, а то сестра в волнении пребывать будет.

Возница взобрался на телегу, левой рукой взял вожжи и легонько тронул им круп лошади: «Пошла, милая. Пошла домой».

Полина, поддерживая под мышки, помогла мужу переползти на волокушу. На это перемещение Мирослав, по-видимому, растратил последние силы. Он лёг на спину и закрыл глаза.

Полина впряглась в волокушу и потащила её через шоссе к ольшану.

Раньше, на месте грунтовой дороги, соединяющей Родионовку с шоссе, рос оль-

ховый лес. И для того, чтобы съездить в Горки или Оршу, родионовцам приходилось совершать большой крюк, то есть добираться сначала до Совы, а уж из неё – до избранного пункта назначения. Лет сто назад родионовским мужикам пришла в голову серьёзная критическая мысль: на такие поездки время они расходуют неразумно. Устроив совещание, они приняли решение: вырубить ольховый лес и проложить дорогу напрямую от деревни до шоссе. Сказано – сделано! Два года ушло на расчистку, выкорчёвывание и выравнивание верхнего слоя грунта. Но зато потом их усилия окупились с лихвой: каких-нибудь четверть часа и родионовцы, пожалуйте, тебе, на главной общественной трассе.

Как только Полина с шоссе насыпи ступила на ольшан, одновременно со стороны Совы послышался шум, переросший вскоре в рёв машин.

Ночь сгустилась до непроглядной темноты. Лес, шоссе, дорога-ольшан, волокуша, с лежащим на ней Мирославом, стали почти неразличимыми, сливаясь с ночным мраком. Полина легла на живот рядом с волокушей и до рези в глазах всматривалась в приближающуюся технику. Вскоре грохот машин раздался чуть ли не над её головой: это была колонна танков, передвигающаяся по направлению к Орше. «Чьи танки? Наши или немецкие?» – Полина затаила дыхание, она боялась даже шевельнуться.

А танки, выстроившись друг за другом, всё текли сплошной лавиной, взламывая железным лязгом сонную тишину и мглу окрестных деревень. Наконец, гром машин начал удаляться, затихать и вдруг сразу наступила оглушительная тишина, и всё опять погрузилось в кромешную тьму.

Насколько на земле разлилась ночная темь, настолько же небо высветлилось от ярко мерцающих звёзд. Среди них особенно выделялся своим сиянием семизвёздный ковш Большой Медведицы. Его рукоятка нависла прямо над Родионовкой. Полина накинула на плечи постромки и потащила волокушу, с каждым шагом удаляясь всё дальше от опасной шоссешной дороги.

Вначале передышку она устраивала через каждые двадцать шагов, затем снова впрягалась, делала двадцать шагов и останавливалась. Однако ей подумалось, что она устраивает себе слишком частый отдых, и поэтому решила тянуть волокушу на счёт до пятидесяти шагов, а уж потом отдыхать, выравнивать дыхание.

По правую сторону ольшана было поле с уже зацветающим льном. Порой Полине мерещилось, что вдоль кромки льняного поля крадутся бесшумно тени каких-то зверей. Когда же она оборачивалась, чтобы посмотреть, кто бы это мог быть, то никого не обнаруживала, а только слегка колыхающийся лён, до этого бывший совершенно неподвижным. Полина вдруг отчётливо вспомнила, что несколько

раз, когда она бежала лесом к Шклову, она видела, как за деревьями мелькали такие же тени. «Волки, – подумала Полина, и тело вмиг покрылось холодным потом, – за мной следом идут волки».

Полине казалось, что она идёт, но на самом деле она уже давно ползла по ольшану, рывками передвигая волокушу с лежащим на ней Мирославом. Иногда она наклонялась к лицу мужа, слушала его дыхание, и снова тянула волокушу, отсчитывая вслух намеченные пятьдесят шагов.

Полина дотащила волокушу до коровника, который стоял на косогоре, круто обрывающимся к берегу Прони. «Всё, теперь осталось совсем немного, – думала Полина, – взглядываясь в смутные очертания речного моста, – пройду мост, потом поднимусь на выгон, а там уже и хата рядом».

Она села рядом с волокушей: руки и ноги у неё тряслись, биение сердца подступало к самому горлу, глаза закрывала серая пелена, платок сбился на затылок, мокрая от пота кофта прилипла к телу. Пересиливая слабость, она поднялась, было, но не устояла, колени подломились, и она вновь опустилась на землю «Сейчас, я сейчас, Мирославушка, только капельку отдохну. Мы уже с тобой почти что дома», – чуть шевеля пересохшим языком, говорила Полина. Она сызнова сделала попытку встать, но ноги отказывались ей подчиняться.

Вдруг из темноты прямо перед ней возникли силуэты волков. Один из них приблизился и пастью схватил постромки. Полина ойкнула, отпрянула и повалилась на бок. «Дедушка Иван, дедушка Иван, помоги, спаси меня, ты же охотник. Дед Иван», – леденя от ужаса, шептала Полина. Другой волк подошёл к сжавшейся в комочек женщине и лизнул её в лицо. Полина потеряла сознание.

Очнулась она, когда чьи-то сильные руки подняли её с земли, и послышался уверенный голос деда Ивана, который приказывал раненого нести не на волокуше, а на одеяле.

По дороге к дому Полина узнала, что дед Иван проснулся среди ночи оттого, что во дворе вдруг закудахтали куры, начала мычать корова и заблеяла овца.

«Выскочил я, – рассказывал дед Иван, – а посредине двора сидит здоровенный волк. Я было назад, в сенцы сунулся, чтобы в руки схватить орудие какое, а серый как прыгнет, и встал между мною и дверью в сенцы. И давай наступать на меня, и всё норовит оттеснить к воротам, а живность не трогает, как будто она ему и не интересна вовсе. Что за поведение у зверя странное, не волчье какое-то, а больше на человечье похожее, думаю. Подошёл к воротам, открыл их, а волк стоит в проёме и не двигается. Вот тут до меня стало доходить, что он пытается меня куда-то отвести, и зла от него я не потерплю».

Иду по деревне, а волк впереди рысит, да что-то мне один на один страшновато оставаться со зверем. Взял да и крикнул Макару, чтоб тот выходил, потом Василя позвал, а волк – ничего, идёт впереди. Вся деревня всполошённая проснулась. Перешли мост, поднялись к ферме, а там ты с Мирославом лежишь и оба в беспамятстве находитесь. А вокруг вас волчья стая кругом расположилась, вроде как охраняют, стерегут, значит. Ну, как только мы рядом с вами оказались, лесные гости исчезли, вроде бы их и не было совсем. Вот такие дела чудные вершатся нынче», – завершил рассказ дед Иван.

На утро следующего дня у постели Мирослава побывали все жители деревни. Мирослав спал, сквозь сон он слышал взволнованные голоса людей, но проснуться не хватало сил. Пробудился он только на третий день. В хате никого не было. Мирно стучал маятник часов. На подоконнике окна, открытого в палисадник, сидела кошка. Почувствовав взгляд человека, она спрыгнула на пол, подошла к двери и начала мяукать, требуя выпустить её на улицу. Мягкая улыбка тронула губы Мирослава: он дома, значит, будет жить, поправится.

Вошла старшая дочь, увидела проснувшегося отца, лицо осветилось радостью: «Папочка, здравствуй!» – сказала она.

– Здравствуй, доченька. А где все? – слабым голосом спросил Мирослав.

– Родик с мальчишками на речке, рыбу ловит. А мама с Меланьей и Велесой в огороде. Я сейчас позову их – Любава выскочила из хаты.

Через минуту в хату стремительно вбежала Полина. Она испуганно взглянула на мужа: не случилось ли что с ним.

– Как ты, Поля? – спросил Мирослав.

– Да что я? Что со мной станется? – ответила Полина, присев на край кровати и поправляя под головой мужа подушку. – Опомнился, пришёл в себя, вот и хорошо, вот и славно. Лежи, не двигайся, тебе полный покой нужен. А ещё доктор приказал тебе питаться петушиным бульоном. Так ты, Мирославушка, ешь этот бульон, пожалуйста, и не говори, что такая еда только для детей годится. Хорошо?

– Добро. Что скажешь, то и буду делать, – сказал Мирослав. Он взял руку жены, поднёс к губам и поцеловал её. – Спасибо, Полюшка, спасла ты меня, родная. А что у тебя с волосами? Ты что, пеплом их посыпала? – удивился Мирослав, разглядывая волосы жены.

Полина подошла к зеркалу. В нём она увидела женщину с совершенно седыми волосами; глаза с горячечным блеском и чёрными кругами под ними; кровоподтёками на скулах и подбородке. Чужое, не принадлежащее ей лицо. Обернулась к мужу: «Бог с ними с волосами, какие есть, такие и носить буду. Родя, – подозвала она сына, стоявшего с удочкой

рядом со старшими сёстрами. – Беги за бабушкой Марией, она живёт в том конце деревни, что ближе к Сове. Ты знаешь бабушку Марию?»

– Знаю, мама. Её хата рядом с колодцем-журавлём стоит. А в палисаднике растёт крыжовник, сладкий, хоть и зелёный. Меня бабушка Мария угощала в прошлом году. Она сказала, что и этим летом покормит крыжовником, только он ещё не поспел. А что сказать бабушке? – Родион смотрел в лицо матери, готовый выполнить любую просьбу.

– Скажи, что твой папа пришёл в себя, и требуется помощь.

– Хорошо, мамочка. Папа, я быстро сбегаю, только ты не засыпай опять, – скороговоркой выпаливал Родион. – Я быстренько обернусь, только ты обязательно погоди меня, не засыпай. Мне надо тебе показать машинку, я сам выточил её из дерева.

– Добро, сыночек, подожду, – ласково ответил Мирослав.

Родион стремглав выбежал из хаты.

«Какие у нас хорошие дети», – подумал Мирослав. Потом сказал: «Несите бульон, детское питание. Да ничего не поделаешь, буду есть, я и сам ноне, словно дитя малое».

В течение месяца баба Мария лечила Мирослава разными болотными травами, голубой глиной, что в избытке имелась в карьере за деревней, да ещё заговорами. Каждый день поила его ключевой водой и смачивала ею рану, и осколок вылез-таки из тела. А через год Мирослав вошёл в прежнюю силу.

До родионовцев докатилась молва, что госпиталь из Шклова, где лежал Мирослав, при эвакуации подвергся бомбардировке немецкими самолётами и что спаслись лишь те раненые, что были на своих ногах, остальных же всех поубивало. Мирослав, узнав о жестокой гибели однополчан, сказал, что немцы нарушают божественные законы. Он говорил: «На войне добивать раненых нельзя, так как раненому воину жизнь оставляют боги, и человек уже не волен распоряжаться и вмешиваться в его дальнейшую судьбу. Немцы же переступили черту божественных предписаний, и теперь им придётся сражаться не только с русским войском, но и с высшими небесными силами.

Всё! – добавил он категорически. – Проиграли фрицы войну. Боги русов не прощают вторжения, которое изменяет распорядок в их вековечной жизни».

События далёкой войны промелькнули в воспоминаниях Мирослава, и он снова склонился над женой. Авдотья поднесла к носу Полину краешек полотенца, смоченного уксусом. Полина дёрнула головой и открыла глаза.

– Полечка, ну с чего ты взяла, что это не благодарственное письмо, а похоронка? Там же гово-

рится только о награде Родиона, о том, что наш сын служит без замечаний, безупречно и что начальство им довольно, – уговаривал жену Мирослав.

– Дайте-ка, пожалуйста, мне конверты, – попросила Авдотья.

Она долго рассматривала штампы на конвертах, потом воскликнула: «Конверт от морского начальства отправлен ещё в марте. Вот, смотрите сами, седьмое марта. А Родион отправил письмо тридцатого мая. То есть получается, что ваш сын писал послание уже после того, как было отослано начальственное письмо с благодарностью. Так что жив, здоров Родион, в скорости домой прибудет», – уверенно заключила Авдотья и задорно улыбнулась.

Полина тоже внимательно изучила штемпели на конвертах и виновато проговорила: «И что за напасть налетела на мою голову, могла бы и сама проверить конверты. Хватит волнению предаваться, – она встала с постели. – Мирослав, вези-ка венец на ключ, люди ждут».

– Меняете сруб на ключе? – спросила Авдотья. – Дядя Мирослав, а можно взглянуть хоть одним глазком на венец?

– Отчего же нельзя? Запрету нет на глядение. Полина, иди, покажи венец, а мне на чердак надо слазить.

Авдотья кругом обходила венец и при этом она беспрерывно ойкала и всплёскивала руками.

Когда она вернулась в хату, Мирослав протянул ей новые лапти с онучами и сказал: «Авдотья, держи обновку, а калоши скидывай, они починки требуют. На днях заезжай, заберёшь из ремонта свою обутку».

– Дядечка Мирослав, тётя Полечка, вот спасибо, вот подарочек неожиданный, негаданный, – приговаривала Авдотья, обматывая ноги онучами и переплетая их оборами. – Вот уж угодили, так угодили, нечего сказать. Ай, красота какая, а мягонькие, удобные до чего ж! – Почтальонша встала с лавки, прошла, пританцовывая по хате, и засмеялась тоненьким, по-детски всхлипывающим смехом. Потом встала перед хозяевами и пропела звонким, чистым голосом:

– Дай же, Божа, чтоб вам было гожо,
Весело жилося, счастливо велося,
В поли уродисто, в гумне – накладисто,
В клети насыписто, в млыне – намелисто,
В дежи подыходисто, на столе уедисто.

– Спасибо, добрая душа за речь богатую. И тебе того же желаем, – Полина заулыбалась, невольно поддаваясь радостному настроению Авдотьи.

Авдотья птицей выпорхнула из хаты, вскочила на велосипед, ещё раз оглядела обновку, помала рукой Полине и Мирославу, провожающих

с крыльца гостью-вещунью, и покатила домой в Сову. Там её ожидали двое сыновей-подростков, которых она растила одна: мужа расстреляли во время войны немцы за связь с партизанами.

Мирослав подогнал подводу, погрузил на неё венец, прикрыл одеялом и повёз к ключу. Полина крикнула вдогонку: «Езжай, я следом скоро буду, только ковш возьму для воды».

Венец

– Дедушка Мирослав едет! – закричали дети и побежали навстречу подводе, свернувшей с выгона на дорогу, прилегающую к лугу позади деревенских огородов. Женщины вздохнули с облегчением: торжественный момент в их жизни не будет упущен.

Мирослав остановил лошадь, спрыгнул с телеги, оглядел собравшихся. В груди сдавило сердце: как-то оценят его мастерство сельчане? «Многие родионовские мужики топором владеют не хуже моего. А что доверили ему последний венец рубить, так это, пожалуй, из уважения к возрасту», – думал Мирослав, стягивая холстину с творения своих рук.

Подожли мужики. «Поднимайте!» – велел Мирослав. Внук деда Ивана, сорокалетний Олег со своим другом Василием сняли венец с телеги.

Радионовцы прямо-таки впелись глазами в изделие дядьки Мирослава. Им в жизни приходилось видеть и самим творить множество необычайных вещей, головы у родионовцев, надо заметить, варили весьма недурно, но такого изобретения они ещё не видывали на своём веку.

Мирослав стоял, не говоря ни слова, и родионовцы, поражённые увиденным, тоже хранили молчание, разинув в изумлении рты.

Над брёвнами, связанных в четырёх углах в обло, возвышался дощатый купол. Наверху, в центре соединения выгнутых досок, в распорке, был закреплён полый диск. По окружью диска с равными промежутками, но разной длины от него отходили двенадцать тоненьких лучин. Это было Солнце и двенадцать месяцев. Короткие лучины изображали те месяцы, когда Солнце обходило небо за время всего ничего, а длинные – когда светило застывало над головой и, казалось, не двигалось с места по нескольку часов.

На самом куполе вырезаны созвездия, через которые Солнце пробегало в течение года.

У основания купола, по кругу венца, выстроились терема, с выточенными бочкообразными крышами, застеклёнными оконцами, столбиками, подпирающими крышу, крылечками, украшенными подзорами. К каждому крыльцу вверх вели три ступеньки. На верхней ступеньке находились деревянные фигурки мужчин, однако лицом и одеянием заметно отличающиеся друг от друга. Какие-то фигуры были с длинной бородой или же – с корот-

кой, а кто и вовсе с голым подбородком. Кто одет в длинную рубаху без пояса, кто – опоясанный; кто в лаптях, а иной – босой.

На второй ступеньке расположились фигурки женщин и также по-своему принаряженные. На головах у некоторых женских фигурок одет кокошник, у других – кика или платок, а то и простоволосые, с перекинутыми на грудь косами. Женщины стояли, одетые в рубахи, сарафаны, кофты с юбками и понёвы. Ноги обуты в чеботы, лапти или же босые.

На самой нижней ступеньке разместились фигурки детей.

Внизу теремные строения охватывала кольцом широкая доска. На ней были изображены речка, с перекинутым через неё мостом. Мост соединял выгон с дорогой, ведущей в лес, который рос недалеко от берега реки. Затем можно было разглядеть околицу деревни и уходящий вдаль шлях, по обеим сторонам которого колосилось поле пшеницы. Далее виднелась пойма луга, стог сена и пасущаяся рядом с ним лошадь. За ними раскинулся яблоневый сад. Ветви яблонь гнулись к земле под тяжестью созревших плодов.

В нижней части этого изображения выдавалась вперёд выточенная деревянная голова утки с раскрытым клювом. Это был сток для воды.

Дядька Мирослав пощипывал седые усы и никак не мог понять настроения родионовцев. Те стояли, словно окаменелые, не сводя глаз с замысловатого венца. Наконец, дед Иван сдвинулся с места и, как бы крадучись, начал обходить вокруг диковинной вещи, которую продолжали держать Олег и Василий. Он приблизил лицо к одному терему, упёрся редкой седой бородой в кольцевую доску. Долго разглядывал мужскую фигурку на крыльце, архитектурные детали терема. Потом отошёл на шаг назад, охватывая взглядом целиком заинтересовавшее его строение. Опять упёрся бородой в доску и вперил глаза в деревянную статуэтку. Повернув голову к сельчанам и ткнув пальцем в изваяние, с удивлением проговорил: «Это мой дедушка, а внизу – бабушка. А это, – дед Иван опустил палец на фигурку девочки, сидящей поджавши ноги на нижней ступеньке крыльца, – моя матушка». Вскинул глаза ещё раз на терем и уверенно добавил: «Мирослав мою хату обрисовал».

Речь деда Ивана словно сняла с родионовцев охватившее их оцепенение. Они осторожно, будто боялись испугнуть уже возникшую в голове загадку замысла дядьки Мирослава, приблизились к венцу с куполообразным покрытием.

– Смотрите-ка! То ж мой батька! – Ярослав обернулся, ища глазами жену. «Ганна, погляди! Ты ж должна помнить его. Когда мы поженились, он был совсем не старый, годов под пятьдесят. А это моя

матка, а тут внизу я стою», – Ярослав огладил коротко стриженную бородку, поправил рубаху за ремень и засмеялся по-детски счастливым смехом.

Возгласы узнавания предков и самих себя понесли со всех сторон рассматриваемого венца.

– Смотрите-ка! Бабушка Мария с мужиком своим Никитою стоит, – возбуждённо говорил внук деда Ивана.

Баба Мария жила в том конце Родионовки, который соединялся двухкилометровой просёлочной дорогой с Совой, где находился сельсовет. Баба Мария хотя и дожила до ста восьми годов, а глаза имела зоркие, молодые. Выйдет, бывало, на крыльцо, приставит ладонь козырьком к глазам и точно скажет, поехал ли по Сове автобус или же грузовик.

Баба Мария лечила старинными заговорами всех детей родионовских. Скатает хлебный мякиш в шарик и водит им по голове, за ушами, по локтевым сгибам и под коленками, а потом катает по животу и шепчет при этом одной ей известные древние слова. Называлась эта процедура: «Выкатать болезнь с тела человека». Случалось, захворавшее дитё и сморится в хате лекарки. Так, сонного ребёнка родители и уносили домой.

Муж бабы Марии давно помер. Однако ж в разговоре о серьёзных делах старая женщина непременно выступала и от его имени. «Мы с Никитой думаем...» – начинала она беседу, как будто её муж не лежал, поди, с годков так тридцать на кладбище, а находился рядом с ней, по обыкновению, склонив голову к правому плечу и пощипывая кончики усов, свисавшие вниз за уголки губ. Поначалу соседи с испугом слушали имя покойного, слетавшее с уст бабы Марии. А потом, поскольку спустя и год, и три она продолжала упоминать его имя, то взяли в толк, что мужа своего баба Мария, по-прежнему, числит в живых. И на могилку Никиты сходит, бывало, подправит её, цветов посадит, поплачет, что рано оставил её одну в старости. Но, вероятно, такие чувства были сильные к Никите, что не могла баба Мария разорвать их, оставить в прошлом, оттого имя мужа так часто звучало в её речах.

– А где моя хата? Видел кто-нибудь? – жалобно спрашивала Ясуня, страшась, что вдруг Мирослав забыл про её родню.

Ганна остановилась напротив терема, прищурила глаза и позвала Ясуню.

– Глянь-ка, не твой ли батька туточки стоит? И крыльцо в точности с твоей хаты выделано – Ганна потянула соседку за руку.

Женщина подошла к терему, прищурившись, подслеповато, долго разглядывала фигурки, стоящие на крыльце. Наконец, улыбка тронула припухлые губы, и она прослезилась: «Мой таточка, мой родненький. И хата в точности моя. Благодарствую Мирославушка. Я что подумала, если живу

одна, так может моей родне и не место на этой сходке».

Дядька Мирослав промолчал. В тридцатые годы, при раскулачивании, Степана, отца Ясуни, забрали и увезли из деревни. Куда увезли и что с ним стало, никто не объяснил ни Катерине, жене Степана, ни его дочери – малолетней Ясуне. Катерина плакала по мужу день и ночь, а через два года её схоронили. А к Ясуне опасались присылать сватов. Хоть девка она была видная и до работы охочая, однако ж – дочка сгинувшего кулака. Так и прожила Ясуня до тридцати годов, не зная ни мужниной ласки, ни счастья материнства.

Ясуня ростом была чуть выше среднего, русые волосы всегда гладко зачёсаны и собраны на затылке в узел. В блузке, вышитой по плечам, заправленной в длинную клетчатую домотканую юбку, прикрытой сверху тканым узорчатым передником, Ясуня, пожалуй, ничем не отличалась от других родинонских женщин. Вот разве глаза, которые приковывали к себе внимание каждого, кто находилась рядом с ней. Растерянность, боль, отчаяние, казалось, навсегда поселились в этих серо-голубых, окаймлённых густыми, чёрными ресницами глазах. Встретившись взглядом с Ясуней, чудилось, что она вот-вот задаст вопрос: «Отчего, когда цветут яблони, я не понимаю, что наступила весна? Почему осень совершенно похожа на лето, а лето – на зиму? Почему весь год одинаков и нет в нём движения природы?».

Сейчас в потухших глазах Ясуни загорелся огонёк, на лице появилась улыбка, прежде не касавшаяся строго сжатых губ. Щёки молодницы покрылись румянцем, и она чуть было не подскочила на одной ноге, как обыкновенно делают дети в минуты безотчётной радости. Движимая чувством благодарности, она подходила то к одному, то к другому сельчанину и приглашала к себе на вечерю. За ней по пятам неотступно ходил гусь.

Гусь этот был примечателен среди своей пернатой породы тем, что почитал своим птичьим долгом ... нести сторожевую службу во дворе Ясуни, а также, как казалось с точки зрения его гусиных глаз, по совместительству охранять хозяйку от подозрительных и нежелательных лиц. Когда он вылупился из яйца, то ничем особенным не отличался от своих братьев и сестёр. Но вот когда подрос, оперился, обзавёлся крыльями, тут и проявил свой служивый характер: сам себя назначил на должность сторожа Ясуниного хозяйства. Родионовцы знали историю этого необычного гуся и дивились силе природы, которая и среди пернатых может производить на белый свет такое сообразительное существо.

Ясуня рассказывала, как началась гусиная служба: «Вышла я как-то в огород полоть картошку, а

гусь увязался за мной. Ходит следом по бороздам, да изредка бормочет своё гусиное «га, га...га, га». Ну, ходи, думаю, работать не мешаешь, да и мне веселей. А тут куры соседские зашли в огород. У них свой интерес: травы пощипать и червяков порыть. А гусь увидел курей, крылья растопырил, шею вытянул, да как зашипит, да как бросится на курей, и давай гоняться за ними. Бегал, шипел на них до тех пор, пока испуганные куры, спасая свои жизни, не схоронились на соседском огороде.

Вот и повелось с этого случая: гусь и корову в хлев загоняет. Если же кто чужой подойдёт к воротам, то он тут как тут: крылья растопырит и гогочет, значит предупреждает, что не впустит чужака. За водой к колодцу иду, а гусь следом. Но в поле на работу я его всё-таки не беру, оставляю дома вместе хозяина».

Вот и сейчас гусь, переваливаясь с лапы на лапу, важно шествовал за Ясуней. И хотя вокруг Ясуни толпилось множество людей, которые обнимали его хозяйку за плечи, громко смеялись, гусь, по видимому, не обнаруживал в этих действиях чего-либо угрожающего своей спутнице, поэтому вёл себя весьма дружелюбно.

– Дядя Мирослав, пора ставить венец на ключ, – слышались голоса. – Добро сработано. Красиво. Увековечил память родиноновского рода, – раздавались восклицания со всех сторон.

Мирослав поднял венец над головой и двинулся к срубам.

– Стой, Мирослав, задержись, – возглас деда Ивана остановил движение Мирослава. – Бабушка Мария идёт к нам. Дождёмся её.

Венец снова перехватили Олег и Василий.

Мимо яблоневых садов и огородов, с выгона, на дорожку, ведущую к ключу, свернула баба Мария. Она шагала торопко, тяжёло опираясь на кий: давали себя знать годы. По мере её приближения родинонцев охватило неизъяснимое волнение. Только-только они пришли в себя от волшебства творения рук Мирослава, теперь же в изумление их привёл наряд бабы Марии.

К ним подходила статная женщина с той пленительной мягкой красотой русского лица, которая с годами не тускнеет, а лишь прячется за глубокими морщинками. В руках баба Мария держала небольшой короб.

На голове у неё был надет кокошник, густо расшитый речным жемчугом, а также золотой и серебряной нитью. Жемчужная сетка-поднизь спускалась с кокошника на лоб и виски. Височные кольца-лунницы слегка позванивали при ходьбе. Поверх рубахи, богато вышитой по плечам и рукавам, надета юбка, вытканная старинным узором. Юбка охвачена спереди и сзади двумя полотнищами кружевной понёвы. Короткая бархатная безру-

кавка тёмно-синего цвета, расшитая мелким жемчугом, завершала верхнее одеяние старой женщины. Ноги были обуты в чеботы. И до чего все детали одежды сочетались между собой в цвете и в украшении, и так всё ладно сидело на фигуре бабы Марии, что казалось, перед родионовцами предстала молодница лет так под сорок, но никак не женщина, перешагнувшая целый век своей жизни.

Сельчане почтительно и с восхищением во взглядах расступились перед бабой Марией. Старейшая жительница деревни неспешно обошла венец, внимательно разглядывая на нём изображение. Затем сказала: «Сынок, пошто пропустил один род, али места для него не нашлось?» – она пронзительно взглянула на Мирослава.

Тот смутился, было, однако же, невинным голосом ответил: «Бабушка Мария, на память я не жалуюсь. Тут представлены все колена жителей деревни, даже боковые ветви нашего рода-племени».

– Да, сынок, память у тебя крепкая, верно молвишь. Пусть будет по-твоему, как изрёк – в уголках губ бабы Марии мелькнула ироничная усмешка. Она подошла к сруб, достала из короба мешочек и высыпала из него в воду соль. Затем на сруб были выставлены испечённые из теста фигурки лошадей, аистов и жаворонков. Баба Мария нагнулась к ключу и что-то зашептала в тихо журчащую воду, потом выпрямилась, фигурки вновь сложила в короб и отошла к сельчанам.

Наконец чудо-венец водворён на сруб, ключевая вода быстро отыскала свободный проход и потекла упругой струёй из раскрытого клюва деревянной утки, падая на выложенную под срубом речную гальку. Полина подставила ковш, наполнила его прозрачной водой и поднесла с поклоном бабе Марии. Баба Мария отпила, а потом ковш пустили по кругу.

Порой в ковш скатывалась чья-нибудь слезинка, но ключевая вода не становилась от этого солёной. Вероятно, влага, истекающая из счастливых глаз человека, по своей природе едина с подземным источником воды.

Несколько раз наполнялся ковш, пока воды не отведали все собравшиеся.

Солнце, поднявшееся на середину неба, изливало живительную энергию на деревню, родионовцев, новый сруб для ключа с диковинным верхним венцом и на тянувшийся вдоль речки цветущий луг.

Этот луг никогда не засевался и не вспахивался. Испокон веков каждое лето на нём расцветали тысячи, а может и миллионы разных цветов. Синие, голубые, фиолетовые, жёлтые, тёмно-вишнёвые, красные, белые, сиреневые – все они, словно самоцветные камешки, рассыпались по лугу, брошенные чьей-то щедрой рукой. Цветы пижмы, колокольчиков, клевера, ромашки, вьюнка, смолки, медуницы,

сныти, одуванчика, тысячелистника и много-много других соцветий горели яркими красками под лучами полуденного солнца. Среди луговых цветов то тут, то там встречались полянки щавеля, растущего всегда купно.

Из травы беспрерывно взмывали пчёлы, стрекозы, шмели, большие и маленькие жучки, которые, отыскав новый цветок, тут же опускались на него. У корней растений, где было темно и прохладно, от лучей палящего солнца прятались лягушки. Чуть слышно стрекотали кузнечики.

Высоко в небе чёрными точками трепетали жаворонки: прямо под ними в луговой траве находились гнёзда.

От луга исходил дурманящий и терпкий запах цветочного разнотравья.

Для родионовцев луг представлял собой такое же естественное продолжение их повседневного быта, как и своенравная речка Проня, или же сдержанный и степенный в своём потоке ключ. Для косябы луг каждый год делился на участки: по числу дворов. Соблюдали очерёдность в пользовании луговыми покосами: использовав отведенный деревенской сходкой участок, на следующий год семья заготавливала сено уже на другом. Сено, собранное на лугу, было настоящим лакомством для домашней скотины.

Сюда же, на луг, женщины приносили льняные холсты и раскладывали их для отбеливания под жгучие лучи солнца.

Разумеется, для родионовцев луг являлся также кладовой всевозможных лекарственных трав.

Но настоящими хозяевами луга считали себя дети. С самого раннего утра и до позднего вечера они могли проводить время на лугу, купаться в Проне, играть в свои бесхитростные игры. Порой детвору и до еды нельзя было дозваться: попьют ключевой воды и говорят родителям, что они не голодны. Дети знали жизнь всех стрекоз, шмелей, пчёл, лягушек, жаворонков, которые тоже находили приют на лугу и считали его своим домом.

А сейчас дети сновали среди взрослых, вслушиваясь в их разговоры, ловя обрывки фраз, радостные возгласы и чей-нибудь счастливый смех. Их маленькие сердца и юные души трепетали от необыкновенного чувства, охватившее людей, собравшихся у ключа: как будто все они были членами одной большой семьи, родственниками.

Вдруг кто-то из мальчишек сказал: «Пастух гонит коров домой» – и указал рукой на стадо, тянувшееся из-за моста к выгону.

Женщины заторопились: надо было идти встречать кормилец. Мужчины тоже недолго оставались у нового сруба: договорились пир организовать вскладчину завтра, а сегодня пусть себе веселится молодёжь.

Купальская ночь

Под вечер молодёжь начала обходить дворы и собирать всякое старьё да тряпьё: рваные онучи, лапти, шапки, армяки, рубашки и прочие предметы, которые уже никак невозможно было употребить в домашнем хозяйстве. Всё это кучей сложили на ветхую телегу, которую выпросили у дядьки Ярослава, давно приговорённую им в слом на дрова. В телегу запрягли лошадь и с песнями и приплясыванием, под звуки залиистой гармошки трижды объехали вокруг деревни. Потом они проехали через мост и у дубравы, темнеющей метрах в трёхстах от берега Прони, купальский поезд остановился.

Стемнело и сразу вызвездило. Ночь Купалы окутала землю.

Телегу, упряжь и привезенный хлам бросили в один из трёх ритуальных костров. Огонь жадно набросился на старьё, выбрасывая вверх высокие снопы золотистых искр, которые устремились встречу звёздам. Лошадь за её усердие наперебой угощали припасёнными для этого случая пучками овса молочной спелости.

Наконец шум и суматоха около костров улеглась. Девчата дружной гурьбой отправились к Проне бросать в воду венки. Их лёгкие, тонкие фигурки скрылись за береговым кустарником. Трое парней, о чём-то посоветовавшись, ушли в лес. Остальные парни взяли на себя обязанность следить и поддерживать огонь в кострах. Для того, чтобы потом пройтись по углям и потоптаться на них, требовалось пожечь немало дров.

Полярная звезда сдвинулась к верховьям Прони, когда тихие и задумчивые, погружённые в свои мысли, вернулись девчата. Девчата и хлопцы, образуя большой круг, расположились так, чтобы костры оказались в центре круга. Затянули старинную песню, в которой говорилось о брате и сестре, разлученных в детстве, а потом встретившихся и полюбивших друг друга. А когда они узнали про своё родство, то от горя и стыда утопились в речке. Потом пошла песня о девушке, что ждала своего милого из дальнего похода, а тот возвратился в родные края женатый на другой женщине. Спели и о парне, что полюбил богатую, живущую в высоком тереме, да только её родители выдали замуж за старого мужика, а парню пришлось покинуть навсегда родную сторонку.

Купальская ночь плыла над полями, реками, лесами, холмами и пригорками Расеи, очаровывая своим волшебством притихший мир.

Из ночной темноты в поющий круг вступили трое хлопцев. Взгляды всех тут же обратились к их рукам: не несёт ли кто-нибудь из них огненный цветок папоротника? Но в руках они держали лишь зелёные ветви этого необычного лесного растения, которое породило одну из красивейших легенд в

славянском роде. Хлопцы сели у костров на приготовленные для них чурбаки. Лица у них были загадочные, важные, как будто лес открыл им скрытую от людских глаз тайну.

– Может, узрели что? – раздался голоса среди сидящих в круге. – Байте, кого видели и с кем встречались?

Переглянулись между собой хлопцы, выдержали паузу для солидности, а потом повели диковинный рассказ.

«Только в лес мы вошли, как деревья сдвинулись со своих мест и встали стеной непроходимой: ветками обнялись, будто они друзья с малых годов и речь повели меж собой. Шумели листвою деревья о том, что этим летом ожидается много дождей и гроз, что белок и зайчат народится столько, что и кустов в лесу не будет хватать для их укрытия. Однако еды будет вдосталь: грибов, орехов и ягод по всему лесу поспеет достаточно, на всех зверушек и птиц хватит.

Пока мы слушали этот гомон, глядь, а перед нами как будто из воздуха возникла стая волков и медведь рядом с ними. Сидят, только глаза поблёскивают в кромешной тьме, как дышат – не слышно.

Но мы то знали, как и в прошлогоднюю ночь, пойдут они с людьми в глушь лесную искать цвет купальский. Ваня пошёл вперёд, а мы шествуем между серыми, а медведь позади топает, вроде бы как дорожку перекрывает.

Когда под ногами зачавкала вода, поняли, что вышли как раз к Велесову болоту. От болота свернули направо и сразу же оказались в зарослях папоротника. Пошли теперь медленно, чтобы случайно не наступить на огнецвет: он же может и под листьями прятаться.

Вдруг Ваня оборачивается к нам, а лицо его освещено таким ярким светом, что и ослепнуть можно было от того сияния. Держит он в руках стебель папора, а на верхушке его расцветает огнецвет. Разгораться огнецвет начал всё ярче и ярче, так что и макушки деревьев стали видны. Лепестки того огнецвета похожи на колокольчик луговой, а цветом – алее утренней зорьки. И до того на сердце от той красоты радостно сделалось, что мы запели, словно дети малые. Волки тоже давай нам подпевать волчьими голосами.

А медведь прислонился к вековой сосне, вошёл внутрь её, а обратно явился высоким и сильным мужиком: ростом метра под три будет, голова лохматая, а ручищи, что твои кувалды. Тут мы догадались, что сам Велес ходил с нами за цветком папоротника. Подходит Велес к Ване и говорит, словно раскаты грома гремят: «Цветок папоротника – это дух Огня. Найти его может только человек. Но помочь в беде, в горе огнецвет способен всякому жи-

вому существу. У матери волчат этих, что с тобой сейчас рядом находятся, сломана лапа. Перепрыгивала через бурелом, да не доскочила до земли, застряла лапа между стволов и сломалась. До логова она кое-как добрела, а вот на охоту выйти не может, чтобы волчатам пособить прокорм раздобыть».

Лицо у Вани сразу окаменело. У него самого во дворе корова хромает, да две курицы яйца нести перестали, а у матушки глаза совсем ослабели. Да ему самому уж как нужен цветок папоротника! Стоит в нерешительности, что делать не знает. Глянул на волчат, а те покорно головы опустили, ждут решения Вани. Вздохнул глубоко Ваня, наклонился, в пасть волчонку вложил стебель папора с огнецветом и шепнул ему на ухо: «Беги скорей к матери, дружок. Пospеть надобно». Вмиг сорвалась волчья стая и бесшумно исчезла за стволами деревьев, ни одна веточка не хрустнула под их лапами.

В тот же час деревья расступились на папоротниковой поляне и тысячи светлячков замерцали голубым сиянием, освещая нам дорогу. Обнялись мы, да так, обнявшись, пошли обратно, а деревья отшагивали в стороны, дорогу уступая. А то, что Ваня отдал цветок папора волкам, то каждый из нас поступил бы также, не сомневайтесь.

А Велес снова обернулся медведем и, с треском раздвигая непролазную чащу орешника, потопал к своей берлоге», – закончили парни свой рассказ.

Наступила тишина. Не слышно было ни шелеста листьев могучих дубов, ни вскриков ночных птиц, лишь в кострах потрескивали догорающие поленья. Этот сказ о цветке папоротника, Велесе и волчатах родионовцы знали слово в слово и слушали не первый год и не одну сотню лет, а может и всю тысячу. Каждый год уходят подростки и уже другие парни в купальскую ночь в лес искать цветок папоротника, а потом возвращаются и, как теперь, рассказывают эту быль.

– Э-э-эй! – нарушил затишье один из рассказчиков. – Кто рискнёт через огонь сигать? А? Или бо-язно стало, сябры?

С хохотом и визгом начались прыжки через кусты. Некоторые совершили уже по два и по три захода. Те же из хлопцев, что условились с девушками о свадьбе и они дали согласие на сватовство, взявшись за руку со своей избранницей, скакнули через огонь лишь по одному разу. Сговорившиеся пары разбрелись по дубраве и обсуждали свои сердечные дела.

Ночь и звёзды постепенно истаивали, уступая место предрассветным сумеркам. Над лугом, рекой и дубравой воздух отливало уже сиреневым цветом. Вот-вот появится заря. Завороженно все смотрели в сторону, где земля сходилась с небом. Там красная полоса возникла неожиданно, и вдруг из-под неё выпрыгнуло солнце и тут же спряталось. Заря

разгоралась всё сильнее, разливая по краю неба золотое сияние. Опять показался обод солнца и снова скрылся, как будто солнце играло с кем-то в прятки. Так продолжалось некоторое время. Затем огненный солнечный шар, вдруг неприметно для человеческих глаз, встал неподвижно над горизонтом, и наступило утро.

Купальская ночь завершилась.

Встреча

А в это время на окраине Орши, на развилке дорог, одна из которых вела на Дубровно, а другая – на Горки, собралась небольшая толпа. Это было обычное место для тех, кто добирался в свои деревни, расположенные между Оршей и Горками, на попутных машинах. В толпе были как сельские жители, кто ездил с нехитрым товаром на Оршанский базар и, переночевав у родственников, возвращался сейчас домой, а также те из Оршанских жителей, кто хотели навестить деревенскую родню.

В толпе особенно выделялись двое. Один из них был в матросской форме, на его груди поблёскивала медаль, а в руках он держал небольшой деревянный чемодан. Молодой, высокого роста, широкоплечий, с золотистым чубом, выбивающимся из-под бескозырки, лихо сдвинутой на затылок, бровями, слегка сдвинутыми к переносью, быстрым оценивающим взглядом, он производил впечатление бывалого и много повидавшего в своей жизни человека. Моряк стоял в сторонке и курил папиросу.

Другой, что приковывал к себе взгляды толпы, сидел на краю придорожной канавы, подтянув к груди колени. Мужчина был одет в телогрейку, под ней виднелась полотняная рубаха навывпуск, а также белые порты; ноги обуты в лапти, изношенные до такой степени, что можно было только удивляться, как они держатся на его ногах. За спиной перекинута тощая котомка. Время от времени мужчина поправлял на голове кепку, надвигая козырёк как можно ниже на лоб. Лицо его было землисто-серого цвета, глубоко запавшие, с горячечным блеском глаза, смотрели на окружающих с безысходной тоской; вместо щёк – поросшая седой щетиной кожа, как будто присохшая к скулам. Лицо изборождено сетью мелких морщин. На худой, тонкой шее кожа обвисла морщинистыми складками. На вид мужчине можно было дать лет восемьдесят, а то и все девяносто. И до того тело сторбившегося мужика было истощённым, что, казалось, налети сейчас ветер, и мужчину сдует в канаву.

Подъехал грузовик. Собравшиеся сговорились с шофёром, что за подвоз он возьмёт с них по две копейки, и битком набились в кузов. Последним в него сел моряк. Поднялся и старик с канавы, пошатываясь, подошёл к кузову и с отчаянием в глазах посмотрел на его высокий задний борт. Моряк

спрыгнул на землю, о чём-то переговорил с шофёром, потом обратился к старику: «Отец, садись в кабину. Там не так будет трясти, как в кузове».

– Сынок, у меня нету денег, чтобы платить за кабину и удобства, – ответил старик, надсадно, тяжёло и сипло закашлявшись.

– Так сегодня же купальский день, и шофёры всех пассажиров, сидящих рядом с ними в кабине, везут бесплатно. Видишь ли, отец, они сами такой закон выдумали, поэтому надо уважить их постановление. Отец, пойдём-ка, помогу залезть, – решительно заявил моряк.

Подъезжая к ольшану, моряк постучал в кабину шофёра. Тот остановил машину. Моряк спрыгнул с кузова, поставил на землю свой чемодан, начал оправлять форму. К его удивлению дверца водительской кабины открылась, и из неё вышел старик. Грузовик же покотился дальше, вздымая колёсами клубы пыли.

Старик повертел головой, потом как-то нерешительно, постоянно оглядываясь по сторонам, пересёк шоссе и направился к ольшану. Моряк пошёл следом за ним. Шагов через двадцать, сразу же за выступом перелеска, старик встал как вкопанный, впиваясь взглядом на открывшийся вид Родионовки. Моряк придержал шаг и остановился рядом.

– Отец, да нам с тобой, оказывается, по пути, как я смотрю. К кому дорожку держишь, к родне или в гости, к знакомым? – спросил моряк, заглядывая старику в лицо.

Старик молчал, не отвечал. Из его глаз текли слёзы и, пробираясь сквозь седую щетину, капали на дорогу. Потом сухонькие плечи старика затряслись, и он заплакал навзрыд, перемежая плач с кашлем. От переполнявшего волнения, старик не удержался на ногах и, сложившись пополам, словно перочинный ножик, сел на дорогу.

– Вот и увидел...успел... А думал, что не доеду, не доживу, – шептал он бескровными, почти чёрными губами.

Моряк присел перед ним. «Отец, что ж ты слёзы льёшь? Вставай, пойдём! Издали-то, пожалуй, и не разглядеть деревню. Вставай, добрый человек!», – говорил моряк, пытаясь поднять старика.

– Спасибо, сынок! Благодарствую за то, что шофером за меня счёт произвёл... добрался я таки до родины. Мне всего-то и надобно было, чтобы перед кончиной хоть одним глазком повидать Родионовку, знать, что она жива. А большего мне в жизни и желать нечего – старик помолчал. Потом добавил: «Мне не дойти, сынок, силы я все порасстратил в дороге. Не, не дойти. Оно и так хорошо. Вот вижу деревню, вижу гнёзда аистов на крышах и, поверишь ли, нет ли, а горение в груди, спякота совсем пропала. А ты иди, сынок, дале, куда надобно, а я уж тут останусь, мне и так добро».

– Давно ли покинул деревню, отец? Кто твои родичи? – спросил моряк.

– Не помню, когда это было, память как в тумане плавает. А что касаясь родичей, то сумнение большое имею, что они живы на этом свете, – ответил старик.

– Значит так, отец. Чтобы проверить правильность твоего рассуждения, для этого обязательно требуется посетить Родионовку. Там на месте всё и установим, – говорил моряк, расстёгивая ремень. Он привязал ремень к ручке чемодана, закинул чемодан за спину, ленты бескозырки зажал зубами, поднял на руки сухонькое тело старика и, слегка раскачиваясь при ходьбе, пошёл по ольшану.

Перед мостом старик попросил опустить его на землю, объясняя, что ему, старому человеку, будет совестно появляться перед родионовцами в таком неприличном виде, словно дитя малое на его руках. Моряк и старик с выгона свернули на деревенскую улицу.

Ясуня опустила шест в колодезь, вытянула бадью с водой и перелила в своё ведро. Затем подцепила коромыслом дужки вёдер, положила коромысло на плечи и направилась к хате. Навстречу ей двигалась странная пара: высоченный моряк и сухонький старичок. Старик увидел Ясуню и вдруг воскликнул слабым голосом: «Катерина! Катюша! Катенька!». Ясуня замерла, в голосе старика ей почудилось что-то далёко знакомое, памятное с детства.

Жадным взглядом она ощупывала лицо и мощную фигуру того, кто назвал её именем матери. Ясуня сняла с плеч коромысло, осторожно поставила на землю вёдра, приблизилась вплотную к старику. «Тата, таточка, ты вернулся! Это же ты, таточка, татулечка родненький? Это же ты, правда? Скажи, что это ты, таточка?» – заголосила Ясуня, схвативши старика за руки.

– Катери... – начал было тот. – Ясуня, дочка, Ясочка, – шептал потрясённый старик. – А где же мамка твоя, Катерина где? – растерянно спрашивал он.

– Ну вот, дядя Степан, – сказал моряк, – а ты сомневался в том, что тебя ждут?

– Здравствуй, Родион! С возвращением тебя со службы, – сказала Ясуня.

– Здравствуй! И тебя поздравляю с возвращением отца. А теперь, прощайте, домой хочется скорей. Увидимся ещё, – Родион козырнул Ясуне и Степану и направился к своей хате. Навстречу ему уже бежала Полина, раскинувшая в стороны руки, словно птица в полёте. Следом за ней торопился Мирослав.

Свечерело. Родионовцы собрались во дворе клуба. Из ближних хат принесли столы. Хозяйки рады были показать своё ткацкое мастерство: столы были накрыты белыми льняными скатертями с кружевной отделкой и вышивкой. Мужики привезли берестяной бочонок с медовухой. На её приго-

товление дядька Мирослав отдал мёд тридцатилетней выдержки.

Столы были уставлены чашками, мисками, жбанками, тарелками, горшками, ковшами, в которых можно было видеть сметану, отварную картошку, домашние колбасы и требухи, румяные блины, преснаки, пампушки, тонко нарезанные ломти розового сала, квашеную капусту, солёные грузди и опята, картофельные драники, свежие огурцы, пучки зелёного лука, укропа, петрушки, пшеничную кашу, пироги, начинённые творогом, яйцами, грибами, гречневой кашей, сыром. А люди всё шли к клубному двору с корзинками, кошёлками, узелками и несли в них всякую снедь. В центре застолья возвышался бочонок из бересты, заполненный доверху ключевой водой. Наконец вся еда была разложена, суета улеглась, и родионовцы чинно расселись вокруг столов на лавках.

Сидели кучно, семьями. Полина не выпускала руки сына из своих рук. Мирослав тоже время от времени поглаживал Родиона то по плечу, то по голове, убеждаясь, что он живёхонький сидит рядом. Ясуня и Степан сидели, сцепивши руки, страшась разъединить их хоть на миг. Семейства деда Ивана и деда Макара разместились за столами по соседству. За ними чинно сидели Ярослав и Ганна с внуками. Около бабы Марии важничали два её правнука с жёнами и детьми. Одним словом, можно сказать, что сегодня представительство от всех родионовских хат было исчерпывающим.

Дед Иван разгладил усы, попросил внимания и предоставил слово бабе Марии.

Баба Мария подняла деревянный кубок с медовухой, обвела взглядом собравшихся сельчан, на одно мгновение подольше задержавши его на Степане, и сказала: «Собрались мы сегодня по редкому случаю: подарили нашему ключу новую одежду. А Мирослав сладил верхний венец, где изобразил все колена наши. Почти все, – добавила она. – Отныне вода ключевая будет нести весточки по белому свету о добрых или же худых делах родионовцев, где бы они не находились: туточки, в деревне, али в дальней стороншке. Важное дело мы вчера сработали, на века, как говорится, память оставлена. Скажу, что первый кубок гоже поднять за ключ, за его неиссякаемую лекарскую силу. Да вот, деточки мои, земляки разлюбезные, душу мою сумление одолело, – баба Мария замолчала. Потом в её голосе появились нежные, бархатные переливы. – Мы с Никитушкой думаем так. Первую здравицу, по закону дедов наших, воспеть следует не ключу с его благословенной живой водой, а земляку нашему, Степану, богатырю Расейскому».

Взоры всех обратились к Степану. Дед Макар ради прибытия Степана истопил баню. Теперь Степан сидел рядом с Ясуней в чистой рубахе, подпоя-

санной тканым поясом и богатой вышивкой по подолу, в белых полотняных портах, ничем не отличаясь от других мужиков. На ногах – новые лапти. Волосы на голове пострижены в кружок, лицо гладко выбрито; пропала чернота губ: они слегка порозовели; взгляд потеплел и прояснился. Сейчас он выглядел на свои шестьдесят годов.

Гусь почему-то потерял всякий интерес к Ясуне и теперь повсюду сопровождал Степана. По-видимому, для того, чтобы новый хозяин знал, что он сторожит его надёжно, гусь, под столом, уселся прямо на ноги Степана. Степан старался не шевелить ногами, чтобы не тревожить птицу-сторожа.

Баба Мария продолжала: «Тяжкая доля выпала ему. Больше двадцати годков наш Степанушка трудился в дальней дали, где круглый год стоит стужа ледяная, а до жилья человеческого – тысячи и тысячи вёрст. Пришёл срок, и отпустили его на волю вольную. Двенадцать пар лаптей истоптал наш богатырь, пока шёл через леса дремучие и реки кипучие, пробираясь по горам и долам к родному дому. Степанушка! Мы поднимаем кубки с мёдом за любовь твою крепкую к земле нашей, за то, что ты смог одолеть злую годину в своей жизни».

– За тебя, Степан! Будь жив-здоров! С возвращением! С прибытием на родину! – неслись возгласы со всех сторон.

Степан легонько сдвинул гуся с ноги и поднялся: «Благодарствуй, бабушка Мария, – начал он, – что возвеличила жизнь мою, чуть ли не в герою произвела. Благодарствуйте и вам, земляки, за тёплое привечание. Особливое спасибо, дорогие сельчане, за дочку мою, Ясуню. Сберегли вы её всем миром, не дали погибнуть сиротинушке, красу ненаглядную вырастили».

Ясуня зарделась, стыдливо опустила глаза вниз.

– Спасибо за товарищество и дружбу вашу, за способность души расейской кидаться на подмогу человеку, попавшему в беду, – продолжал Степан. – Други, сельчане, а в иностранной-то душе, по моему зрению, такого подвигу сроду не бывало. Они корысть одну ищут во всяком человеке. Спасибо, дружбачки мои, за то, что не размениваете душу расейскую ни на какие приманки да посулы. За доброту вашу спасибо! – Степан поясno поклонился.

Начался пир. Десятилетний Добрыня, чьи родители сгнули в автомобильной катастрофе, когда ему отроду было всего-то три годика, и находившийся сейчас под опекой родионовцев, с любопытством поглядывал на деда Степана, нового жильца их деревни. Малец всё время порывался задать вопрос, мучивший его, по-видимому, давненько. Ярослав и Ганна, чья пришла очередь по воспитанию сироты, видя, как Добрыня елозит по лавке и дёргает их за рукава, обратили-таки внимание на настырного мальчика.

– Что, Добрынюшка, сынок, еду, что ли какую не достанешь? Что ты хочешь, соколик? – спросила Ганна.

– Не, спасибо, я всех кушаний отведал, ничего не хочу больше, благодарствую. Дедушка, бабушка, – обратился он к Ярославу и Ганне, – а можно мне сейчас спросить дедушку Степана? – малец с надеждой посмотрел на них.

Ярослав поднялся, попросил внимания. Он сказал, что Добрыня имеет к Степану вопрос государственной важности. Застолье затихло.

Добрыня встал и, смущаясь и краснея от прикованных к себе множества взглядов, однако же, испрабравшись, проговорил речь: «Дедушка Степан, я по карте смотрел и узнал, что ты прошёл всю Расею с востока на запад. Скажи, пожалуйста, дедушка Степан, видел ли ты в тех дальних краях Расейских ключи, подобные Родионовскому? Дело в том, что на географической карте нет пометок о ключах, там изображены лишь реки, озёра, моря, горы, леса, болота, а о ключах сведений нет».

Взоры родионовцев обратились теперь к Степану: что-то ответит он на сугубо научный, географический вопрос, поставленный Добрынею. Степан поднялся, предложил налить кубки ключевой водой и произнёс: «Сынок, много в Расеи длинных дорожек, – конца-краю не видать, зелёных лугов с шёлковой травой, коням не перещипать. А ещё больше в Расеи-Матушке ключей тихих. Не всегда, Добрынюшка, ключи людям показываются, а только тогда сквозь землю пробиваются, когда люди ищут их. А так молчат они запечатанные до поры до времени, и тьма-тьмущая ключей в земле Расейской имеется, как тех звёзд неисчислимых на небе. Сынок, смог я на твой вопрос экзамен сдать?» – Степан ласково посмотрел на Добрыню.

– Спасибо, дедушка Степан. Я когда вырасту, то буду ключи искать и срубы на них ставить, как у нас в Родионовке, – ответил Добрыня.

– Славное дело задумал, сынок, государству Расейскому весьма полезное, – похвалил Степан.

Родионовцы уважительно посмотрели на Добрыню: это же надо, от горшка два вершка, как говорится, а уже такие государственные мысли в голове держит! Серьёзный мужик подрастает в деревне, пришли они к единогласному мнению. Родионовцы благоговейно приложились к кубкам с ключевой водой.

Здравицы говорили и ключу, и вернувшемуся со службы Родиону, помянули всех не вернувшихся с войны, а также тех, кто находился сейчас в долгой отлучке. Потом затянули песни, одна другой старинней. Изредка в пение вмешивались ещё не окрепшие голоса подростков и отроковиц, старательно подражавших взрослому хору. Затем столы раздвинули, образовали место для танцев. Теперь праздник в свои руки взяли гармонисты.

Родион не сводил глаз с Ясуни. Ясуня, встречаясь с ним взглядом, отворачивалась, теребила передник и хваталась за руку отца, ища в нём защиты. И хотя кругом от топота танцующих ног стоял дым коромыслом, а воздух наполнился задорным смехом, весёлыми возгласами и счастливым перешёптыванием девчат, её сердце вдруг заныло, забеспокоилось, дыхание участилось.

– Таточка, – сказала она, – пойдём уже домой. Тебе отдыхать надо, ты же сильно заморился после дальней дороги.

– А что ж, доченька, – сказал Степан, – пожалуй, и хватит с меня веселья. Со всеми повидался, погутарил и довольно. Ноги мои до чего изболелись, дёргают, будто собаки их рвут, отдыха требуют. Пойдём, Ясунечка, пойдём до хаты.

Сватовство

На следующий день, поутру, Ясуня, стоя по колени в Проне, стирала бельё, отбивая его праником на прибрежном плоском камне.

– Чистоты тебе – услышала она приветствие. Ни на секунду не прерывая взмахи праником, Ясуня ответила: «Спасибо».

– Дядя Степан спит ещё или проснулся?

Ясуня выбросила праник на берег, вышла из реки. «Спит. За двадцать пять годов тата и позабыл, что люди спят на тесовых кроватях, на подушках и укрываются одеялами. Пусть отсыпается вволю», – Ясуня посмотрела прямо в глаза Родиону. «Спасибо, тебе, Родион, что таточку доставил домой», – добавила она.

– Так любой мужик поступил бы также, и благодарить за что меня, не вижу причины, – ответил Родион. Матросскую форму он сменил на повседневную одежду: льняную рубаху, порты, невысокие резиновые сапоги. За поводья он держал каурого коня, которого вёл с ночёвки.

В разговоре наступило молчание.

– Ясуня, – начал Родион, заглядывая в глубину пронзительно синих глаз, – помнишь ли ты, что я говорил на моих проводах в армию?

– Давно это было, разве упомнишь?

– Я сказал тогда, что возвернусь, и мы с тобой поженимся.

– Родион, что я шуток не понимаю, что ли? Тебе тогда было девятнадцать годочков, а мне-то все двадцать пять. Не сегодня-завтра тридцать исполнится, и я, по-прежнему, старей тебя почти на шесть лет. В молодости простительны всякие шутки, – добавила она.

– Я не шутил, – ответил Родион. – Я на службе только о тебе думал. Ребята на корабле переписку вели со многими девчатами. А у меня мысли лишь о тебе были. Вот, возьми. – Родион достал из-за пазухи маленькую коробочку.

– Что там? – спросила Ясуня.

– Открой, увидишь, – ответил Родион.

Ясуня подняла крышку. В коробочке, на бархате, лежало тоненькое серебряное колечко с рубиновым камешком.

– Красивое, – сказала Ясуня, – но принять его не могу. – Она протянула коробочку с перстнем обратно Родиону.

– Почему? – совершенно убитым голосом спросил он.

– Не обижайся, Родион. Коли сгожусь на замужество с тобой, так меня вся деревня засмеёт. Говорить будут про меня, что я, старая дева, окрутила тебя, молодого хлопца, видного на весь колхоз, силком женила на себе. Не хочу с позором таким жить на белом свете. В Родионовке, да и в других деревнях девчат моложе меня много, любая с радостью примет твоё предложение, и родители их будут рады. Нет, не могу принять перстень, – Ясуня вложила коробочку с перстнем в руку Родиона.

И тут Родион вспомнил, когда он ещё до армии ходил отмечать Купалу, то слышал от хлопцев рассказы о том, что следует совершить древний обряд, для того чтобы любимая согласилась на замужество.

– Ясуня, – спросил он, – ты плела когда-нибудь венки?

– Хитрость невелика, – ответила Ясуня, – плела, конечно.

– Слушай, не откажи в просьбе, я за пять лет службы уже и позабыл, как глядится дивчина в венке. Сплети, Ясуня.

Ясуня нарвала охапку цветов, быстро и ловко сплела венок, надела на голову.

– Ясуня, хорошо тебе в венке, в пору сидит?

– Да, в самый раз, – Ясуня рассмеялась. – Мы с тобой играем, словно дети малые, Родион. Мне до хаты пора, таточка один остался, без присмотра. Пойду я.

– Ты права. Загутарил я тебя. Бросай венок в речку и разойдёмся по домам, – сказал Родион с напряжением в голосе.

Ясуня сняла венок, подошла к берегу, посмотрела в прозрачные струи Прони, затем лёгким движением руки закинула его на середину речки. Венок замер на мгновение на водной глади, покрутился на месте, а потом, подхваченный течением, споро поплыл к виру. Родион прыгнул в воду, догнал венок, надел на голову и вернулся к Ясуне.

– Ясуня, жди сватов, – весело сказал Родион, поправил венок на голове, вскочил на коня и помчался огородами к выгону.

Ясуня залилась горячими слезами: обвёл, обманул её Родион. Только сейчас она вспомнила разговоры женщин о том, что если мужчина вынет венок из воды и наденет себе на голову, то сама цари-

ца воды обручает женщину и мужчину, и будут они жить в согласии, не разлей вода.

Ясуня кое-как развесила бельё на верёвке во дворе, при этом лицо её полыхало, словно она только что выскочила из парилки, нахлеставшись в ней венником. При одном воспоминании о кольце, что Родион поднёс на берегу Прони, у неё начала кружиться голова. Её женская гордость была сломлена покорным и нежным взглядом Родиона, но разум продолжал твердить о тщетности сладостных мечтаний, в которые обычно погружается женское сердце, услышавшее признание в любви. Вспоминая счастливейший миг в своей жизни, когда Родион бросился в Проню за венком и потом надел его на голову, сердце её пело и ликовало. Но тут же приходили назойливые мысли о годах, о том, что она давно вошла в возраст старой девы, и на её голове не будет красоваться свадебный венок с фатой, и она никогда не признается Родиону в своих чувствах к нему. От этого она приходила в отчаяние, и на глазах выступали слёзы.

Она зашла в хату, зачем-то достала из печи чугунок с картошкой, долго смотрела на него и опять задвинула в печь. Что-то важное она должна сейчас сделать. Ясуня вышла во двор.

А Полина в это время накрывала стол для завтрака. Стопка блинов, яичница на сале, отварной картофель, горшок со сметаной поджидали главных едоков в доме: Родиона и Мирослава. Мирослав сидел во дворе и заклеивал порванную калошу Авдотьи, а Родион пошёл за конём: собирается ехать вместе с отцом в лес косить траву на сено. Материнское сердце Полины трепетало от счастья: её Родя дома. Она не могла налюбоваться на сына: в каждом слове вежественный с нею и отцом, сразу же определил все неполадки на дворе и в хате, говорил, где и что надо переделать, переставить, построить. Мирослав во всём с ним соглашался, не перечил, своё мнение не высказывал. Чувствовалось, что руки сына стосковались по крестьянской работе, а душа его – по сельскому житью. Полина тихонько напевала себе под нос, раскладывая вилки и ложки.

Дверь отворилась и, наклоня голову под дверной притолокой, в хату вошёл весёлый Родион с венком на голове, следом за ним ввалился Мирослав. Полина метнула испуганно-насторожённый взгляд на венок, который Родя положил на подоконник. За едой обсудили, в каком лесу больше травы: в Козловском или же под Лосевкой. Решили, что поначалу будут всё-таки косить в ближнем, в своём, родионовском лесу.

Трапеза подошла уже к концу, когда Родион взял венок и сказал: «Мама и папа, благословите меня на женитьбу». Полина ахнула, удивилась: «Когда ж ты успел зазную высмотреть? Или вчера на пиру

кто приглянулся? А может, статья, со стороны знакомство имеешь?».

– Нет, мама, не вчера я суженую встретил и не с другой расейской местности, а ещё до службы в армии, до флота, я хотел сказать, полюбилась мне девушка.

– Кто ж она, чья дочка будет?

– Дяди Степана.

– Какого такого дяди Степана, я что-то не пойму.

– Ясуня, дочка дяди Степана, что вчера из лагерей возвернулся.

Полина всплеснула руками: «Сыночек, Родечка, она же старей тебя годов на десять будет!».

– Какие же десять, мама! Всего-то на шесть лет старше меня, – поправил её Родион.

– Шесть, ишь ты, на шесть годов старей. Да в деревне, пока ты морячил, вон сколько подросло девчат: им только по восемнадцать или по двадцать годочков. Загляденье, а не девки, одна другой краше. Да и вообще, – голос Полины подтвердел, – я думаю, что рано тебе ещё жениться. Приди в себя от службы, на работу в колхоз устраивайся, а там видно будет. Отец, говори своё слово. – Полина сжала губы в нитку, прислонилась спиной к стене, на стол положила сжатые кулаки.

Мирослав сидел, открыв рот, и лишь переводил глаза с сына на жену и обратно, слушая их перебранку и совершенно не понимая, о чьей женитьбе идёт сейчас речь. Наконец расправил усы, погладил бороду и спросил: «Сынок, это ты что ли задумал жениться?».

– Я, папа, – ответил Родион и с надеждой взглянул на отца.

– А Ясуня что же, согласная идти за тебя? – спросил Мирослав.

Полина издала ироничный смешок. «Ещё бы, не согласная! Отхватить такого парня в мужья!» – вклинулась она в разговор.

– Нет, папа, Ясуня отказала мне, – сказал тихо Родион, опустив голову. – Она тоже говорит, что и мама. В позоре не хочет жить, потому что старше меня.

– В таком случае, сынок, объясни, откуда у тебя взялся веночек. Как я понимаю, веночек сплела тебе Ясуня, а ты речёшь, что она полный отлуп тебе утварила. Что-то, сынок, концы с концами не сходятся. Не обидел ли ты её? – Мирослав строго посмотрел на сникшего сына.

– Мама, мне надо папе что-то сказать наедине. Можно я останусь с ним?

– Балакайте! – Полина рассерженная вышла из хаты, громко хлопнув дверью.

Родион рассказал отцу, что произошло между ним и Ясуней у речки. Мирослав тут же вспомнил, что и он водил ещё не сосватанную Полину к любовной клятве над ключом. «По сердцу тебе Ясуня,

или так, баловство одно молодое?» – спросил Мирослав.

– Я без неё своей жизни не представляю. Папа, или на ней женюсь, или холостым, бобылём до конца дней останусь, – ответил с вызовом Родион.

– Добрая дивчина, спора нет, – согласился Мирослав. – Скромная, уступчивая, всё хозяйство держит на своих плечах. А на вечеринку придёт, бывало, попоёт, потанцует, хороводы поводит, а возвращается домой всегда одна. В строгости себя держала. А ты знаешь, Родя, удивительное дело. После того как ты ушёл в армию, так Ясуня ногой ни на какие гулянки не ступала. Ни-ни! Вот ведь совпадение, какое интересное произошло. Ты в армии, а она с гулянок прочь, вечера коротала дома за вязанием да вышиванием. Получается, сынок, что она ждала твоего возвращения, берегла себя.

Лицо Родиона осветилось радостью. «Папа, так пошлешь сватов к ней, можно на тебя рассчитывать?» – вопрошал сын, схватив отца за руку.

– Подберём сватов, сынок, дело известное. А у матери твоей сердце отходчивое. О разнице в годах она сгоряча сболтнула. Как обыкновенно бывает при таких случаях, мама поддалась глупому чувству женской ревности. Но она у нас с тобой мудрый и душевный человек. Я думаю, что это была минутная слабость, она справится с нею, сынок. – Мирослав помолчал, оглаживая бороду. – Годы, точнее сказать, разница в годах в семейной жизни не представляет интереса. Мужик старей жены или жена старее мужика – всё одно. В семье главное, сынок, душевное тяготение друг к другу. Вот что беречь надо, притяжение душ, а годы тут вовсе и не причём.

– Я знал, что ты поймёшь меня. Спасибо, папа, – и Родион надел на голову веночек.

Полина распахнула дверь в хату Ясуни и остановилась на пороге. Никого. Но за занавеской, отгораживающей спальное место, слышалось мирное сопение. Полина заглянула за занавеску. На кровати, что стояла вплотную к боку печи, спал Степан. Он спал таким глубоким сном, какой обычно бывает у людей, не спавших подряд несколько суток. Полина подумала, что хоть из пушек стреляй сейчас в хате, Степан не проснётся.

Ясуню Полина нашла в скотнице. Та лежала ничком на сене и тихонько плакала. Услышав голос Полины, Ясуня вскочила, отряхнулась, хотела убежать. «Погоди, – Полина схватила её за руку, – есть разговор общий».

Обе женщины сидели на сене и молчали. Первой начала разговор Ясуня: «Тётя Поля, видит бог, я не приманивала к себе Родю. Стираю я бельё в речке, а он подходит с конём, достаёт коробочку с кольцом и дарит мне. Только я обратно возвернула кольцо».

– Красивое? – поинтересовалась Полина.

– Отродясь красоты эдакой не видала! – с восторгом ответила Ясуня. – Кольцо из чистого серебра и камешек аленький, рубин называется. Я такое же колечко с рубином, но не серебряное, а золотое, видела на руке нашей председательши.

– Почему же побрезговала, не взяла подарок? – спросила Полина. – Или Родя не по нраву?

Ясуня опять упала ничком в сено и разрыдалась. Сквозь плач она говорила короткими фразами: «Как же не по нраву? Давно, как по нраву. Да, видишь ли, тётя Поля, не ровня я ему, во всём не ровня. Оттого и не приняла подарок».

Полина прислонила Ясуню к себе: «Успокойся, дочка. Не лей слёз горючих, а то красоту всю выплачешь. Ишь, глаза красные наревела, и нос распух, на бульбу стал похож. Чем же тебе Родя понравился, что же ты в нём хорошего нашла?» – допытывалась Полина.

– Родя на принца похож, – ответила Ясуня.

– Вот те раз! – искренне удивилась Полина. – На какого ж принца: на английского или на датского?

– Ни на того, ни на другого, – говорила Ясуня, вытирая слёзы. – Он всё в жизни делает как принц. Родя никогда не жёт и не подшучивает над людьми. Поэтому, тётя Поля, когда рядом с ним нахожусь, то на душе у меня безмятежно. И чтобы я не сделала невпопад, я уверена, что он никогда не будет бранить меня, а поспешит на подмогу.

Ясуня помолчала, потом взглянула Полине в глаза: «Тётя Поля, отговори Родю от сватовства ко мне. Прошу тебя, освободи ты меня раз и навсегда от душевной муки непереносимой».

Полина тяжело вздохнула: «Родю отговорить от задуманного невозможно, деточка моя. Уж если что вбил себе в голову, так хоть трава не расти, а настоит на своём. Весь в отца характером пошёл. – Полина вновь прижала к себе Ясуню. – Любовь между вами, дочка, приключилась, вот что я скажу. А поперёк любви вставить не следует, иначе бед можно натворить немало. А годы? Что годы? Вон, баба Мария тоже была старей своего мужика, годов на семь. И ничего, в ладу прожили вместе больше полувека. Дядя Никиты давно ушёл с белого света, а она, по-прежнему, любит его».

Полина встала, поднялась и Ясуню. «Жди сватов, дочка, через недельку где-то. И батьку своего подготовь к этому событию», – сказала Полина.

– Прости, тётя Поля, за нечаянное моё чувство к Роде и спасибо, что не стыдила меня, – с благодарностью в голосе сказала Ясуня.

– Как замуж собираешься идти, с приданным или не думала о нём? – спросила Полина.

– Тётя Поля, пойдём в хату, – предложила Ясуня, – покажу, что есть. Ты своим глазом взгляни, пожалуйста, чтобы потом перед людьми мне не

срамиться, годится моё приготовление на приданое или же не следует его показывать.

Ясуня открыла один сундук, потом второй, третий и начала выкладывать на лавку их содержимое.

Из первого сундука появились наволочки, вышитые цветными нитями, и полотенца с петухами и геометрическим орнаментом, несколько скатертей. Следом за ними она достала белоснежные простыни с подзором, и до чего на ощупь они были тонкие, что Полина не удержалась и воскликнула: «Вот так полотно, тоньше шёлка будет!». На дне сундука лежали рулоны отбеленной льняной тканины.

Второй сундук был заполнен домоткаными одеялами двух видов. Летние одеяла были лёгкие, гладкие и однослойные. Что же касается зимних одеял, то они были вытканы с прибавлением овечьей шерсти, что придавало им тяжеловесность, толщину и необычайную мягкость.

Из третьего сундука Ясуня достала свои наряды: вышитые рубахи, юбки, понёвы, кофты, бархатную безрукавку вишнёвого цвета, расшитую жемчугом и бисером, и четыре кокошника.

Полина оглядела выставленные на лавке вещи и, не скрывая удовольствия, похвалила Ясуню: «Рукодельница ты, Ясунечка, знатная, лучшая будешь не только среди родионовских девчат, но и во всём колхозе. А Родиону успеешь рубаху приготовить к свадьбе? На носу сватовство, потом запоины, а через месяц свадьбу справлять. Времени-то у тебя совсем не осталось», – говорила Полина, как будто испытывала будущую невестку на последний экзамен.

Ясуня наклонилась к третьему сундуку и достала оттуда кашемировый платок, развязала его и протянула Полине рубаху: «Смотри, тётя Поля, сгодится или нет для свадьбы?» – Лицо Ясуни застыло в ожидании приговора будущей свекрови.

Полина положила рубаху поверх приданого, разложенного на лавке, и застыла в изумлении. От ворота, полукружьем, до середины спины и груди рубаха была вышита плотным орнаментом красной и чёрной нитью. Такой же орнамент широкой полосой шёл и по подолу рубахи. А спереди, по центру, глядел цветок, вышитый золотой, красной и голубой нитью. Он сиял яркими красками, будто настоящий, только что сорванный и прилаженный к рубахе. От цветка в разные стороны исходили разноцветные лучи, отчего казалось, что цветок горит живым огнём.

– Что это за цветок? – спросила ошеломлённая Полина. – Неужели цветок папоротника?

– Да, это огнецвет. Я запомнила его описание с рассказа Родиона. Когда ему было шестнадцать лет, он ходил на Купальскую ночь с парнями в лес за цветком папоротника. Тогда парни говорили у костров, что Родион сорвал огнецвет, а потом от-

дал его волчатам для их больной матери, – сказала Ясуня. – Тётя Поля, ладна ли будет эта рубаха для свадьбы или ещё одну шить придётся?

– Хороша, хороша рубаха, нечего сказать. Лучшего наряда для жениха и желать невозможно! Пойду я, дочка. Да, чуть не забыла, пока батка спит, смачивай чаще ему губы ключевой водой, чтоб жар в теле не застоялся. Так через неделю ожидай гостей. – Полина обняла и поцеловала Ясуню, окончательно сконфуженную от неожиданного поворота событий.

Мирослав и Родион встали, когда в хату вошла Полина. Полина окинула взглядом застывшие в неподвижности фигуры, явно сговорившиеся между собой и обращённые к ней с вопрошающими взглядами. Она догадалась, в чём состоял сговор между мужем и сыном, улыбнулась и сказала: «Сватов через неделю будем посылать». Родион обнял мать и спросил: «Мама, как тебе Ясуня показалась?». Полина шепнула ему на ухо: «Лучшей невестки в целом мире не сыскать, сынок!».

– И я так думаю, – прислушиваясь к шёпоту, сказал Мирослав.

– Спасибо, родные мои. Спасибо, что поверили мне и Ясуне. А теперь пора за дело. Пойду коня запрягать, надо поспешить в лес, пока трава не успела обсохнуть от росы. – Родион вдруг подпрыгнул, чуть ли не под самый потолок, потом крутнулся на одной ноге, присев, перескочил на обеих ногах порог и уже в сенцах затянул песню: «Эх, яблочко, куда ты катишься...». Мирослав с Полиной рассмеялись таким детским выкрутасам сына.

Гусь

В ближайшее воскресенье со всех деревень к ключу с диковинным венцом начали съезжаться ближние и дальние родственники родионовцев. Оказывается, Авдотья при развозке почты, словно сорока на хвосте, растрезвонила по всей округе о новом срубе на родионовском ключе.

Семья Заречиных собралась в полном составе. Старшая дочь, Любава, с мужем и двумя сыновьями приехала из Рудковщины. Они внимательно рассмотрели изделие Мирослава, испили ключевой воды и пожалели, что в их деревне нет такого источника, а то бы они тоже выстроили ему сруб. Велеса была замужем за трактористом из Слободы. Она приехала на встречу вместе с мужем, свекровью и свёкром, с тремя дочками и четвёртым ребёнком, которым была на сносях. Велеса не отходила от Родиона и всё время о чём-то с ним шепталась. Родион в ответ согласно кивал головой. Младшая дочь, Меланья, приехала с мужем и дочкой и делилась с родителями событиями, что происходили на Оршанском льнокомбинате, где она работала ткачихой. Там второй год подряд горели склады со льном.

Звуки радостных восклицаний встретившихся родственников, возгласы удивления, хохот, объятия, поздравления с появлением на свет племянников, двоюродных сестёр и братьев, крепкие рукопожатия и похлопывания по плечу давно не видевшихся друзей – весь этот суматошливый праздничный гомон заполнил собою всё пространство родионовского луга.

Из-за гула людских голосов не было слышно шума подъехавшей легковой машины. Из неё вышел высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, в соломенной шляпе, одетый в двубортный серый костюм, белую сорочку с галстуком, на ногах – ботинки, начищенные до зеркального блеска.

Мужчина открыл заднюю дверцу автомобиля, и из него вылезла породная, пышнотелая женщина. Волосы на голове были уложены в мудрёную причёску, тело обтягивало крепдешинное платье с крупными ярко-красными цветами. На груди платье имело глубокий вырез. Ноги обуты в босоножки, ремешки которых переплетали толстые циклотки. В руках она держала маленькую сумочку, на пальце поблёскивал золотой перстень с рубином. Все детали одежды женщины, её причёска обличали в ней горожанку.

Женщина подхватила мужчину под руку и они, не глядя по сторонам, подняв высоко головы, подчёркивая тем самым важность своего приезда, направились к ключу. Следом за ними двинулись милиционер и шофёр, сопровождающие эту пару в поездке. «Здравствуйте, товарищи колхозники! Здравствуйте, уважаемые труженики села! – приветствовал мужчину в сером костюме, покровительственно пожимая руки родионовским мужикам. Его спутница приветствия буркала себе под нос, при этом она отводила глаза в сторону, избегая встречных взглядов.

– Здравствуйте, товарищ председатель! – сказал Ярослав, но сделал вид, что не заметил протянутой руки колхозного начальства. – Каким ветром занесло к нам, товарищ председатель, да ещё вместе с супружницей? – В голосе Ярослава угадывалась едва уловимая ирония.

– Прослышали мы, товарищ, что у вас завелось некое произведение искусства, способствующее, как говорят знающие люди, развитию культурного уровня человека. Поэтому и решено было, – председатель ткнул указательным пальцем вверх, – посмотреть собственными глазами, чем живёт и дышит наш народ. Председатель с женой пробирався сквозь плотную толпу, приговаривая: «Позвольте, уважаемые, пройти, разрешите побеспокоить вас, товарищи».

Но вот он стоит перед ключом, ограждённым свежими, золотистыми брёвнами. Председатель смотрел долго на верхний венец, не сходя с места.

Потом начал его обходить, поясняя жене, кто из семей представлен на ступеньках теремов, при этом он восхищённо цокал языком и похохатывал от удовольствия, что ему легко удавалось распознавать изображения родионовцев. Он обошёл ключ и остановился в том месте, с которого приступил к осмотру. Обернулся было к праздничному народу, чтобы высказать своё мнение о венце, но какая-то досадная мысль, не дававшая ему покоя, заставила председателя обойти ещё раз вокруг сруба. Потом он, проверяя свою догадку, описал ещё несколько кругов, и с каждым разом лицо его мрачнело всё больше и больше.

Председатель резким движением ослабил туго затянутый галстук, как будто ему стало не хватать воздуха. Лицо его побагровело. Странное поведение председателя начало привлекать внимание собравшегося народа. Пересевшим, как от удушья, слегка взвинченным, но по-прежнему начальственным голосом, каким обычно распекают нерадивых подчинённых, сдвинув грозно брови, председатель спросил: «Кто автор этой затеи?» – он мотнул головой в сторону сруба.

– Да все. Мы тут сообща колдовали над ключом, – раздалась в ответ многочисленные голоса.

– Я спрашиваю про верхний венец. Кто мастерил колена родионовцев? – в голосе председателя звучал металл.

– Ну, я. – Мирослав вышел вперёд.

Взгляды председателя и Мирослава схлестнулись: они в упор разглядывали друг друга. Председатель подошёл вплотную к Мирославу и спросил, с силой выдавливая слова: «А где же мои колена, уважаемый Мирослав Святославич? Я, наверное, не разглядел, пропустил их фигуры. Покажите, пожалуйста, будьте любезны».

Над лугом повисла гнетущая тишина.

– Товарищ председатель, – ледяным тоном ответил Мирослав, – мною отмечены все родионовские колена. – Он нажал на слово «родионовские». – Никого не обошёл вниманием.

– А мой отец, моя мать? А я? Мы что, не родионовские?! Я же родился здесь! – председатель расшвырял. «Успокойся, Григорий. При твоей должности тебе нельзя нервничать и волноваться по пустякам. Экая невидаль, деревяшки стоят на брёвнах», – говорила его жена, увлекая председателя от ключа.

– Оставь меня в покое! Иди, садись в машину! Без тебя разберусь! – Григорий выдернул свою руку из руки жены и вернулся к ключу. Милиционер и шофёр не отставали от председателя, ходили, буквально, по его пятам.

– Говорите, Мирослав Святославич, чем мой род вам поперёк дороги встал, что вы его обошли, не представили на венце? Земля, на которой вы жи-

вёте, она и моя земля. И корни мои родовые здесь проросли. И фактом своего рождения в Родионовке я заслужил право стоять на венце рядом с другими родами. Верно я говорю, Мирослав Святославич? – наседали Григорий на Мирослава, всё более горячась.

– Не помню я вашего рода, товарищ председатель. Никого не помню, – говорил Мирослав, чекая каждое слово.

– Как же так? Как вы не можете помнить, удивляюсь я вам. Когда меня избрали председателем, вот только тогда я переехал в Сову, и родителей с собой забрал. А до того, до сорок шестого года, я жил в Родионовке. Удивляете вы меня, Мирослав Святославич, своим беспамятством, можно сказать, что просто изумляете, – Григорий распалился вконец. – Вы у народа спросите, Мирослав Святославич! Народ не даст мне солгать.

– Да ты не жил, а гадил на нашей земле! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Что-о-о-о? – взревел Григорий. – Да как вы смеете в меня бросать такие обвинения? Это его, вот его надо отдавать под суд, – он тыкал пальцем в Мирослава. – Это он изобразил кулака, каторжника рядом с вашими коленами. Интересная картина получается, товарищи колхозники: врагу народа памятник поставили, а о честном государственном человеке у вас вдруг память отшибло?

Толпа образовала проход. По нему к председателю шёл дед Иван. Атмосфера явно накалялась. «Послушай, Григорий, – сказал дед Иван, медленно роняя слова, – ты нас не пугай, не из пужливых мы. Газеты читаем, а там было написано, что в прошлом годе сотворилась партийная сходка, по-вашему, съезд называется. Так вот, все партийцы, все до единого, сколько их не имеется в Расеи, признали, что в тридцать первом годе ошибка государственная приключилась. Что кулаки вовсе и не кулаки, а дюже работающие люди, и что их хозяйства приносили большую выгоду государству, а не разорение.

А ещё в газетах было прописано, – продолжил дед Иван, – тех людей, кто возводил ложное обвинение на крестьянских мужиков, посадить в тюрьму, так как они-то и являются доподлинными помощниками империализму».

«Империализму», – поправил кто-то из толпы.

– Вы на что намекаете, Иван Гаврилович, позвольте полюбопытствовать? – Григорий кинул на родионовцев встревоженный взгляд.

– Зачем намекать? – сказал дед Иван. – Не привык я намёками жить. Правду всегда в глаза говорил и теперича скажу. Это же ты показал городским экспризаторам родионовский общественный амбар с зерном. А ты, Григорий знал, зна-а-а-ал, что спокон веков общественный амбар находится во дворе Степана.

В разговор вклинулся Ярослав: «Такой закон об общественном складе наши далёкие деды завели, может статья, тысячу лет назад, когда в Родионовке было хат двенадцать-пятнадцать. Порядок пользования общим хлебом никогда не нарушался».

– Верно говоришь, – подхватила Ганна. – Случись градобитие али ещё какая природная напасть, родионовские семьи никогда с голоду не пухли, выручало в таких случаях общественное хлебохранилище.

– А ты, Григорий, беду сотворил многим родионовским коленам, – продолжал дед Иван. – Мы отдали экспротаторам...

«Экспроприаторам», – поправил кто-то из толпы.

– Я и говорю, этим самым экспротаторам родионовцы отдали требуемые меры зерна, а у кого не хватало, тот отдавал зерно, припасённое на посев. Надёжа у всех сохранялась только на общественный амбар. Ты же, Григорий, ложно донёс на Степана, будто общественный амбар принадлежит ему одному. Экспротаторы сразу же Степана объявили кулаком, взяли под арест и отправили на каторгу. С голоду в том годе померли батька с маткой Ярослава, две внучки бабы Марии...

Э-э-э-э! Что я занялся перечислением мёртвых, их уже не воскресить, – одёрнул сам себя дед Иван. – Но Мирослав навеки вечные сохранил память о них в этом венце. Просыпаются они вместе с солнцем, умывают лица ключевой водой, а потом глядят, как живые, на родионовцев, на деревню нашу, на луг и Проню, на лес, на поля с житом, – дед Иван смахнул слёзы со щёк, тщательно выбритые по случаю праздника.

Справившись с волнением, дед Иван продолжал: «Сам суди, Григорий, есть ли тебе место на венце али нет? Достойна ли твоя фигура находится среди колен родионовских?»

А что касаемо памяти людской, то оно ведь известно: у народа крепкая память и на добрые дела, и на худые. О добрых свершениях народ песни слагает, в камне и дереве их запечатлевает. А вот худые дела народ хоть и помнит, но из жизни своей вычёркивает. Не хотят люди жить вместе со злом».

К концу речи деда Ивана к нему подошёл Степан. Глаза Григория забегали, но он засунул руки в карманы штанов и невозмутимо сказал: «Я, как комсомолец, выполнял государственное партийное поручение – стране нужен был хлеб. За отказ меня могли бы расстрелять. Не нахожу я своей вины в гибели ваших семей, уважаемые товарищи колхозники». Григорий взглянул на венец: «Не достоин, говорите, находиться рядом. На нет и суда нет. Насильно мил не будешь», – он криво усмехнулся и что-то сказал милиционеру и шофёру. Те направились к машине.

Григорий присел перед ключом, подставил рот под струю воды. Внезапно из толпы выбежал гусь

и, распростёрши крылья, помчался на Григория. С разбегу он клюнул его в оттопыренный зад. От неожиданности Григорий упал на четвереньки и оглянулся на дерзкого смельчака, посмеявшегося поднять руку на него, председателя колхоза. Гусь зашипел и вцепился в его штанину. Григорий вскочил и ногой отшвырнул гуся. Но упрямая птица не сдавалась: раскинув в стороны крылья, вытянув шею, издавая яростное шипение, гусь снова ринулся на председателя. Григорий начал отступать и, убыстряя шаги, обежал сруб. Гусь тоже прибавил в скорости, и председателю пришлось ещё раз обогнуть сруб.

В толпе раздался чей-то сдавленный смешок, потом смех подхватили ещё несколько человек, а когда председатель описывал пятый круг вокруг ключа, народ уже покатывался с хохоту. «Давай, давай, гусачок, догоняй! Поддай ему жару!» – подбадривали из толпы гуся. Дети тут же затеяли спор, кто быстрее в беге – птица или человек? В спор детей вступили взрослые: «Если разозлить какое-либо животное, то оно задействует все свои природные хитрости, чтобы отомстить обидчику и может победить человека».

Азарт в соревновании между Григорием и гусем нарастал, усилилось и веселье в толпе. «Председатель, штаны не обмочил? Проверь, гусак подождёт», – слышались насмешливые возгласы.

Григорий понимал нелепость своего положения: его, государственное лицо, какой-то гусак заставляет бегать на потеху народу. Он метнулся к машине, гусь за ним. Выскочивший из машины милиционер тарачил глаза то на председателя, то на на бегущего вслед за ним гуся. «Стреляй, стреляй», – закричал Григорий. Ярослав, почуввав неладное в голосе председателя, спотыкаясь на бегу, бросился к машине. «В кого стрелять, Григорий Борисович? В кого?» – ошарашенный непонятым приказом, спрашивал милиционер. Григорий подбежал к нему и выхватил пистолет. В это время гусь оттолкнулся от земли, взмыл в воздух и тараном полетел на председателя. Раздался выстрел. Гусь прервал полёт, на короткий миг завис в воздухе, потом его длинная шея прогнулась к лапам, крылья обвисли, и он шмякнулся в луговую траву. В толпе раздался испуганный женский вскрик и тут же оборвался.

Вдруг почудилось, что Земля и Солнце прекратили своё вековечное вращение, и мир остановился. В неподвижных позах застыли милиционер, Григорий с пистолетом в руках, бегущий Ярослав, люди, вперившие взгляды в распластанного гуся, на белоснежном оперенье которого проступило красное пятно. Неслышно было звона пчёл, стрекоз, кузнечиков, плеска Прони. В этом безмолвии извержение ключевой воды, падающей на гальку под срубом, было подобно громовым раскатам.

– Ты пошто птицу стрелил, председатель? – процедил сквозь зубы Ярослав.

– Так будет с каждым, – Григорий обвёл взглядом онемевшую толпу, – с каждым... – он опять помолчал, – с каждым...гусём. Вы проявили неуважение ко мне, а я – власть!

– Велик дуб, да дуплюный! – раздался выкрик из толпы.

– Поехали! – скомандовал Григорий. – Нечего здесь больше делать! – Взревел мотор, машина скачком рванулась с места и скрылась за поворотом выгона. Дед Иван сказал вдогонку умчавшейся машины: «Сколько утка не мудрись, а лебедем ей не быть».

Народ теснился в кучу около Ясуни. Она подняла гуся на руки, в её глазах стояли слёзы. «Это же надо, чтобы птица понимала человеческие отношения. Она же не кинулась, к примеру, на деда Ивана или дядьку Мирослава, а они-то говорили тоже резко и сердито. Вишь ты, птица, а учуяла, где свои, а где чужие. Да наш гусак просто герой, варить его в супе никак невозможно. Хоть гусак и птица, а почести ему следует воздать по человеческому поступку. Погиб, прямо-таки, геройски и при исполнении служебных обязанностей» – так говорили родионовцы, перебивая друг друга, подхватывая мысли и уточняя их, и безмерно удивляясь храбрости Ясуниного гуся.

Тут же, с общего уговору, решено было, ввиду исключительных обстоятельств, похоронить гуся на родионовском кладбище.

Под вечер гости стали разъезжаться. Группами они уходили по ольшану, чтобы на попутных машинах или же пешком добираться в свои деревни, посёлки, городки, которые стали для многих из них навсегда родным местом в жизни.

Гроза

Огненно-красный диск солнца закатился за лес и в тот же миг от Лосевки по небу поползла иссиня-чёрная туча. Она накапливала силы, передвигаясь медленно и зависая над лесом, пшеничным полем, рекой и лугом. К ночи, приблизившись к Родионовке, туча дохнула на деревню свежим воздухом, предвещавшим грозу. Вначале на крыши домов и огородов пролились редкие, крупные капли дождя. Затем туча разверзлась, и на деревню обрушился ливень.

Туча разрасталась, темнела и, наконец, завладела всем небесным пространством, сливаясь с горизонтом, погружая окрестности Мичуринского колхоза в непроглядный мрак. В её недрах вспыхивали огненные извивы молний, на короткий миг освещавшие землю, а следом, постепенно набирая силу, гремел гром. Потом опять был слышен лишь шум дождя, падающего из тучи водяной стеной, сквозь

которую не было видно ни зги. Небо сочиняло свою симфоническую музыку, звуки которой усиливались над Совой. Туча, сползшая к Сове, гремела и сверкала непрерывно в течение часа.

Родион встал с кровати, нащупал впотьмах дверную щеколду, открыл дверь. «Куда ты, сынок?» – спросила с печи Полина. «Я сейчас, мама. По надобности. Спи», – ответил Родион и тихонько притворил за собой дверь. Вернулся он с пением родионовских петухов, промокший до нитки. Развесил в сенцах волглую одежду, в хате снял с шестка первую попавшуюся рубаху, надел её и лёг на кровать. За окном по-прежнему хлестал ливень, и слышны были далёкие раскаты грома.

К утру гроза угомонила. Редкие клочки тучи истаивали в небе, освобождая место всплывающей над землёй заалевшей утренней заре.

В полдень к Заречиним на одну минутку заехала Авдотья, чтобы забрать отремонтированные калоши. Она сообщила, что в Сове во время грозы сгорел дом председателя. «Сгорел весь дотла, одни головешки до сих пор дымятся, – тараторила Авдотья. – Соседи председателя говорят, что в дом попало три или четыре молнии, а может и все семь. Тушить пожар не стали, так как спорить и тягаться в силе с самим небом человеку совершенно невозможно. Председатель со своей жёнкой в одном исподнем белье еле успел выскочить из горящей хаты. Спасать-то особенно нечего было. Детей они не завели, скотины никакой не держали. Да и зачем она им: они же сидели на государственной готовизне.

Ой, дела творятся, ой, непоправимые дела! Председатель не столько горюет по пропащей хате, хату можно новую построить, это дело известное, – продолжала рассказ Авдотья. – А горюет он и убивается по партийному билету. Партийный билет сгорел тоже, и платья все городские его бабы тоже погорели, даже ниточки ни одной не осталось от тех уборов».

Авдотья прижала к груди калоши: «Спасибочки, дядя Мирослав, прямо сейчас и надену. Лапти-то жалко топтать по слякоти, так я босиком педали крутила». Она обула калоши и, стоя уже на пороге, задумчиво бросила: «Правильно люди говорят: «Что плюнешь, того не поднимешь!». Ну, бывайте, здоровы, а мне пора ехать. В Лосевку везу аж четыре письма». Почтальонша осветилась улыбкой, как будто эти письма были адресованы лично ей, а не посторонним для неё людям.

Весть о пропавшем партийном билете и сгоревшем доме председателя вмиг облетела весь Мичуринский колхоз. На третий день после грозы собрался Совской сельсовет, где решено было провести расследование обстоятельств пожара. Милиционер тихонько бубнил на ухо председателю: «Григорий Борисович, нельзя упускать из виду хозяина гуся».

– Какого ещё гуся? – удивился Григорий.

– Того гуся, которого вы стрелили в Родионовке, Григорий Борисович. Может, кто в отместку за того гуся, петуха пустил на вашу хату. Если рассуждать логическим манером, то эту версию нельзя исключать из следствия – настаивал милиционер.

– Глупости, глупости твои предположения, – отвечал Григорий. – Гусь! Гусь тут ни при чём. Хорошо, поинтересуйся, если желание есть. Тоже мне Шерлок Холмс нашёлся! Как хочешь, впрочем, поступай, я тебе в этом деле не указчик.

Около пустующего родительского дома, родителей он схоронил год назад, Григория догнала соседка и сказала, что его баба уехала в Витебск. «Почему она мне ничего не сказала о своей поездке?» – изумился Григорий. Соседка сделала скорбное лицо и с грустью ответила: «Она сказала, Григорий Борисович, что уезжает навсегда, что она не хочет жить с неудачником». «Этого не может быть! Как же так?» – растерялся Григорий. «Меня попросили передать эти слова, а больше я ничего не знаю, Григорий Борисович. Разбирайтесь сами в ваших отношениях с жёнкой» – соседка, опустив голову, отошла от Григория.

Милиционер, подъезжая к Родионовке на машине председателя, попросил шофёра притормозить около кладбища. На самом краю кладбища стояло врытое в землю обтёсанное бревно, высотой в три метра. На его вершине разместились деревянная скульптура гуся. Гусь был изображён в полёте: раскинув широко крылья, плавно изогнув шею, всё его тело было устремлено ввысь, в небесную ширь, властителем которой он являлся по своей природе.

Милиционер задумчиво почесал в затылке: «Слушай, – обратился он к шофёру, – в прошлый раз, когда мы подъезжали к Родионовке, ты не помнишь, стояла эта птичья фигура или нет?». «Извини, – ответил шофёр, – я не глядел по сторонам. Не помню. Может, и была эта деревянная чурка, кто её знает. Ничего не могу утверждать: ни да, ни нет».

Милиционер начал обходить хаты и допрашивать родионовцев о хозяине гуся. От одних он слышал, что гусь приبلудный, от других, что гусей отродясь не держали, от третьих, что сколько гусей было в их стае, столько и есть. Тогда милиционер решил поговорить с детьми: они-то уж, наверное, точно знают хозяина застреленного гуся. Детвору он отыскал на выгоне. Выгон являлся излюбленным местом детских игр. Дети прервали игру в лапту, окружили милиционера и на вопрос, кому принадлежал гусь, отвечали, что они не знают и что никогда не видели застреленных гусей. Когда милиционер спросил, давно ли на кладбище установлен памятник гусю, то получил ответ, что деревянный гусь был там водворён, когда они ещё и не родились на белый свет.

Милиционер вернулся в Сову «не солоно хлебавши», как говорят в таких случаях, и жутко разочарованный в своём таланте сыщика, о чём он и доложил председателю.

На следующий день Григория вызвали в Горечский райком партии. Оказывается, районное партийное начальство уже было извещено о его аморальном поведении в прошлое воскресенье, когда он застрелил гуся и, тем самым, выставил на посмешище всю районную партийную организацию. Кроме того, к партийному делу присовокупили потерю им партийного билета, что являлось грубейшим нарушением партийной дисциплины. Решение бюро райкома было категорическим: лишить Григория членства в партии и освободить от занимаемой должности председателя колхоза.

Признание

За столиком в буфете железнодорожного вокзала Орши между тремя мужиками разгорелся нешуточный спор: ехать или не ехать Григорию в Витебск на поиски жены. Было выпито четыре поллитровки «Московской» водки, но к единому мнению мужики так и пришли. Григорий купил пятую бутылку, а также три котлеты на закуску, разлил водку по стаканам, и обсуждение наиважнейшего житейского вопроса продолжилось.

Диспетчер вокзала объявила о прибытии поезда «Киев–Ленинград», делающего пятнадцатиминутную остановку в Витебске. За столиком, наконец-таки, был поставлен вопрос ребром: «Если жена любит мужа, то может она его бросить в беде или же останется делить с ним тяготы жизни?». Ответ, который искали в течение четырёх часов, а Григорий появился на вокзале в одиннадцать утра, сразу же сыскался: «Любимого мужика жёнка ни за какие коврижки не бросит». Тут же был вынесен приговор сбежавшей бабе Григория: «Григорий навек вычёркивает её имя из своей памяти». Диспетчер, в голосе которой мужикам почудились сожалеющие нотки об их решении, огласила об отправлении поезда.

Григорий вылез из кабины попутной машины, икнул и огляделся. Вперёд шоссе вело в Сову, позади – к Орше, справа просёлочная тропинка извивалась по направлению к Слободе, слева находился ольшан. Нетвёрдой походкой, выписывая ногами замысловатые фигуры, Григорий спустился с шоссейной насыпи на ольшан.

В брюки у него была заправлена только одна пола рубашки, вторая пола вместе с майкой болталась поверх брюк; на левой ноге в ботинке нельзя было обнаружить носка, ввиду его полного отсутствия с самого утра, но на правой ноге носок выглядывал из-под края штанины. Размахивая руками, пытаясь сохранить равновесие при ходьбе, Гри-

горий запел: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...». Его тут же сильно качнуло и занесло в канаву, на дне которой он немного отдохнул, потом на четвереньках выбрался из неё на дорогу и принял стоячее положение. Он затынул снова «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...», но прервал сам себя следующим размышлением вслух, грозя при этом невидимому собеседнику указательным пальцем: «Врёшь, душа у каждого человека есть и любит душа сердцем, а не мозгами. Мозги только думают, а сердце чувствует, чувствует. Понимаешь?». Григория опять повело, ноги заплелись, однако в этот раз ему удалось удержаться на ногах.

Так спотыкаясь, изредка падая, он дошёл до деревянного моста, перекинутого через Проню, и здесь остановился, разглядывая мутными глазами детей, играющих с весёлыми криками на выгоне. Григория качало, словно дуб на взгорье под порывами ураганного ветра, пытающегося вырвать из земли корни дерева. Тело Григория склонялось то к выгону, где играли дети, то оно пыталось развернуться опять в сторону ольшана. Потоптавшись и покрутившись на одном месте, затем, глубоко вздохнув, как перед прыжком в ледяную воду, он заступил на мост.

– Дядя, добрый день! Дядя, здравствуй! – раздались вокруг него детские голоса.

– Здравствуйте, товарищи дети! – ответил Григорий. – Во что играем? – спросил он, рассматривая раскрасневшиеся лица, которые вдруг расплылись и исчезли, а затем появились вновь, странным образом двоившимися и троившимися маленькими фигурками, а потом вдруг принявшими чёткие очертания.

– В лапту, – хором ответили дети.

– Кто победил? – спросил Григорий. Дети ответили, что они ещё до конца не доиграли.

Над выгоном взлетел тряпичный мяч, и группа ребят стремглав помчалась к заветной черте, за которой их уже нельзя было пятнать той команде детей, что находились в поле. Надо было забежать за эту черту, а затем бегом вернуться обратно, уклоняясь от мяча, которым другая команда старалась «выбить» как можно больше игроков на своём поле. Григорий смотрел на игру, и его губы непроизвольно растянулись в улыбке: мальчики и девочки очень ловко увёртывались от мяча и все вернулись обратно. Но выбивающие ребята заспорили, они доказывали, что Егорка повернул обратно, не добежав до охранной черты, поэтому он должен перейти в их команду как «выбитый». Егорка не соглашался с этим мнением, возражал и говорил, что он пересёк черту вместе с Алёной и не будет оставаться на чужом поле.

«Чужое поле, чужое поле, чужое поле» – назойливой мухой зажуужало в голове Григория. Он

прошёл огородами к ключу, сел на траву и прислонился к срубу. Мысли о чужом поле не уходили, не отпускали: они роились вокруг головы, пробирались внутрь и гремели там барабанным боем. «Чужое поле, чужое поле, оставаться на чужом поле» – стучало в голове. «Играть или не играть на чужом поле?» – возникший вопрос настойчиво требовал ответа.

Он слушал вековечное лепетание ключевой воды и подумал, что лучшего собеседника для душевного разговора ему не найти. «Я всю жизнь играл на чужом поле. Сам согласился играть на чужом поле, меня никто не принуждал оставаться на чужом поле. А Егорка, малец, наотрез отказался покинуть своё поле, свою команду, своих игроков-друзей», – объяснял он говорливому ключу.

Ключ журчал, подхватывал слова Григория, дробил их о гальку и уносил в потоке в Проню.

«Подлюка я распоследняя, надо честно признаться. Всё выслужиться норовил перед начальством, спину прогибал, лишь бы благосклонный взгляд заслужить, лишь бы отметили, по плечу ласково похлопали, не забыли фамилию вписать в списки награждённых лиц. Играл ты, Гришка, не только на чужом поле, но и по чужим правилам. В куклу превратился, в болванчика: любой начальствующий перст в тебя ткнёт, а ты и готов клониться туда, куда он тебя щёлкнул. Подлюка, подлюка ты и есть, Гришка» – Григорий обхватил голову руками, заскрежетал зубами.

– Дядечка, пошто ругаешься? – услышал он мальчишеский голос. Григорий поднял заплаканное лицо: перед ним с ведром в руках стоял мальчонка лет десяти. «Тебя как зовут?» – спросил Григорий и всхлипнул.

– Добрыня, – ответил мальчик.

– Давай знакомиться, Добрыня. А я – Гришка, – он протянул руку. – Садись, побалакаем, коли временем располагаешь, Добрыня, – предложил Григорий.

– Не, дядечка Гриша, прости за невежество, – сказал Добрыня, – я только за водой к ключу пришёл и мне сразу же велено домой возвращаться. В хате дел ещё много переделать требуется. Видишь, солнце уже спустилось к лесу, скоро затемнеет, и мне надо успеть полить лук ключевой водой до захода солнца.

– А ты, чей будешь? Кто твои родители? – спросил Григорий. «Я – всехный», – ответил Добрыня. «Поясни-ка, Добрыня, что это значит «всехный»?» – удивился Григорий. «Я, как тётя Ясуня, всехный. У тёти Ясуни родителями были все родионовцы и у меня тоже», – отвечал Добрыня, подставляя ведро под ключевую воду. «А теперь у тёти Ясуни папа сыскался, и скоро она будет Родионова. Она замуж выходит за дядю Родиона», – пояснил Добрыня, заметив недоуменный взгляд Григория.

Услышав имя Ясуни, хмель мгновенно выскочила из Григория. Он подождал, пока Добрыня наполнит ведро, и тут же сунул голову под упругую струю ключа, умыл лицо. Однако такого мытья ему явно показалось недостаточно. Григорий скинул рубашку и, стоя на коленях, омыл тело по пояс, потом долго и жадно пил воду. В голове немного прояснилось. Добрыня, наблюдавший как взрослый мужик плещется под ключом, словно малое дитя, спросил: «Дядя Гриша, ты, наверное, давно в речке не купался?». «Верно, заметил, Добрыня. Я уже и забыл, когда это было», – ответил Григорий.

– А наши роудиновские мужики каждую субботу после бани в Проне плавают, – похвастался Добрыня. – Ладно, мне пора. До свидания, дядя Гриша.

– Будь здоров, Добрыня, – попрощался Григорий, и что-то сдавило, стиснуло в его груди, когда он смотрел вслед Добрыне. Тот, чтобы вода не расплескалась в ведре, цепляясь дном за землю, шёл, скособочившись, сильно напрягив руку и высоко приподняв плечо.

К Григорию вдруг пришло ясное осознание того, для чего он пришёл в деревню: ему надо повидаться с дядькою Степаном. «Но это я сделаю завтра, а сейчас мне необходимо собраться с мыслями. Ладно, “утро вечера мудрёнее”, как говорится. На свежую голову и правильные мысли придут», – рассуждал сам с собой Григорий. Он растянулся около сруба и убаюканный бормотанием ключа проспал до утра.

Утром, как только край солнца показался над землёю, Григорий открыл глаза и долго соображал, где же он находится. Под головой он нащупал свёрнутую поддёвку. Он сел, повертел в руках поддёвку: нет, такой одежды он не носил. Услышал шаги и оглянулся: к срубу подходил Добрыня. «Дядя Гриша, с добрым утром!» – поприветствовал мальчик. «И ты будь здоров!» – ответил Григорий, стараясь вспомнить имя мальчика. «Как тебя зовут, я что-то запамятовал. Это же ты вчера со мной говорил?» – уточнял Григорий. «Со мной ты разговаривал, дядя Гриша. А зовут меня Добрынею. Вот, ешь, пожалуйста, бабушка Ганна прислала», – говорил Добрыня, вынимая из карманов зелёные огурцы. «Спасибо, – ответил Григорий, – вовремя угощение прибыло».

– Ты поддёвку принёс? – спросил Григорий, хрустя огурцом. «Не, не я. Может бабушка Ходора, жёнка дедушки Макара? – неуверенно предположил Добрыня. – Не, про поддёвку не знаю, дядя Гриша».

Съев огурцы, Григорий встал и обошёл вокруг венца. В тот злосчастный день, когда он не обнаружил своего терема на венце, его внимание было приковано лишь к изваянным фигурам роудиновцев. Сейчас же он обратил внимание на то, что между некоторыми теремами на венце существовали

пустоты. Вот терем деда Макара, вплотную к нему примыкает терем деда Ивана, а сразу же за Ивановым коленом, где должно находиться изображение его рода, был промежуток, пустота. Как будто дядька Мирослав специально не застроил это место, оставил про запас.

Григорий шёл по деревне, держа за руку Добрыню и, кося взглядом на хаты, видел лица, мелькавшие за оконными занавесками и тут же скрывающиеся, согнутые спины женщин, копошащихся в огородах и сразу же выпрямляющихся, как только он проходил мимо, торопливо отходящих от ворот мужиков. Похоже было на то, что его здесь ожидали.

Григорий зашёл во двор Ясуни, выдернул из колоды топор. Добрыня испуганно взглянул на Григория, но промолчал. Григорий отворил дверь в хату. Сидящие за завтраком Ясуня и Степан обомлели: с топором в руках на пороге стоял Григорий и смотрел на них затравленными глазами.

– Таточка! – диким голосом вскричала Ясуня и, опрокинув табуретку, на которой сидела, вскочила и прижалась к стене. Степан медленно начал подниматься из-за стола, опираясь на него сухим кулаком и не сводя пристального взгляда с Григория, готовый вступить с ним в смертельную схлестку. Его рука нашарила нож, и он вышел из-за стола.

Григорий бросил топор к ногам Степана и глухим голосом, будто идущим со дна колодца, сказал: «Дядя Степан, руби мне голову. Душу мою изгрызла вина перед тобой. Прощения нет и быть не может моей подлости, возведённой на тебя. Я жизнь твою загубил, дядя Степан» – Григорий бухнулся на колени. В хату Ясуни уже битком набился народ, но Григорий видел перед собой лишь одного Степана, его измождённое непосильным трудом тело, впалую грудь, худые щёки и костлявые руки.

Григорий замотал головой из стороны в сторону: «До последней человеческой мерзости дошёл я, дядя Степан. В то время как по моему наговору ты на каторге корячился, я жировал, на постелях пуховых спал, разносольные яства вкушал.

Казнить меня надобно, дядя Степан. Любую смертушку приму, какую приговоришь: хоть голову секи этим топором, хоть вешай, хоть на огне сожги. Смерть мне всякая любя встанет, а на свет белый глаза мои смотреть не желают» – так говорил Григорий, поникнув головой в конце своей речи.

«Повинную голову меч не сечёт», – услышал он позади себя старческий голос. Он резко крутнулся на коленях. Перед ним стояла баба Мария в окружении роудиновцев. Григория поразило, что в их глазах он не увидел осуждения. «Но я же предал дядю Степана и вас тогда на голод обрёл. Ужели такая низость души моей подлежит оправданию?» – воскликнул Григорий, пробегая быстрым взглядом по строгим лицам.

Баба Мария наклонилась к Григорию, погладила его по голове: «Сынок, утри слёзы, вставай с колен, забирай-ка топор и неси его во двор на своё место. Русский человек рубит топором или вражьи головы, или по дереву им работает. А ты – не полено и не вражина нам».

«Как же так, бабушка Мария? Странно изрекаешь, не пойму я смысла твоих речей», – говорил, нервничая, Григорий, растерявшийся вконец. «Резон вот в чём заключён, сынок, – сказала баба Мария. – И без твоей подсказки общественный амбар на дворе Степана всё равно бы раскопали. Ищайки за хлебом нюх вострый имели. В Слободе, в том тридцать первом годе, схороненный хлеб нашли даже в люльке дитяти». Она замолчала.

Разговор подхватила Ганна: «Видишь ли, Григорий, мы тут на вчерашней сходке о тебе говорили и пришли к следующему общему соображению. Отчёт перед своей душой ты уже произвёл, и долгов у тебя перед ней никаких не осталось. А в твою судьбу пришла сейчас грозная година. Как жить дале собираешься? Мы-то помощь в чём-нибудь сможем оказать?».

Григорий встал с колен. Его лицо от пережитого волнения осунулось, постарело. «Я бы хотел, – начал он, – да вот только не знаю, могу ли я надеяться...» – он запнулся. «Говори, говори, не маленький, поди, чтобы бояться правду изрекать» – послышались отовсюду голоса. «Я бы хотел до конца своих дней жить в Родионовке, – продолжил Григорий. – Хочу я, когда придёт мой смертный час, чтобы мои кости лежали на родионовском кладбище».

– Дело говоришь, – одобрила Полина. – Вон и хата Добрыни пустует. Поселяйся и живи в ней.

Григорий взял за руку Добрыню, крепко сжал в своей руке. «А ещё у меня просьба есть следующего характера. Доверьте мне растить Добрыню, вместо сына мне будет. А я уж постараюсь быть ему до-

брым отцом» – Григорий с надеждой смотрел на сельчан.

«А ты у Добрыни спроси, захочет он тебя своим отцом считать или нет?» – раздался голоса родионовцев. Григорий присел перед Добрыней и сказал: «Добрынюшка, позволь мне быть тебе заместо отца?». Мальчик заулыбался, лицо осветилось радостью. «Ладно...», – Добрыня сначала было смутился, застенялся, потом вдруг обнял Григория за шею и сказал: «Ладно, папа. – Он посмотрел сияющими глазёнками на Григория. – Папа, папа», – повторял Добрыня, глядя Григория по небритым щекам.

Григорий подхватил Добрыню, подбросил вверх: «Сынок, сынок мой», – говорил он, прижимая Добрыню к груди. К ним подошёл Степан: «У твоего Добрыни, – сказал он, – талант строителя обнаружился. Я думаю, Григорий, что сына твоего надобно выучить на архитектора». «Выучим, – счастливым голосом ответил Григорий. – Выучим, и народ расейский ещё будет гордиться великим архитектором Добрынею. Так оно и будет!».

А солнце, поцеловавшее землю нежным утренним поцелуем, торжественно поднималось по чистому небосводу, золотя верхушки лип, растущих по обеим сторонам деревенской улицы, наливающиеся колосья пшеничного поля за околицей, мелкую рябь воды в Проне. Не забыло оно высветить золотыми лучами также и пустоты между теремами на венце родионовского ключа.

Быль ли это или сказка о деревне Родионовке, то мне неведомо. Вот только вскорости по всей Расеи начали ключи срубам обустройства, а женихи перед свадьбой водить своих невест к тем ключам. И жили потом эти семьи долго и счастливо, «не разлей вода», как говорят в Расеи.

Санкт-Петербург

«ЭТА ЗЕМЛЯ НАЗЫВАЕТСЯ КОМИ...»

Стихи поэтов литературного объединения г. Ухта
(Республика Коми)

Анатолий ПАШНЕВ

СЕВЕР

Над твоим зачарованным сном,
В приполярном глухом изголовье,
Я вдыхал индевеющим ртом
Твоё белое, Север, безмолвье.

Разгорались во мгле времена,
Словно грани расколотой льдины,
И плыла колдовская луна
Немигающим глазом совиным.

И лежал ты, почти не дыша,
Белый зверь, первобытный и дикий.
Холодела в восторге душа
И сливалась с Молчаньем Великим.

Свою душу изведать до донца
Я хотел и мечтал до поры.
Подвели меня к краю колодца
И сказали: коль хочешь – смотри.

Обдуваемый ветром с порошей,
Я, качаясь, стоял на краю.
Никогда не рассказывай больше
Про открытую душу твою.

Не зови, чтобы я опустился
В эту тайну со светом и тьмой.
Я в свою заглянул – изумился,
Мне достаточно бездны одной.

Когда висят большими сливами
Над садом тучи грозовые,
Люблю дожди неторопливые,
Их занавески голубые.

Когда укрыт, как храмом, ливнями,
Когда светло от одиночества,
Я сам себе и ангел с крыльями,
И очищенье, и прощенье.

Моя светлая судьба
Не расхожий «стольник»,
А по золоту резьба,
Свет на подоконник.

К солнцу вьющейся лозы
Виноградный локон,
И предчувствие грозы
У раскрытых окон.

Чаша красного вина,
Что как кровь глотаю,
И звезда в окне одна,
Имени – не знаю.

Запах ржи и лебеды,
Чувств непостоянство,
Талый свет – твои следы
В глубине пространства.

Наталья ФОМЕНКО

Сверкнёшь звездой,
Выплывешь туманом,
Ночным морозцем выбелишь траву,
Я думать о тебе не перестану,
Пока дышу, пою, пока живу.
Цветёшь ромашкой,
Манишь голубикой,
И я с тобой расстаться не спешу –
Мой вечный Север,
Север светлоликий,
Пока живу, пою, пока дышу.

В один лишь миг сомнений ворох
Меня тоскою оплетёт,
И голос твой уже не дорог,
И взгляд души не обожжёт.
И не весна, не ликование
В пустых измученных глазах.
Окно раскрыто на прощанье –
Прозрачных крыльев лёгкий взмах.

Уходишь ты, вернёшься ль снова,
Таясь, гляжу вслед из окна.
Как вслух не сказанное слово,
Нас разделяет тишина.

Где ты ходишь понапрасну,
По какой тропе бредёшь,
Почему рябины красной
Мне в подарок не несёшь?
Почему за далью дальней,
Где берёзовый угор,
Полыхает не прощальный,
Всё прощающий костёр?
Почему вздыхаю горько,
Вспоминая сладкий дым
Да оранжевую сойку
Над святилищем твоим?

Словно бисером обсыпан,
Лес рососою обметён,
По тропе, давно забытой,
Мы опять идём вдвоём.
Ненароком обернёшься –
Словно дышит за спиной
Из-за елей, из-за сосен
Царь болотный, зверь лесной.
По болоту клюква вьётся,
И за ней наш топкий путь.
Мы сюда ещё вернёмся,
Может быть... когда-нибудь.

Анатолий ИЛЛАРИОНОВ

РОССИЯ – ЭТО МЫ

И первый снег зимы,
Парящий над полями.
И тайна возле тьмы
Над первыми стихами.

За поступью весны —
Букеттики мимозы.
Несбыточные сны,
Несбывшиеся грёзы.

И тихий летний лес:
Сосна, берёза, ёлка...
Ау! Я здесь, я здесь,
Ох, как плутал я долго...

И деревенский дом,
И долгих просек просинь,
И осень за окном,
Как пушкинская осень.

И первый снег зимы,
Парящий над полями...
Россия – это мы,
И небеса над нами!

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

Трещат крещенские морозы,
Ношу охапками дрова,
Собака слизывает слёзы,
Вот жизнь собачья, какова...

Топлю, топлю до исступленья,
Чтоб стужу из дому – долой.
А печка жрёт и жрёт поленья,
Кряхтит в кладовке домовой...

Но вот и окна запотели,
Тепло, такая лепота!
К столу оладьи подоспели,
Ах, молодец, сковорода!

А тело просится в парилку,
С мороза в баньку, на полук,
Пока не вымерзли опилки
И что-то варит котелок.

Берёзовый, благоуханный,
Друг поясницы –
Веник банный!
Душа томит: парку поддай!
И что нам сауны и ванны,
Нам баньку русскую подай.

И вот вспотевши и взомлевши,
Нас с лёгким, дай-то бог, парком.
И чайник, словно ошалевший,
Крутым балует кипятком.

К чайку душистая малина,
Воспоминаний аромат,
Чай не попил, какая сила,
У нас в народе говорят.

Всего найдётся понемножку,
Хозяйка в кухне ворожит.
А мне: горячая картошка
И двести граммов для души...

Трещат крещенские морозы,
Хрустит под валенками снег.
От тяготины, от прозы
Передохни, мил человек.

Эта земля называется Коми,
Чья-то свобода и чья-то тюрьма.
Топится печка, но холодно в доме.
Тундра и парма,
Зима и зима.
Здесь я родился,
Здесь выросли дети,
Сладок и горек отечества дым.
Чтобы ни делал, все мысли о лете,
Как я намёрзся за столько-то зим!
Летом в лесу: голубика, черника,
Белые ночи над синью озёр,
И на столе – позабытая книга,
И на реке – краснопёрый костёр.
Ну а сегодня на сердце усталость,
Надо бы мне оглянуться назад.
Что же ещё в этой жизни осталось?
Господи, лебеди с юга летят!
Значит, ещё серебряное лето
Будет аукать
В берёзовой мгле.
Значит, ещё моя песня не спета
В тундре и парме,
На Коми земле.

Владимир АНШУКОВ

РУССКАЯ ДУША

Промчались дни, как тройка удалая,
Веселье лета стихло, ну и пусть –
Невидимые струны задевая,
Волнует нас есенинская грусть.
Когда природа тихо увядает
И словно замирает, чуть дыша,
Послушай, как поёт и как страдает
Загадочная русская душа.

Над синими бескрайними полями,
Что манят нас неведомо куда,
Летим на юг мы вместе с журавлями,
Но снова возвращаемся сюда.
Одной судьбой с Россией необъятной
Живём мы, возвышаясь и греша,
И нам самим порою непонятна
Загадочная русская душа.

Как трудно это выразить словами,
Когда приходит осенью весна,
И женщины с бездонными глазами
Любовью опьяняют без вина.
А в сердце вместе с болью ликование,
И жизнь опять безумно хороша...
Ты горе наше и очарование,
Загадочная русская душа.

ОТЕЦ

Тяну я невод, песню напевая,
Душа моя светлеет на реке.
А волны плещут, думы навевая,
Мои следы, смывая на песке.
И думается только о хорошем:
О вольном детстве, о моём отце –
Вот в лодке он, обветренный, обросший,
Подобие улыбки на лице.

Отец, отец... ведь ты, что тяжелее,
Ты лямку тянешь вот уж сорок лет
И сил своих ни капли не жалеешь,
Чтоб было что поставить на столе.
Мне нравится, отец, твоя сноровка,
С хитринкой доброй дружелюбный взгляд,
Как сеги ты распутываешь ловко
И как бунтуешь, если разозлят.

Отец, отец... не ставь ты мне виною,
Что лямка легче, да к чему слова!
Мои, пожалуй, кости не заноят.
Ну разве что заноят голова.
Хочу идти со временем я в ногу,
Хочу быть сильным – мышцы изваял,
Учусь чему-то как-то понемногу,
Но твой костяк и кровь во мне твоя.
Я жизнь люблю рыбацкую простую –
Давай-ка, батя, снова на замёт,
И если вынем рыбку золотую,
Отпустим с богом, пусть себе плывёт.

ИДИ В БАНЮ

Если хочешь быть счастливым, будь им.
Козьма Прутков

Шёл весёлый человек,
На прохожих из-под век
Взгляд лучистый так искрился,
Как на солнце чистый снег.
После бани он шагал.
Поскользнулся и упал:
– Ох, какой же я неловкий –
Двухколёсный самосвал.

Шёл угрюмый человек,
Взгляд недобрый из-под век,
От тяжёлых чёрных мыслей
Потемнел искристый снег.
Поскользнулся и упал.
Тут такое он сказал...
Передать здесь невозможно –
Спровоцирую скандал.

Не мечи ты зря икру.
Не ругайся поутру,
А сходи с друзьями в баню,
Выбей веником хандру.
Хмарь рассеется, как дым.
Станешь снова молодым.
Если хочешь быть счастливым
Становись скорее им.

Римма ЛАПИНА

Поэзия

Поэзия – лишь рамки для души
В скитаниях от Бога и до Бога.
Петляет в неприкаянной глуши
Поэтов неприметная дорога.

Неторный путь для каждого один,
Стезя у каждого неповторима.
Идут до самой горней из вершин
Под собственной звездой пилигримы...

Нечаянно сюда я забралась,
Или судьба мне выбрала дорогу,
Но, спотыкаясь, плача и смеясь,
Бреду по бездорожью: с Богом... к Богу...

Налетел апрельский ветер,
Распугал седых ворон,
Перепутал всё на свете –
Дождь и солнце, явь и сон.

Как же это вдруг случилось,
В толк никак я не возьму:
Я влюбилась! Я влюбилась!
Боже, помоги ему!

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Прости мне, Отче, тех, кто мной обижен,
Чьих бед никак не зарастёт зола.
Дай хлеба тем, кто робок и неслышен,
Кому помочь я в жизни не смогла.

Прости, что я по грешному любила,
И раны не залечены ещё,
Что в суете я главное забыла:
Тех, кто подставил вовремя плечо.

Семён БАШКИРОВ

Разволоку себя по непроезжим
Путям до опустевших деревень,
Затерянным в лесах глухих, где прежде
Прохожие случались всякий день.

По старым зарастающим дорогам,
По ветхим над речушками мостам.
И древних изб скосившимся порогам
Обрадуюсь как истинным друзьям.

И влившись в предзакатное круженье
Усталых листьев, буду понимать
Убожество своё, как достижение,
И малость, словно дар, осознавать.

Не задыхаться мне в постели,
С коня не рухнуть на скаку.
Я тихо грань пересеку
В лесу, где листья облетели.
Осенней позднею порою
На приглянувшемся холме
Рукою белою, как мел,
От птиц глаза свои закрою.
И зверь не тронет оболочку
Души ушедшей. А потом
Найдут её. Подарят дом.
Последний. И поставят точку –
Победную! – над ней крестом.

ОТТЕПЕЛЬ

Чуть вышло солнце...
На ветвях берёз
Подтаял снег.
И лёгкий запах прели,
Как на весну намёк,
Как знаменьё апреля,
Насмешник ветер
Из тайги принёс.
Сумнящиеся ничтоже,
Что кругом
Ещё январь,
И что мороз до треска
Вчера стоял,

И греческие фрески
Замёрзших стёкол
Нам порукой в том.
Что февраля
Грядёт седая хмарь,
Ему плевать,
И мне за ним... неволью.
Я воздух пью
Сегодня грудью полной
И ни во что
Не ставлю календарь.

Надежда КАНЕВА

КОЛИ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

Словно дом из соломы, все планы сгорели,
Но осталась цела на плечах голова,
Из далёкого детства слова прозвенели:
Коли жив человек — и надежда жива.

Безысходность схватила руками за горло,
Свет померк за окном, потемнела листва,
Только мысль трепетала, твердила о горнем:
«Коли жив человек и надежда жива».

Колыхнулась внезапно земля под ногами,
Устоять помогли золотые слова,
В них душевная истина любящей мамы:
Коли жив человек — и надежда жива.

Не спеша разгребаю своё пепелище,
Ободряюще смотрит с небес синева,
Ум не дремлет, возможности новые ищет:
Коли жив человек и надежда жива.

ВОЛОС ДЛИННЫЙ

В бурном море, в утлой лодке
Мать и четверо ребят.
Волос длинный — ум короткий...
Часто люди говорят.

Бог не балует погодкой,
Нужно выплыть, правь, вдова!
Длинный ум или короткий,
Только ты в семье — глава.

Вечереет, рыба в лодке.
Напрягает силы мать.
Длинный ум или короткий,
А детей должна поднять.

К ПОБЕДЕ

Не возвратит вчерашний день
И день не предугадать грядущий,
Порой мелькнёт сомненья тень:
Достойно ли живу в текущем?

Прости сейчас, душа моя,
Того, кто причинил страданья,
Прости, обиды не тая,
И за любовь не жди признанья.

Пусть презирают всё добро,
Что ты открытым сердцем делал,
В ответ прижмут глаз хитро
И наградят усмешкой следом.

И незлобивость пусть виной
Тебе же обернут соседи,
Но пусть непорванной струной
Терпение ведёт к победе.

А наша жизнь — всего лишь миг,
Слагающий часы недели,
Кто ценность времени постиг,
Достигнет и заветной цели.

Ирина КУТЕПОВА

А. С. ПУШКИНУ

Дуэль... Пред дулом пистолета
Равны и гений, и изгой,
И нет для русского поэта
Ни музы, ни жены другой.
И что дуэль? Она мгновенна.
Растает смерть в седой дали.
И снова всё благословенно:
Стихи и жизнь, и Натали!

САРАФАН

Вышью золотом по зелёному,
Да цветы по подолу пушу,
Напишу стихи про бажоного,
По медовым глазам загрузу.
Ой, как молодо было зелено,
Да легки на рассвете слова,
Счастья звонкого да немерено,
Да шелками стелилась трава.
По зелёному только золотом,
Да накидкою сизый туман,
Незабудка брошью приколота
Вот и вышила я сарафан.

Мой тихий край, мой край былинный,
Здесь между зорями светло,
И в небе синем, в небе синем
Трепещет белое крыло.
Здесь по утрам на травах росы,
И бирюзовая река,
И рыбаки на дальних плёсах,
И смотрят с неба облака.
Ромашек белое мерцанье,
И стрекоза легка-легка,
И ветра свежее дыханье
Доносится издалека.
Морошка зреет на болотах —
И всё вокруг в краю родном
Дурманит зельем приворотным,

Чтоб не забыла отчий дом.
Я зелье пью, и сердце стынет,
А на душе светло-светло,
И в небе синем, в небе синем
Трепещет белое крыло.

Мороз звездою сердце ранил,
Зелёный взгляд спалил мне душу,
И мчались ледяные сани
В крещенскую парную стужу.
И в темноте мерцали звёзды,
Дорога далью уходила,
Стихи нечаянно замёрзли,
И на щеке слеза застыла.

Виктор ПАНИБРАТОВ

...И ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ!

(ПОЭМА О МАТЕРИ)

БОГОРОДИЦА

Зачем ей дар обычной речи?
Её неисчерпаем взгляд.
Её глаза... Так только свечи
В пасхальной темноте горят.

В них целомудренный покой,
В них вера в чудо Воскресенья,
Они как символ неземной
Страдания и всепрощенья.

Их свет не поучает нас,
Не призывает и не судит;
Но кто его увидит раз,
Уже вовеки не забудет.

Дитя, как счастье, обрести,
Лелеять, затаив дыханье.
И в мир отдать, чтоб мир спасти,
Отдать... на крестное закланье,

Отдать смиренно, без борьбы.
Где жертва, чище и ужасней?!..
О! нет мучительней судьбы,
И выше нет, и нет прекрасней.

СЛОВО О МАТЕРИ

Мать... Смятен ум и немеют уста перед величием и непостижимостью этого явления. Нет, казалось бы, и слова более привычного, понятного. Но стоит спросить, что значит, чем является для нас мать, и наступает пауза, и длится, и разрешается в ничто. И старец мало отличен от мужа, муж от юноши, юноша от ребенка.

Отчего так, Мама? Отчего истина твоего имени не глаголет даже устами младенца? Отчего открывается она нам и возглашается в полноте своей лишь единственный раз и лишь до всякого нашего слова, до всякой мысли и памяти? Возглашается – в первом крике. Это крик всего нашего существа, и весь он о тебе. О том, что ты – есть и что во всей бесконечности бытия нет и не может быть ни-

кого и ничего ближе, дороже, роднее и беззаветнее тебя и нет ничего страшнее, чем тебя потерять. ... Пронзает боль сердце твое. И ты – учишь.

Ты наш главный университет и главный учитель. Счастливейший учитель! Самомалейший успех наш наполняет тебя умилением и восторгом. Трагичнейший учитель. Ибо вся наука твоя сводится к умению обходиться без тебя, вся чревата отчуждением: научишь ходить – покинем, говорить – упрекнем, любить – изменим... Блеск и суета мира влекут нас и заслоняют тебя, как тучи заслоняют солнце. И только в самые трудные, в самые горькие минуты, когда во всем изверимся и до конца отчаемся, тихим светилом взойдет в помраченной душе благая весть первого крика: ты – есть!

Ни за что любящая, без границ жертвующая, все прощающая, ты – есть. И потому никто в мире не потерян для жизни и счастья. Нет ни отверженных, ни пропащих. Не приходит детство и не бывает старости. И ничтожнейший из смертных исполнен достоинства, открыт добру и равен совершеннейшему.

Ты есть... Ты есть и тогда, когда тебя уже нет... Прости же нас, тебя недостойных, и да святится имя твое!

ПЕРВОПАМЯТЬ

Пожар войны... Под тем пожаром
Мои младенческие сны
В дотла сожженном доме старом
Надежнейше погребены.

А первопамятны лишь ночи
В хатенке-полушалаше,
Где братьев воспалены очи
Да тяжкий страх в моей душе.

Где ждем Ее... В слепом окошке
Костер мигает за рекой,
Как жуткий глаз недоброй кошки...
Тот страх пожизненно со мной:

«Вдруг не придет!.. Мир зол и темен,
Там чей-то крик иль стон “гу... гу...”
Там “фрицы” прячутся в снегу...»
Уснули братья на соломе,
А я без мамки – не могу...

ЛАСТОЧКА

...Какая искренняя и спокойная истовость была в молениях моей матери. Не помню случая, чтобы она легла спать, не сотворив коленопреклоненной молитвы. Из ее молитв я узнал и до сих пор помню имена даже никогда не виденных мной ближ-

них и дальних сородичей, о земном или небесном благополучии которых она просила... Мама читала по окрестным селениям над усопшими. Все время ее просили. Собиралась как на службу. Молилась, увязывала в большой клетчатый платок Псалтырь и уходила на всю ночь в печальные дома. Приходила на другой день, приносила скромный гостинец от поминального стола. Религиозность и церковно-славянскую грамоту унаследовала она от своего отца, он был псаломщиком в церкви села Перечное, что в пяти верстах от нашего села Розгребли.

Псалтырь был старинный, подобранный на руинах взорванной в тридцатые годы розгребельской церкви. Огромная книга в жестком переплете, покрытом натуральной кожей. По краям кожа истлела и истерлась, и они для крепости были наскоро (видимо, предполагалось, что настоящий ремонт будет потом) обметаны черной ниткой. Некогда украшавшее переплет тиснение тоже стерлось, и лишь жалкие следы его напоминали о былом великолепии. Титульный лист не сохранился. Сразу шло толкование псалмов Давида. Далее шли сами псалмы. В конце тома – обширные пасхалии. Бумага сероватая, с множеством светло-коричневых, пахнущих воском пятен ... Меня книга влекла и жутковатой тайной своего назначения, и необычностью содержания, благо книгочей я был заядлый. Много раз просил научить загадочно близкой грамоте, но своего же терпения на это так и не нашлось. Лишь душеисцеляющее благолепие церковно-славянской речи навсегда запало в душу...

Самые светлые из детских воспоминаний – моменты пробуждения по утрам под мамино пение. В окна льется майское солнце, через открытую раму доносится божественный распев ласточки, жившей в сарае, над стойлом коровы; а с кухонной половины хаты слышится голос Мама, столь же естественный и благодарный Богу за жизнь, как и голос ласточки. Она пела за работой, которой никогда не было конца: шить, мыть, стирать, варить, убирать – некогда помирать. Работала и пела, пела псалмы! Тогда я не видел в этом ничего особенного, а теперь спрашиваю себя: кто и где так поет в наши дни?.. А может, все это мне приснилось, Мама?..

ПАСХА-2000

Памяти строчка не зряшная:
Церковь; село Поречное...
Даль моя позавчерашняя!
Розовая, бесконечная.

Мама в печь пасху сажает:
«Чудо нас ждет впереди;
Солнце в Христов день играет,
Утром. Не спи – погляди».

Ах, да просплю ж я без мамы:
«Мне ведь уж больше восьми,
Всенощную с куличами
Выстою – только возьми».

Узел заплечный с палкою,
Запада рдеет заря.
Чибис над сумрачной балкою,
Столбик витой алтаря.

Образ сурово-приветный,
Пения сладкая жуть,
Радостный звон рассветный,
Радостный к дому путь.

Скрылась в полях колокольня,
Чибис нас вновь окликает,
Солнце встает над раздольем, –
В огненных кольцах играет!

Черная-черная пашня,
Синее-синее небо...
День мой позавчерашний,
Был ты?! А может, не был?

Солнце не сыплет клубами,
Нет нашей хатки мазаной,
И не вернуться маме
С пасхой, в платок завязанной.

КОНЕЦ ОТПУСКА

Холодок полуосенний,
Звук мотора у двора,
В ночь распахнутые сени,
Расставания пора.

Пахнет яблоками в хате.
Образок в углу блестит.
Мать-старушка на кровати,
Как воробушек, сидит.

Нету, нету горше доли.
Затуманились глаза,
Вышли силы, против воли
За слезой бежит слеза...

Миг прощанья невозвратный.
Начал было: «Через год...»
И замолк. Не в силах лгать ей.
В горле – ком... Не доживет...

За окном сигналият звонко,
Блик рассвета на траве.
Сын молчит и, как ребенка,
Гладит мать по голове...

ЗАВТРА

Поседевший, не заплачу, –
Как мальчишка, зареву.
И что в жизни звал удачей,
Неудачей назову.

И вернусь по телеграмме
В час судьбы моей лихой,
В тихий дом под тополями,
С изумрудною травой.

И не встречу слов привета,
Милых слез и суеты...
И пройду, не видя света,
До погоста две версты.

Накажу плакучим ивам
Сны покойные стеречь,
А соседям незлобивым –
Сад отцовский поберечь.

Образочек, на который
За меня молилась мать,
Заберу, спеша на скорый...
В Петербурге умирать.

НИ О ЧЁМ

Домой! Домой!.. Стремительнее ветра
Рвал скорый поезд августовский зной.
И пожирал стальные километры...
«Не ждёт. Вот удивлю. Домой! Домой!»

О, эта дверь, знакомая такая!
Враз настезь... Плачет под святым углом.
«О чём ты, Мама? Что с тобой, родная?!» –
«Сыночек, ты?!.. Прости... Я ни о чём...».

Темна и холодна земля сырая...
Свои уж дети забывают дом.
И, кажется, теперь я понимаю,
Что это значит, плакать ни о чём.

ОСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Все ниже, ниже солнце с каждым днем,
Все путь его короче в бездне чистой,
И нет былой неистовости в нем,
И радости восторженно лучистой.

Но, Боже мой, какая благодать
В скупых лучах с их ласкою прощальной!..
Так любит нас дряхлеющая мать,
Любовью тихой, мудрой и печальной.

О, пусть судьба стократ перевернется,
Пусть в жилах медленней стократ струится кровь,
Я славлю жизнь за то, что знал в ней Солнце –
Святую материнскую любовь!

МАТЬ

Родник в раскаленной пустыне,
Лампада в ночи бытия,
Наставница нам и рабыня,
И друг, и святой судия.

Кумиров творим мы немало
И рушим без слез и стыда,
Ее лишь одну с пьедестала
Никто не сведет никогда.

ПРОЗРЕНИЕ

Не олимпийцев всеблагих,
В доспехах доблести небесной,
Нас – жалких, немощных, нагих,
Рождаешь в каторге телесной.

С покорством жертвенно-святым
Ты рай свободы оставляешь.
К нам – своенравным и слепым,
Навек всем сердцем прикипаешь.

Истают сила и краса,
И встанет вечность у порога,
Чтоб мы – не глядя в небеса,
На грош не веря в чудеса –
Вдруг, бросив ком... узрели... Бога.

ТЕЛЕГРАММА

Затейлива фантазия людская.
Толкуют: в даль миров сигнал послать,
Вселенский разум всяк оповещая,
Что главного нам удалось познать.

Решают Нобелем отмеченные, знаю,
Послать про атомы, про круга квадратуру..
Что ж я совсем не кстати вспоминаю
Твой скромный лик и скромную фигуру?..

В метельном поле след стопы твоей,
Прифронтовой зловещий небосвод,
У пепелища пятеро детей,
Которым ты – хлеб, кров и сам Господь...

Слабее стебелька... Сильней солдата.
О, пусть несет сквозь вечность телеграмма
Не формулы, не кубы и квадраты,
А непостижное, святое слово – Мама!

ИСТОК

...Добру и милосердию учила.
Не потому ль чиста моя рука?
Не крала, не рвала она, не била...
Не потому ль в душе покой и сила?
Не потому ль светла моя строка?..

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

И гости, и свечи, и скатерти,
И вот уж виновник привстал...
А я бы с молитвы в честь Матери
Всегда торжество начинал.

ПОЛНОЧЬ РОЖДЕСТВА

Миров несметных призрачная млечность
Пересекла бездонный океан,
С далеких звезд глядит седая вечность
На детский сон мгновенных гор и стран.

Покой. Величие. Полетное паренье.
Свой лик Творец в чертах вселенной зрит.
И надо всем, как ветра дуновенье,
«Аве Мария» тихое звучит...

г. Ухта
Республика Коми

Виталий СЕРКОВ

«МЫ ВОИНЫ ЗАСАДНОГО ПОЛКА...»

Наверное, критики будут не в духе,
 Когда прочитают вот эти стихи.
 Я их посвятил деревенской старухе,
 Чьё детство и юность прошли при разрухе,
 А жизнь утекла, как вода со стрехи.

Замужество, вдовство и тяготы быта...
 Оставим за кадром причуды судьбы.
 Лишь вспомним, что дочь её зверски убита,
 И сыном нелёгкая чаша испита,
 А счастье ушло, словно дым из трубы.

Глядит из окошка она на дорогу.
 Машины мелькают одна за одной.
 Есть хлеб и картошка, и то – слава Богу,
 Да внук помогает еще понемногу,
 Нет-нет, да и явится на выходной.

Спроси у неё, как живёт – «А неплохо, –
 Ответит, – и хуже живут старики».
 Поднимется, ляжет ли с именем Бога –
 Недолго ей ждать до последнего вздоха.
 Уж лодочник ждёт за изгибом Реки...

Я, как журавль, покинувший гнездо,
 Лишь стает снег – тянусь в родные дали.
 Там старый дом под северной звездой
 Все ждёт меня в тревоге и печали.

Склонился он оконцами к реке.
 Крыльца ступени опустились ниже,
 Чтоб стать ко мне на сантиметр, но ближе,
 Перила тянутся к моей руке.

Забуду всё, но этот ветхий дом
 С берёзами по краю палисада
 Напомнит мне, заблудшему, о том,
 О чём вовеки забывать не надо.

О поэзии светлой, о чести скорбя,
 Я опять вызываю огонь на себя.
 Всей нечистой, неистойвой, дьявольской силы,
 Что годами над нами кружит на метле,
 Всё святое загадив на русской земле, –
 Даже дедов и прадедов наших могилы.

«Дым Отечества нынче особо горчит!», –
 Вор «в законе», хватаясь за шапку, кричит,
 Понимая, что шапка и уши пылают.
 Матерятся на Родину хлюпик и хлыщ, –
 Им ли нынче до наших седых пепелищ? –
 Словно моськи, сорвавшие привязи, лают.

С омерзеньем на шабаш их наглый смотрю.
 «Бог не выдаст, – с презрением я говорю, –
 И Россия, как Феникс, восстанет из пепла,
 И от смрада тяжёлого еле дыша,
 Мы проветрим ее, чтобы снова душа
 От простора и воли рыдала и пела».

Пусть вы о нас не слышали пока –
 Нет нашей диспозиции на карте.
 Мы – воины засадного полка,
 Не мыслящие службы в арьергарде.

Наш полк, как никогда, необходим.
 Мы вступим в бой однажды поневоле,
 Но политое русской кровью поле
 Врагам за серебро не отдадим.

Самарский, вологодский ли, тверской –
 Не падки на чины и эполеты,
 Но Дух, что нам оставил князь Донской,
 В душе храним, поскольку мы – поэты.

Мы знаем цель засадного полка.
 Мы – скрытая опора авангарда.
 Враги о нас не ведают пока,
 А значит – и не бита наша карта.

В Вологде

Поёт старушка: «Здравствуй, батюшко,
 Уж сколь годочков не бывали!»
 Здесь для России славу Батюшков,
 Рубцов и Яшин добывали.

И до времен Ивана Грозного
 Здесь также плакали и пели
 Под перезвоны дня морозного,
 И в зной, и в слякоть, и в капели.

И днесь, и встарь «глушили» горькую
И крыли бранью подзаборной,
Но до сих пор гордятся горкою,
Что называется Соборной.

И приезжая не по поводу –
По зову сердца приезжая,
Я вижу: к речке ходят по воду,
Про бытие соображая.

И душ, и ванны есть, но банные
Ещё компании живучи.
Постройки жмутся деревянные
К домам, встающим выше тучи.

Грешна ли, свята ли – столицею
Её всегда воспринимаю,
Вознаграждается сторицею
Душа заблудшая, немая.

Неделю, месяц и полгода
Душа томлением полна.
Не суета и не погода
Виною,
а то, что Русь больна.

Её гнетёт недуг тяжёлый, –
И пустота в моей душе.
Осина лист роняет жёлтый,
Да не до песен мне уже.

Далёк ли, близок час рассвета,
И где связующая нить,
Ни от кого не жду ответа,
Но мне ли Родину винить?

Дожди почти без перерыва
Недели три, как из ведра,
Полощут поле у обрыва –
Разверзлась чёрная дыра...

Налился колос – стебли гнутся,
Их всё труднее поднимать,
И мужики в сердцах ругнутся
И в «мать», и даже в «перемать».

С утра заедут и с обеда,
И так, и сяк пытаясь жать.
«Всё, братцы, песня наша спета,
Без комбикорма скот держать...»

Сколь ни пытайся, этой тайны
Мне не раскрыть за жизнь мою:

Тридцатилетние комбайны,
Буксуя, едут по жнивью.

«Хотя бы Он в процесс вмешался...», –
Бросаю взгляд за облака.
...На чём бы шаткий мир держался
Без мужика?

Я выйду к откосу, где ветер качает деревья.
От мыслей тяжёлых меня пробирает озноб.
Ах, в чём виноваты глубинной России деревня
И люди, что нынче не видят доверчивых снов?

Как прежде, река под обрывом бурливые воды
Несёт, подмывая свои берега и кусты.
Здесь праздники помнят, войну и другие невзгоды
И помыслы все до сих пор сохранили чисты.

Не в том ли вина, что Россия раскрыла объятья
И всех приняла под высокой Полярной звездой,
Неся на груди сквозь столетия образ распятыя,
Не требуя плату с пришельцев за долгий постой?

Простить не могли ей открытость её постояльцы
И в ней ненавидя вселенскую волю Христа,
Ломали народу хребет и рабочие пальцы –
Всё с рук им сходило, и снова их совесть чиста...

«Доколе так будет?!», – себя вопрошаю под кедром,
А между полями, где ветер колышет овёс,
От мыслей тяжёлых согнувшись, как травы под ветром,
Мужик молоко после дойки вечерней повёз.

Ни Парижа огни, ни огни Тель-Авива
Не согреют – чужая земля...
Но распушит листочки плакучая ива,
И душа встрепенётся моя.

И берёза, живительным соком томима,
Вдруг начнёт розоветь по весне,
И надежда, вчера промелькнувшая мимо,
Улыбнётся загадочно мне.

А потом заиграет на небе зарница,
Закачается спелая рожь...
Уезжай, если греет тебя заграница, –
От себя далеко не уйдёшь.

На родине

Давным-давно свой путь я выбрал сам.
Душа ждала открытий и скитаний,
Она рвалась к нездешним небесам
И не страшилась долгих расставаний.

Я был романтик и идеалист.
Куда все делось, кто ответит ныне?
И с трепетом смотрю на нежный лист,
На мох, что примостился на овине.

А чувства все немножечко горчат,
Когда люблюсь, словно гость заезжий.
Как нежно кормят маленьких скворчат
Скворцы в пенатах милых побережий.

Русофобам

Для вас мои слова – роптания акума,
И к вашим у меня давно доверья нет.
За мной – Борис и Глеб, страданья Аввакума,
За вами – мрак и звон серебряных монет.

Закон двойного дна и круговой поруки –
Ловушка для глупца, слепца да простачка.
За мной – российский стяг и древние хоругви,
За вами – казней кровь, ночной допрос в ЧК.

Пока вы письмеца подметные «клепали»,
Галдели о «правах», копытами стуча,
Забыли, что и мы не лаптем щи хлебали,
Хотя дела, порой, творили сгоряча.

Я голоса лишён, но матушка Россия
И прошлое её пока ещё за мной.
Пусть я Иван-дурак, пропойца и разиня,
Но держится на мне и жизнь, и шар земной.

Рубцов

В лучах его простой негромкой славы
Кто только не погрел холодных рук!
И враг явил неискренние главы,
И молвил слово искреннее друг.

Поэт, пройдя сквозь мрак судьбы изгоя,
Сумел сомкнуть события веков,
Лишив навек последнего покоя
Завистливых Отечества врагов.

Звучит для них, как в ясном небе гром,
Сметая философию клоповью:
«За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью».

И вздрагивают в ужасе они,
Почуяв, чем строка поэта дышит:
«Россия, Русь! Храни себя, храни!»
А вдруг она завет его услышит?

Притча

Я обращался к мудрецу
Не раз, не два, не три...
Шла сеть морщинок по лицу,
Сиянье – изнутри.
– И долг замучил и долги,
И нечем дорожить.
Скажи: как жить? – А ты не лги
И станет легче жить.
Я смысл искал в самой глубини,
Стал память ворошить.
Там пусто. – Как мне жить? – Люби
И станет легче жить.
Я дальше шёл, тернист был путь.
Обиды встали в рост.
И на вопрос: как жить? – Забудь! –
Ответ был очень прост.
– Измены как перенести? –
Вновь перед ним затих.
И он сказал: – А ты прости
И станешь выше их...

Другу

А знаешь, я скажу: отчасти,
Чем тише песня, тем больней.
И о несчастье, и о счастье
Она поведает полней.

Она такие струны тронет,
Подняв печаль из глубины,
Что в ней любая боль потонет
И чувство давнее вины.

«Ой, да не вечер, да не вечер...»
Затянет, голову клоня.
Мой друг сердечный, он не вечен,
И срок отмерен для меня.

И грусть светла, и боль любима,
Хоть жжёт раскаяньем нутро.
Жизнь так устроена хитро,
Что песня нам необходима.

Пасха

Бегут ручьи, набухли почки –
Шальной весны пришли денёчки,
И сладко слышать мне окрест:
«Христос воскрес!»

Жена печёт большую пасху –
И режет конскую колбаску,

Шумит в волненье ближний лес:
«Христос воскрес!»

Доносит ветер: «Аллилуйя!», –
Горит щека от поцелуя,
И яркий свет бежит с небес:
«Христос воскрес!»

И как бы ни были капризны
Дни нашей жизни и Отчизны.
Как быта не давил бы пресс, –
Христос воскрес!

Живи, мой друг, во славу Бога,
Да будет долгою дорога!
Не зря трясётся в страхе бес –
Христос воскрес!

г. Соги

Михаил ПЕТРОВ

ВЕТРОМ РАСКРЫТЫЕ КНИГИ

...Я взялся тогда почти в одиночку издавать журнал «Русская провинция», переехал для того в Новгород, собирал на первый номер по копейке. Благодаря помощи Б. Романова, В. Курбатова, А. Бологова в конце 1991 года вышел первый номер, за ним второй, а проблем не убавлялось. Я жил в одноглазой двухкомнатной квартирке, окном выходящей на черную крышу детского кафе, из глухого уголка кремлевского парка ночами раздавались крики о помощи и нередко постреливали. Я с тоской вспоминал Тверь, где жизнь, в общем-то, тоже не сулила ничего хорошего. Но отступать не хотелось...

Благосклонная судьба тогда и свела меня с Глебом Горышиным, который вскоре стал Глебом, а потом товарищем, наставником и на какое-то время, смею сказать, другом.

Глеб Александрович Горышин родился в 1931 году и в начале 1990-х, несмотря на дружеское Глеб и Миша, воспринимался мною как классик и старший товарищ. Сейчас разница в возрасте кажется мне небольшой, всего семь лет, а тогда, в незримой очереди живущих и уходящих, он виделся далеко впереди. Его дружба с Юрием Казаковым и Шукшиным, Виктором Конечким, профессором Бурсовым и академиком Панченко, Балашовым и Курочкиным внушала почтение. Разделял нас и его ранний «старт»: Ленинградский университет он окончил в 1954 году, первый рассказ напечатал в «Неве» в 1957, первую книжку выпустил в 1958, вступил в Союз писателей в 1960 в Ленинграде же, где в том году я начал службу в армии и даже не помышлял о сочинительстве. К тому времени успел он пожить

на Алтае и Сахалине, сняться как актер в фильме Шукшина «Живет такой парень», его лучшая проза, повести «Запонец», «День-деньской», «Други мои» была любима и востребована читателем. А имя критики упоминали в одном ряду с Беловым, Распутиным, Астафьевым...

Был он бродяга, исколесил Алтай, Карелию, Дальний Восток, любил ездить на Валдай и в Старую Руссу. В Новгород приезжал к Б. Романову и Д.М. Балашову, потом стал приезжать и ко мне, причем, всегда удивительно вовремя. Приезд его придавал мне новых сил, все как-то рассасывалось в его присутствии: и безденежье, и коварство начальства, и наветы писателей... Под мудрым, спокойным взглядом неразрешимые проблемы мельчали, отступали вовсе.

А когда становилось совсем неважно, вдруг приходило его письмо:

«Миша! Мой вам сердечный привет!

Написал о Ленкине более условленного, но ей-Богу, парень того стоит. 4 страницы – это уже как бы и новелла, мой жанр. Так что надеюсь на Вашу благосклонность.

До встречи у Ленкина на Шелони.

Глеб Горышин».

А вслед за письмом заявлялся и сам с питерским поездом или автобусом: медленный, долговязый, изогнутый, освещающая все чудесной своей улыбкой. Становилось тесно в прихожей, потолок общаги с высот его роста делался еще ниже. Я отводил ему гостевую комнату без окна, он перегораживал своими мокасинами 47-го размера узенькую прихожую, доставал из сумки домашние тапочки и тре-

вога моя отступала. Мы садились за столик, появлялась нехитрая снедь, бутылочка, заводилась беседа. Он рассказывал, я слушал:

– Как-то вез я в Старую Руссу знакомых англичан, остановился в деревне у Ленькина, Иван сварганил уху на берегу Шелони, англичане похлебали ее, обеззаразив какой-то шипучей таблеткой, колонизаторы старые, опытные, Иван давай читать свои вирши, переводчик переводить:

*Здесь с песней ветра слит мой голос
И с вешней трелью соловья.
Я – ветка яблони, я – колос,
Травинка малая – все я.*

И так им его стихи показались, что в Лондоне нашли они переводчика Пушкина и Ахматовой Ричарда Маккэйна, показали тому. А тот перевел. Англичане в благодарность за хорошую уху сделали сюрприз, напечатали книжку, да на двух языках!.. Представь-ка удивление Ивана (шел 1990 год!), когда почтальонка принесла ему всю в сургучных медалях бандероль из Лондона килограмм пять весом! Там сотня книжек и гонорар в фунтах стерлингов! Ленькин закатил пир, вся деревня стояла на ухах... А новгородские поэты зеленели от зависти, считали его графоманом...

Оставлял нам новеллу о Ленькине, книжку стихов, изданную в Лондоне на двух языках, я обещал напечатать, он написать, звякнуть... И уезжал ненадолго. А когда становилось совсем уж худо, он каким-то непостижимым образом чувствовал это и являлся уже без предупреждения. Подавал свою теплую, всегда сухую ладонь и говорил, улыбаясь:

– Давно мы с тобой к Ленькину не ездили... Не поехать ли?..

Героев своих рассказов, эссе он не забывал, общением с ними наслаждался долгие годы, в знак особого расположения возил к ним и меня. А с поэтом Иваном Ленькиным из деревни Старый Шимск подружил. В бытность Горышина редактором «Авроры» Ленькина «открыл» ему писатель Марк Костров. С тех пор уже он опекал Ивана, печатал стихи, не забывал. Мы не раз ездили к нему рыбачить, ходили купаться на Святое озерко.

Ленькин – человек очарованный, тянулся к тайнам жизни. Иван держал и кур каких-то особенных, а по виду обыкновенных пеструшек, но в его поэтическом воображении они несли особенные, сказочные, чуть не золотые яйца. И воду он пил только из своего родника, а раз в год, на Иванов день, ходил купаться на Святое озерко километров за восемь, в болото. Два раза водил туда и нас. Глеб все это в Иване поощрял и развивал: и кур, и целебную воду, и купание в Святом озерке.

Умел он высмотреть в мелочах жизни важное и значительное: в случайно услышанном слове, мелькнувшем в череде жизни эпизоде.

Отец Глеба был помощником лесничего под Старой Руссой, потом лесничим, возглавлял трест «Ленлес». Репрессирован. Детство писателя прошло в поселке Вырица Ленинградской области. В «Родословной» он ярко рассказал об этом. Природу и человека, внимающего ей, Горышин любил по наследству, как и русскую прозу о природе. Пришвина, Соколова-Микитова читал с детства, потом сам писал чудесные рассказы и эссе о лесах, геологах, охотниках. Они учат любить и беречь русский лес, его птиц и зверей. За ту доброту и сердечность любили писателя Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, В. Конецкий, миллионная аудитория читателей. Недаром в те годы являлся он одним из самых читаемых авторов. «Я был как дома в Новгороде, Вильнюсе, Вологде», – напишет об этом он сам в автобиографии. И сегодня его проза поднимает в сердце волну тепла, вся она просится в школьные хрестоматии рядом с Пришвиным и Соколовым-Микитовым, которых он читал и ценил. «Мне казалось в детстве, что дедушка Пришвин – вечный, всегда будет с нами, как лес, степь и горы, но он ушел от нас, как все люди уходят, я не успел его повидать», – писал он в эссе о Пришвине после поездки в Карачарово к Соколову-Микитову. И далее: «Мы сидели с дедушкой Микитовым и слушали внятные ему голоса ветвей, деревьев и реки. По Волге шел пароход, долгим гудком разбудил тишину. Мне сказали, что под названием “Михаил Пришвин”. Когда он проходит мимо дома старого пришвинского товарища, то приветствует дедушку Микитова гудком...».

Он часто вспоминал о своей маме, любил ее. Перед войной она работала главным врачом женской и детской консультации в Ленинграде, а с началом войны ее назначили главным врачом медчасти эвакопункта по Лиговскому проспекту. Незадолго до кончины, уже больная, она попросила Глеба принести ей тетрадку, задумала записать туда все самое важное, что случилось в жизни для сына и внучек. И записала «факты, которые известны только мне и еще некоторым людям».

Через ее эвакопункт прошли тысячи людей, судеб. Как судьба полуслепой старушки с кожаным баулом, который та не выпускала из рук. После ее смерти медсестра нашла в нем целое состояние: бриллианты, золотые украшения, часы, кольца. Что делать? У старушки ни родных, ни близких. Кругом война, голод, смерть. Сестра к главному врачу. Решают вызвать офицера из особого отдела, клад описать и сдать в Госбанк. Так и делают. И, как напишет потом Глеб, «мама испытала счастье не от обретения клада, а после расставания

с ним. Собственное благо, семейный достаток почитали они заодно с благом Отечества. К их рукам ничего не пристало». Кредо «раньше думай о родине, а потом о себе» исповедовал и сам, гордился мамой, опубликовал ее записи в «Русской провинции» вместе с ее портретом. За ним тоже история. Портрет вышел гладью сельский учитель Виктор Прохоров в знак особого расположения к юной маме. Учителя репрессировали, встретились они двадцать лет спустя...

Он остался сугубым лириком во всех жанрах, которыми с блеском владел. Был мастер лирической прозы. Ехал ли на лето в вепсскую деревушку, сочинял ли за деревенским столом очередной рассказ, сопровождал ли жену и дочь на отдых в Новгородчину, гулял ли по Ленинграду с профессором Бурсовым, все воспринималось им сквозь магический кристалл лирического я. Был тот кристалл сложный, как фасеточный глаз стрекозы или диковинной лесной птицы. Я не раз бывал свидетелем тех же событий, а вот картины нам запоминались разные. Писательское зрение его было устроено так, что ему ничего не нужно было выдумывать, все, что он видел, сразу же становилось литературой. Потому что он только ею и жил. Увиденное чудесным образом становилось видением. Вроде бы вместе куда-то ездили и говорили с одними и теми же людьми, вместе что-то спрашивали. А когда делились впечатлениями, многое не сходилось.

Как-то в письме он предложил написать для «Русской провинции» обзор журнальной прозы за 1996 год. Я с радостью согласился: и жанр редкий, и мастер большой. В начале года привозит обзор под названием «Выпадение из времени» с извинительной улыбкой на лице, что включил туда и разбор рассказа Солженицына «На изломах» из «Нового мира».

В 1996 году Солженицын, проезжая через Тверь по России, хвалил наш журнал и оказал нам финансовую помощь. Появилась возможность наконец-то отдать долги за ту бумагу, что купил год назад. Обещал помогать и впредь, послал для публикации в журнале свои «крохотки», а разбор критический. Мол, нельзя же кусать грудь кормилицы?

– Но ты же не устроил ему какой-то грубый разнос?

– Обижаешь, Мишель. Но человек он пристрастный, критики не любит, как и все мы. Если что, можешь вычеркнуть про него. Не хотелось, чтобы и ты вляпался в мою историю...

В 1981 году, когда партия готовилась отметить юбилей большого писателя Брежнева, Горышин, тогда редактор журнала «Аврора», напечатал рассказ Голявкина, в котором власти увидели намек на генсека. Горышина сняли с работы за недосмотр. Но и с Солженицыным все было непросто. В 1967 году Горышин писал письмо в Президиум IV

съезда советских писателей в защиту гонимого тогда Солженицына. Убеждал, что книги Солженицына хотя и вызывают разноречивые суждения, «но нужны нам, нужны советской литературе». Считал, что «вопрос Солженицына – не частное дело сочинителя-одиначки», что «необходим разговор на Съезде о роли Союза писателей как помощника, защитника, соратника для каждого его члена», ратовал за обретение писателями «права решающего голоса в издательском деле, дабы не повторялись примеры трагических литературных изгоев».

И вот теперь в рассказе «На изломе» Горышин находит явную симпатию «изгоя» и борца со сталинизмом к оставшемуся не у дел красному директору Емцову и даже к самому Сталину. Симпатичен Солженицыну и другой его герой, молодой финансист Алеша, который, по мнению критика, автору совсем не удался, сказался отрыв от родины. И образ его невнятен, и миллионы его заработаны туманно, и хватка у него жидковата. Правда, классику, много лет прожившему вдали от родины, кажется, что Алеше может помочь Емцов с его опытом-хваткой индустриализации СССР. Но у критика подобный тандем вызывает лишь иронию; путей преобразования России в румяную, жизнерадостную капстрану он не видит. Мы дали обзор в полном объеме, а «крохотками» Солженицына открыли номер... («РП», 1997, № 1). Ждали оргвыводов, но они не последовали... А вскоре окрепшие у власти образованцы перекрыли голос и своему прозревшему буревестнику из Вермонта. Дома он стал им мешать.

Высылку Солженицына за рубеж Глеб считал роковой ошибкой для страны. Останься писатель дома, не возникло бы того удесятеренного внимания к его персоне и книгам, не читали бы их с таким пристрастием, да и история СССР могла бы пойти по другому руслу – постепенной демократизации социального общества. «Я глубоко убежден, что в отношении Солженицына совершается та же самая ошибка, что уже были в истории нашей литературы. Ошибка эта может обернуться трагедией, – писал Горышин в письме. – Творчество Солженицына, при всей его тяжелой необыденности и сложности, служит коммунистическим идеалам, и правда солженицынской прозы может показаться излишне страшной разве что мещанину...». Победил мещанин, считал он, глядя на расцвет невежества и мещанства в обществе, в политике, литературе, на ТВ. Все и обернулось для России трагедией.

Горышина причисляют к натуралистам, писавшим-де о преимуществе деревенского человека над городским. Был он и натуралистом, учил человека чувствовать и любить природу. Что в том худого? Как сказал большой поэт: «Покуда природу любил он, она // любовью ему отвечала...». Потуда и катастроф таких не было, и ураганов. А как воз-

любили подлецы нули на банковском счете сильнее клейких листочков, вырубил и замусорил леса, природа ответила нам тем же. Горышин мыслил шире. Уж если говорил о преимуществе, то о преимуществе цельного, свободного человека над отесанным обществом, которое и отнимает у него и целостность, и свободу. Общество у Горышина обворовывает человека не только в городе, но и в деревне, урезая кого профессией, кого должностью, убеждениями, социальным статусом. И ревностно следит за тем, чтобы каждый сверчок знал свой шесток.

Трагична судьба сына Ивана Карповича, у которого останавливается на ночлег герой рассказа «Воздух шибко хороший». («РП», 1998, № 2). Талантливый мальчишка, мечтавший стать капитаном дальнего плавания или космонавтом, лишился в детстве кисти руки и глаза, разряжая гранату прошедшей рядом с домом войны, а с ними и своей мечты. Стал колхозным бухгалтером. И таким выдающимся, что на составление годовых отчетов за ним приезжали со всей округи. Но мечта о свободной жизни морской, грёза мореплавателя вселенной не даёт ему покоя в колхозной конторе за счетами и арифмометром. Иван Карпович рассказывает:

– И такое у меня с им горе, он спивши. Ён приходит ко мне и говорит: «Если бы, папа, я *целый* остался (выделено мной. – М. П.), то я бы капитаном стал, пароход бы водил в разные страны. Или бы в космос летал. А раз так вышло, то буду пить...».

А в ногах у Ивана Карповича поет кот. Хозяин знает его язык, переводит гостю с кошачьего: «Вилы-грабли, // Ноги зябли...».

Ограничивая, общество делает несчастным и животное, как сделало злобным доброго, пылкого, искреннего пса Шарика («Шарик, Найда и другие». – «РП», 1994, №3). Другие – это люди. Шарик ходит на прогулки со старым писателем, перенесшим инфаркт, гоняет уток и чаек у залива, поражает писателя богатой собачьей натурой. Все изменится после того, как пес порвет штанину одному из завсегдаев Дома творчества в Комарово, испугавшего пса своей тростью. Любимый всеми пес становится изгоем. Дворничиха начинает прятать его, потерпевший и директор пансионата за ним охотятся. Пса ловят, сажают на цепь. Шарика (за кличкой – полемика с «Собачьим сердцем» Булгакова) превращают в цепную, злобную псину, которую вскоре по приказу начальства усыпляют...

...Иногда в поезде раскроет ветром оставленную кем-то книгу, и выхватишь глазами страницу из нее, пока хозяин не вернулся, и почему-то запомнится, и очарует, и разбудит она фантазию сильнее, чем если бы всю ее прочитал. Так и читал жизнь Горышин. Странник, он на одном месте долго не задерживался: к своим героям ехал, шел, плыл, летел, ночевал с ними в лесу, в доме отдыха, в избе, на бе-

регу реки. И что из того, что заглянул в их судьбы всего на мгновение, как ветер в книгу? Он рассказал о том так ярко, что иные стоят громких романов.

Он нес свой волшебный кристалл, сквозь который видел мир, и украшал его своими видениями... У меня осталось много его писем, это тоже произведения, эпистолярного жанра. В октябре 1995 года, после вручения ему Бунинской премии в Орле, он написал:

«Миша, надо бы к вам съездить в Новгород, но это после Москвы, включили в список, ехать тяжело, но упустить слугай не в моих обычаях: кто-нибудь увидишь, узнаешь, все же я предпочитаю знать, т. е. двигаться. Неподвижность грядет, никуда от нее не денешься... Жизнь последнее время какая-то раздерганная, и тоже погему-то пьяная, с Орла нагалося, куда я съездил за Бунинской премией. Писательская братия в Питере устроили вегер в мою гесть, все вышло точно, как в «Скверном анекдоте». Понесли меня, повозили старика мордой по столу. Теперь надо отмываться. Тем более надо съездить в Новгород, отдышаться.»

В мае 1997 года, перед отъездом в вепсскую деревушку Гора, что стоит на берегу Капшозера у впадения в него реки Генуи, в Тихвинском районе, где он много лет жил и занимался крестьянскими делами, Горышин решил устроить редакции журнала встречу с питерскими писателями:

«Дорогой Миша!

Поздравляю тебя с праздником Победы! Первый номер «Русской провинции» пришел ко мне хорошим подарком к Пасхе. Мы с поэтом Вознесенской по этому слугаю подняли гарки. Номер погти весь прогел, все на месте. Сам по себе журнал великолепен. Думал, зего бы еще написать, но пока не придумал. Огень медленная нынже весна, в природе нет порядку.

В конце мая будет Пленум в Москве. Не знаю, буду ли? Надо садить картошку, а там летегко красное промелькнет, как последняя любовь...»

Встреча вышла замечательная, успокоенный, он уехал в свою деревню. Сажать картошку, косить усадьбу. Видеть реального человека в его каждодневных заботах было для него делом таким же святым, как писать.

Автор более чем тридцати книг, он радовался каждой новой публикации. Получив журнал с напечатанным эссе о Борисе Ивановиче Бурсове, с которым он несколько лет жил на одной лестничной площадке в период, когда профессор писал свой главный труд «Личность Достоевского», он тут же откликнулся пространном письмом:

«Спасибо за полугенный номер журнала! Право, единственная осталась отрада – в гтении удобопонятных душе текстов. В особенности утешает собственный текст. Понятно, гто хотелось бы иметь несколько экземпляров, раздаривать тем, кто знал Бурсова, например, Распутину, Белову, Пангенко,

Скотову и т. д. Я бы купил штук пять, м. б., будет оказия в Питер, или бы сам приехал...

В отношении дальнейшего... Бог даст, напишу статейку (эссею) о русском советском рассказе 50-х годов. Тут лежал в больнице, нашел в больничной библиотеке сборник-антологию 50-х годов. Удивительно интересно, как в каждом рассказе заявлена последующая литературная судьба. Там и Астафьев, и Носов, и Курогкин, и Воронин, и Казаков, и Горышин с Конецким, и Гранин с Нагибиным, и Шолохов, и Твардовский. Надо только не упустить впечатления, а то забудется. Давай-ка приезжай, Мишель, соберемся в нашей явотной конурке...»

Твой Г. Горышин.

Это было его последнее письмо. Умер Глеб Александрович Горышин 10 апреля 1998 года в Петербурге скоропостижно, чего не ждал никто, о чем никто и не думал. Воспаление, а вслед за тем угрожающий мгновенный отек легких случились внезапно, спасти его не удалось. Узнал я о его смерти лишь в день похорон, СМИ спешат сообщить о смерти только своих людей. Побывать на похоронах не смог, о чем и сегодня печалюсь и сожалею...

Похоронен он в любимом им Комарово, на Комаровском кладбище, где похоронены многие петербургские писатели, поэты, деятели культуры...

г. Тверь

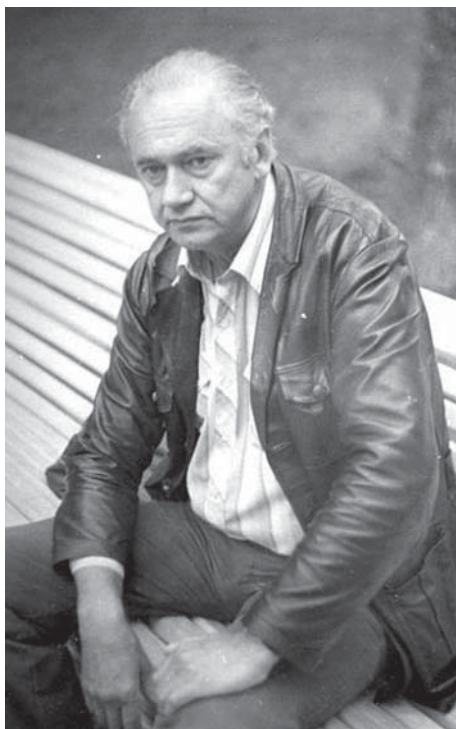
Глеб ГОРЫШИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ СНЕГА

Джин без тоника. Черемуховый рай. Пахота. Форели и раки. Идти по Невскому. В полдень в Новой Ладого. Суханов вернулся.

Проезд в автобусе от Питера до Шугозера стоит тысячу – и ничего, едут, в основном люди приземленные, то есть кормящиеся от земли; земля окупит расходы, обнадеживает на завтра; безземельный по нынешним временам – неприкаянный бедолага. Правда, находят выход, торгуют кто чем, многие бананами; бананов нынче везде завались, дешевле соленых огурцов; как будто мы – банановая республика.

Ну, а что же автор «романа на местности»? Как явствует из уже сказанного, мой огород не возделан, и дачник я никакой: не лежу в гамаке, варенья в зиму не вариваю, рыбачу дай Бог на ушцу; моя охота в вепских лесах вся умозрительна. Для чего же еду? куда так спешу, несколько даже зады-

хаюсь – боюсь опоздать к началу чего-то? чего?

В моей деревне Нюрговичи, в верхней ее части Сельге, то есть на Горе, тотчас принимаюсь за писание из себя. Не писать не могу, мною руководит некое Существо, Дух Природы. Однажды я назвал его Лешим; Леший заговорил, мог бы разговориться, но все же это – мистификация, а я реалист: пишу мои вирши, живетса легко. На Горе в меня входит ни на что не направленная сила; я становлюсь никем не ангажированным писателем. Что? Уже было? Ну, потерпите минутку. Поехали дальше...

Положа руку на сердце, могу сказать, что руководящее мной Существо не Горе – мой Леший за мои бескорыстные усидчивые письменные труды, совершенно необязательные в данной политической ситуации, иногда вознаграждает меня, поощряет, приласкивает. Вот, вышел случай: я был в Москве,

исполнил, что требовалось исполнить в столице нашего государства без границ и государственной доктрины; мой поезд отходил в Санкт-Петербург за полночь; шел пятый час пополудни. Мои московские телефоны не отвечали, наличных средств по-сидеть вечерок в ресторане Центрального дома литераторов никак не наскребивалось, скамеек на московских бульварах раз, два и обчелся, да и сколько высидишь на скамейке? Деть себя было решительно некуда. Нога за ногу плелся все же в направлении ЦДЛ – старая, десятилетиями натопанная колея. У входа в ЦДЛ стоял Толя Ткаченко, такой же сивобородый, как я, друг моей молодости: вместе жили на Сахалине в начале шестидесятых. И потом во всю жизнь ни он, ни я не сделали ничего такого, что бы нас развело, – редкий случай, почитай, все писатели разведены по разным платформам. Толя сказал, что сейчас придет Швыденко: «Ты помнишь его, он был лесничим на Сахалине, а сейчас научный сотрудник международного Лесного института в Вене, он знает тебя». Пришел Швыденко, европейский мужчина из Вены, мы вспомнили друг друга, порадовались встрече. Пришли еще двое, тоже из мира старого неомраченного дружества. Сели за стол в ресторане, прочли меню, мы с Толей Ткаченко усмехнулись в седые усы: как недаленовидны были наши фантасты! Если бы кто-нибудь из них десяток лет тому назад в полете фантазии назвал бы грядущую цену ну, скажем, на карпа в сметане по-цэдээльски – общепотребительное блюдо, ему бы никто не поверил; это – суперфантастика. Карп стоил 700 р. за 100 г. «Ну что, ребята, ударим по карпу?» – весело озирая застолье, спросил Швыденко. Четверо приглашенных к столу потупились. «Каждый карпик потянет грамчиков на 350, выйдет поболее двух тысяч на карпа», – остерег официант. Швыденко торжествовал: «Всем по карпу! Я дома в Вене собираю друзей на чашку чаю, это мне обходится в сто долларов, для меня пустяки. Что будем пить?». По мнению европейского человека, пить следует джин наилучший голландский. Джин нашелся. А тоник? Как, нет тоника? Это не по-европейски. Ну, ладно, минеральной воды и льду, льду побольше. На закуску семгу, севрюгу, сациви из кур, помидоров, огурцов и травки!

И полетела душа наша в рай, так хорошо погуляли мы по долинам и по взгорьям давным-давно завязавшейся нашей дружбы. Тут подошло мне время сесть в поезд зеленый. Очнулся в Санкт-Петербурге: что было со мной? А то и было: мой Леший, то есть его напарник, мой добрый Ангел наслал на меня доброхота Швыденко, в прошлом сахалинского лесничего, ныне ученого института в Вене, с его не закрывшейся для дружбы душой, с валютной мощной.

Ну, спасибо!

Шапку в охапку и бегом на Вепскую возвышенность.

11 мая 1993 года. Нюрговичи. Гора-Сельга. Половина шестого вечера. Дует север. По берегам озера шкурки снега. На осинах лист в копейку.

В Шугозере купил в ларе «Сникерс» за 220 р. Съели пополам с бывшим кандидатом в мастера по академической гребле, инструктором туризма, только что вернувшимся с Селигера, преподавателем теоретической механики, дачницей с Горы-Сельги Галиной Алексеевной. По рекламе «Сникерс» содержит в себе сливки, шоколад, солод, сою (соя преобладает) – все необходимое для жизненной активности.

Профессор Дюжев в журнале «Север» укорил меня, то есть мои «Записи» в неактивной жизненной позиции, в «самоизоляции», а еще и в том, что как интеллигент-шестидесятник завел народ в нехорошее место, подобно козлу во главе бараньего стада, ведущему баяшек на бойню. «Он ясно осознает отсутствие каких бы то ни было отношений с «кормящей землей» и, как многие купившие избы горожане, предпочитает жить на «нуле жизнеобеспечения», – написал про меня профессор. А потом еще вот что: «...в недалеком прошлом он обязан был принести себя в жертву на алтарь партии».

Ну полноте, профессор, мой нуль жизнеобеспечения я не отдам за там и сям возводимые хоромы «новых русских» с их прилипшими к рукам миллионерами, с их активной жизненной позицией. Что касается отношений с «кормящей землей», земляца всех нас покуда, слава те Господи, кормит. А картошку я тоже, будьте спокойны, сажаю, но в меру сил, в меру сил. Что вдохновляет меня на склоне лет, так это открывшаяся возможность писать мои вирши, опять-таки в меру сил, по наличию в душе восторга перед жизнью. Что правда, то правда, бывало перенапрягался. От чего избавился с облегчением, так это от активной жизненной позиции, с которой нам, пишущей братии, всю плешь переела наша красная профессура. Чего желаю и вам.

Теперь о степени свободы самоизъявления. Тут вы правы, профессор Дюжев, в моих «записях» я разоткровенничался и писал-то вначале не для печати, для исповеди перед самим собой. Человеку, даже такому, как я, некрещеному, исповедь помогает помириться с маетой бытования, с самим собой. «Записи» напечатаны, с них и спрос другой, вы правы. Все мы, пишущая братия, так или иначе восприняли завет Антона Павловича Чехова выбрасывать себя из сочинения за борт, следовать правилу объективной непричастности и т.д., и т.п. Нынче все правила – увы! (а кому ура) – аннулированы общественной ситуацией, то есть снятием всех запретов; пошла игра без правил. Сдержанность, благопристойность, нравственная мотивация характеров и

поступков в литсочинении стали ну, что ли, излишни. Бывало, сетовали: в русской классической литературе человековедение начинается выше пояса; теперь распоясались. Смею предположить, что при чтении Чехова у современного, даже благовоспитанного, читателя может образоваться усмешка в уголках губ. В самом откровенном рассказе А.П. Чехова «про себя», в «Даме с собачкой» герой Гуров увивается в Ялте за миловидной дамочкой – обычная вневременная история, даже с последующей гальванизацией пылких чувств. Но у Чехова роман плотский лишь подоплека для нравственной коллизии: персонажи рассказа «Дама с собачкой» кидаются в объятия друг другу, поскольку жена у Гурова духовно чуждое ему существо, говорит толстым голосом, называет мужа претенциозно «Димитрий»; отсюда и мужнина неверность, вот вам и нравственная мотивация. Современный читатель может остановиться и усмехнуться: «Да полноте, Антон Павлович, а если бы жена у Гурова была хохотушка, называла бы муженька Митяем, что ли бы Гуров не поволочился за «дамой с собачкой» в Ялте? Потребность превыше мотивации. Для того Ялта и предназначена...».

Разумеется, это я не в укор Антону Павловичу Чехову. Чехов пришел к нам во всем обаянии своей божественной скромности, преподал правду жизни, очищенной от низких истин, дистанцировал персонажа от собственного «я». В нашем литературном обиходе зазор между героем и автором как бы стерся; с одной стороны, повальная (бульварная) беллетризация, с другой – выборматывание самого себя с придыханием, как у В. В. Розанова в «Опавших листьях...».

У Юрия Казакова есть рассказ «Трали-вали», написанный в 1962 году. Уж как поносили этот рассказ за неактивность, «самоизоляцию» героя Егора. Егору все трали-вали, зажжет свои бакены, попьет водочки, пословоблудит со случайными гостями в сторожке, покличет подружку Аленку с того берега... Но есть у Егора талант изливать душу в песне, старинной, русской, всеми забытой, кроме него. И вот приходит время, душа созревает для песни, Егор знает такое место на берегу, где песне вторит сама природа, подпевает Аленка. Егор поет до полного изнеможения, до такого просветления в душе, что обливается слезами от восторга перед чем-то одному ему внятном. А потом все опять трали-вали.

Никто не заметил, что Казаков написал рассказ о себе самом, герой даже внешне походит на автора: у Егора «сонное, горбоносое лицо» – и у Юрия Казакова, взгляните в его портрет в какой-нибудь из книг... И писал он так же, как Егор пел, неудержимо стихийно, порывом, а после впадал в меланхолию, пьянство, все становилось ему трали-вали.

Говорят, что талант от Бога, но талантливых метит и Сатана.

Или рассказ Шукшина «Миль пардон, мадам», по-моему, тоже очень личный, «автобиографический». Странный малый Бронька Пупков, один из шукшинских «чудиков», водит приезжих на охоту, в последний вечер на берегу реки у костра разыгрывает «спектакль одного актера», по собственному сценарию поставленный, самим Бронькой отрежиссированный, с паузами, репризами: «Прошу плеснуть!», – с кульминацией и трагической развязкой, с последующим мучительным выпадением Броньки, автора-исполнителя, из круга общего внимания в постылую заурядность сибирской деревушки. Спектакль Броньки Пупкова – помните? – о том, как по заданию недостижимо великих мира сего, по воле рока Бронька совершил покушение на Гитлера, в войну... Последняя реплика в представлении, со слезою навзрыд: «И я промахнулся». После жена приголубит Броньку за его художества: «Скот лесной», и председатель колхоза приструнит. Бронька вывернется – и в магазин за бутылкой. Но как высоко он летел, как наслаждался искусством, вниманием огорошенной публики, до чего силен, властен над человеком вселившийся в него бес лицедейства! Ну да, конечно, художественный талант.

Я думаю, в рассказе «Миль пардон, мадам» Василий Шукшин симпровизировал самого себя, ежели бы судьба его сложилась по-иному, без Москвы, ВГИКа... Что бы случилось тогда с его природным талантом сочинителя-лицедея? Как бы ни шпыняли Броньку Пупкова односельчане, вся жизнь его, весь смысл, все счастье – выйти на публику, обратить на себя взоры, исполнить спектакль, прорыдать напоследок: «И я промахнулся». И – «Прошу плеснуть». Бронька Пупков артист-сочинитель, как сам Василий Шукшин, только необразованный, дикий, так сказать, негативный вариант...

Ну ладно, я уклонился от темы моих «записей». На чем мы остановились? Да, ехали с Галиной Алексеевной из Шугозера в Харагеничи, и вот в автобус садится малый не то что пьяный, а выпитый до последней мути в стакане, до тихого ужаса. Пьяный именно тихий, ему не выговорить слова до половины, не завершить ни одного жеста. Он хочет отчего-то отмахнуться, заносит руку, но рука выпадает, будто и не рука, а пустой рукав. На малом какая-то летняя кацавейка, замызганная, в заплатках, болтающаяся, как на огородном пугале, штаны состоят из заплат, в них опять же как будто нет ничего телесного, и костяка словно нет в мужике. На нем резиновые сапоги, его лицо в мочального цвета щетине, с набухшими розовыми веками, утратило признаки человеческого образа; глаза открыты, но ничего не видят, никуда не глядят; во рту один клык и заслоненная сигарета. На голове рябая ке-

почка сдвинута на затылок – признак бывшего ухарства; мужик не старый, не молодой, да и не мужик, так, гриб-поганка. Водитель автобуса отнесся к пьяному по-знакомому, усадил на ближнее к себе сиденье. Села баба по-весеннему загорелая, как все здешние; пьяный подавался к бабе, шевелил губами; баба отодвигалась.

Он вышел в придорожной деревне у лесосклада. Баба обернулась к едущим, сообщила: «Он мать убил, такой змей, родную мать зарезал». Едущие промолчали.

Я думал о пьяном, таких, бывало, выписывал Иван Алексеевич Бунин, например, Серого в «Деревне». Да нет. Серый был не такой, тоже пропищал в лоскутки, однако из образа человеческого не выходил. Пропойца в России всегда что-нибудь значил, выражал – в национальном характере или общественной ситуации. А этот на Вепсской возвышенности – вне характера, вне ситуации? Отсидел срок или за убийство матери у нас не берут? Что с нами происходит?

Автобус с жужжанием, как майский жук, влезал на склоны вепсских нагорий, на все стороны открывались вербно-желтеющие, молодо-зеленые, с блестящими разливами дали. Была на дворе весна 1993 года, месяц май, начавшийся кровопролитием в Москве, русские побивали русских...

Ночевали у Текляшевых в Усть-Капше, у Ивана и Маленькой Маши. Иван пришел выпивши, с белыми кудряшками на голове, с вепскими лазурными глазами, весь крепенький, быстро все делающий, в военной куртяшке, улыбочивый, то и дело закуривающий, но в сенях: в избе Маша не разрешает. Иван с еще одним мужиком десять дней рубили баню для Соболя. Соболев приехал принимать работу, поставил водку и угощение.

– Был совхоз, – сказал Иван, – а теперь – как не знаю по-русски, икцинерно общество. А так один х... Рубили и рубют. Ишо и хуже стали рубить. Которые директора, начальники, бригадиры, те дома строят...

– Стро-о-оют, – подпела Маленькая Маша, – ишо как строят, спеша-а-т, пока ихнее время.

Маша подавала на стол картошки, творог, молоко, чаю с сахаром.

– Мы с Машей за Ельцина проголосовали, – похвастался Иван. – У нас собрание было, один из Тихвина приезжал, агитировал за Хасбулатова. А мы не знаем, какой-такой Хасбулатов. При Ельцине войны не будет. Мы за Ельцина голосовали.

– Мы ду-у-умали, – пела Маша, – на пенсию с Иваном выйдем и проживе-е-ем. А никак не получа-ается без своего куска-а, без скотины.

Мы вышли с Иваном на волю. Иван, как всегда, водил меня по усадьбе, показывал произведения собственных рук.

– Вот колодец вырыл, сын помогал. Я внизу, а он в ведре землю вытаскивал. – Мы заглянули в яму колодца со срубом внутри, до воды было глубоко. – Вот бороны сделал, наши вепские, картошку боронить. – Бороны – ежи, из елок с сучьями, дохристианские, языческие орудия. – У этой сучья потолще, – пояснял Иван, – сразу после вспашки боронить, а у этой тонкие, когда взойдет картошка, сорняки выдергивать. А это сани лес возить. – Полозья у саней из двух берез вытесанные, не гнутые на передок, с корневищами. – Вот баню посмотри. – Из новехонькой, рубленной из ели бани пахло баннным духом. – Печка у меня сложена, – докладывал Иван, – а топим по-черному, я по-другому не знаю как, у нас по-чёрному.

Мы присели на бревно, закурили. Иван рассказал мне байку, уже мною от него слышанную; Иван полагает, что мне это интересно: новелла, сюжет.

– Ты напиши, – наставлял меня Иван, – я-то плохо знаю по-русски, я вепс, а ты напиши: в нашей деревне, на том месте, где ты, жил Хведор Коллодкин, у него родители богатые были, я не знаю, какие богатые, но так говорили. Он-то, Хведор Коллодкин, брал в жены Ольгу с Берега. К родителям жить привел, а тем чего-то не поглянулась Ольга-то, не знаю, чего. Они Хведору говорят: «Ты с ей не живи, отправь ее, пусть уходит». Он ей сказал, она и ушла. Ты слушай, я по-русски не очень умею, может, что не так говорю...

– Все понятно, Иван, я слушаю.

– Ты погоди. Слушай. Он-то, Хведор, женился на другой Ольге, из Харагеничен. Она магазинном заведовала, а Хведор в лесу на заготовке. Он из лесу приходит, она его встречала и вино подавала, сколько, значит, его утроба требовала. Каждый день Хведор вином напивался, а у ее растрата, ее посадили. Хведор опять холостой. А на Ребовом Конце жила ишо одна Ольга. Он к ей женихом подвалил, а уже ослабел, года вышли или ишо что, пил много, не знаю. Он к этой Ольге-то на Ребовом Конце подселился, в первую ночь на печь залез и ничего не может. Она, Ольга-то с Ребова Конца, посмотрела на такое дело и прогнала Хведора. И вот он один жил, на том в аккурат месте, где ты, и у него была коза. Он козу-то на веревочку, маленькую в магазине купит и пойдет на Берег к Ольге, первой жене, поживет у её, козу доит, а потом в Харагеничи к другой Ольге, та уже из тюрьмы вышоц-цы, и у ей поживет. Оттуда на Ребов Конце к третьей Ольге, та тоже его принимала. И коза при ем. В дороге на пенек сядет, из маленькой отхлебнет, козу подоит и дальше. Я понятно говорю?

– Понятно, Иван.

– Так и помер Хведор-то. От одной Ольги к другой шел и помер. Коза в избу приташилась, на том месте, где теперь ты. Ты напиши.

Перед сном Иван с Машей разговаривали о гуманитарной помощи. Привезли немецкое сухое молоко, раздавали по избам, а у хозяев свои коровы. Ивану это не понравилось: не тем давали, а молоко порошковое против коровьего дерьмо.

– Не говори-и чего не смысли-ишь, – пела Маленькая Маша, – молочко-о сухое тако хоро-ошее, разбавишь его кипятком и за милую душу-у, и детям полезно-ое. А ты иди-и спать.

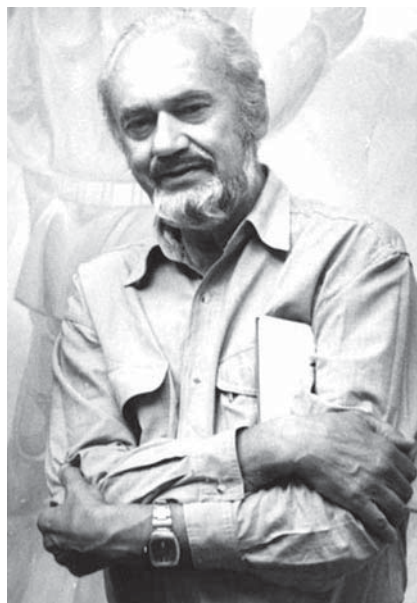
Утром Галина Алексеевна, в прошлом кандидат в мастера по академической гребле, села на весла, лодка побежала по шелковой глади нашего озера. Прибрежные березы, ивы стояли по колено в воде. На осинах белели свежие погрызы бобров: егеря-бобролюбы слиняли с нашего берега, бобры размножились, активизировались. Я просил гребчиху дать мне весла (в одно время с Галиной Алексеевной тоже занимался академической греблей), но она не давала, наслаждалась каждым гребком.

Против виднеющегося сквозь голизну стволов и ветвей дома фермера Марьясова на мысу (говорят, он подался на заработки на лесозаготовки или еще куда-то) Галина Алексеевна рассказала:

– Мы осенью плыли из Нюрговичей в Усть-Капшу, вот на этом месте видим: котенок по берегу бегаёт, отчаянно орет. Марьясов уехал на несколько дней, котенка оставил. Мы повернули к берегу котенка накормить, а он в воду бросился, плывет навстречу лодке. На борт вскарабкался, мы ему даем у кого что было, а он, оказывается, не есть просит, а чтобы его погладили. Мы его погладили, он утешился, за борт выпрыгнул и уплыл домой.

Вот такая история.

Пополудни на Сельге. Дует северо-запад. На небе ни облачка. Затоплена печь. Съедена итальянская тушенка из Болоньи – биф мит. И до того сухая, постная, вымученная еда для русского желудка, и ни жиринки. На банке обозначено, до какого срока можно употреблять. Нашу свиную тушенку, а хоть и говяжью, бывало в банку замуруют, тавотом банку намажут, чтоб не ржавела, – и на веки вечные, можно в землю зарывать для грядущих поколений. Нашей тушенкой армии вскормлены, войны выиграны (и проиграны), месторождения полезных ископаемых разведаны, БАМы построены, леса сведены, не говоря о пище насыщенной простолюдина. Нашей тушенки банку вспорешь, в ней сала до краев, и мясо шибко вкусное, дух притягательный. А что биф мит из Болоньи?! – тьфу! Резиновая жвачка. За западной упаковкой тянемся, как младенец за цацкой, а в упаковке одни ингредиенты без запаха и вкуса. Меж тем наш рынок-барахолка весь отдан «сникерсам» с «марсами». Ничего худого в «сникерсе» нет, а и что хорошего отдавать 220 р. за стрючок соевой сладости?

В нашей деревне у Алеши и Оли умер козел Борис, коего в знак уважения звали Б. Н., объелся зацветшей вербой и сдох. Однако же успел козлище заделать у двух коз пятерых козлят, все живехоньки, уж сами травку щиплют, бодаются, скачут – весело! Алеша Гарагашьян с Олей зиму отсторожили деревню, все цело, только на берегу к одному экономному дачнику, отказавшемуся платить сторожам, залезли и нанесли тридцать ножевых ранений байдарке. Я платил, у меня все цело.

– А так зимой не хуже, чем летом, – рассказала Оля, – такие открываются дали... У Алеши вездеход, куда хочешь можно поехать...

Алешин вездеход представляет собою чудище обло, огромно... Колеса у него – камеры от «Урагана», военного супервездехода, на камерах привязаны перепонки. По снегу на широких лыжах провалишься, а Алешин вездеход пройдет. Мотор у него от мотоцикла «Урал», скорость может развивать до сорока километров; на вездеходе Алеша вспашет всю землю, какая есть в Нюрговичах, посадят картошку.

– Алеша весь в технике, – сказала Оля, – он не хотел на огороде копать. В прошлом году так посадили картошку, а собрали целую тонну. Сами всю зиму ели, и коз кормили, и на посадку осталось. Теперь уже Алеша загорелся картошку сажать.

Еще вышел случай: осенью Ада съезжала из купленной ею у деда Федора избы – насовсем, не прижилась. За нею приехал из Питера военный КамАЗ, со всеми ведущими мостами. Двух коз Ада оставила Алеше с Олей с условием, что вернется и заберет. Алеша помог ей погрузиться, припозднились, уже был ноябрь, выпал снег и растаял. Помахали ручками, Ада отбыла в Питер.

Через час приходит бедная Ада к Алеше: КамАЗ до Берега не доехал, завяз по уши. «Алеша, только на тебя надежда, поезжай в Корбеничи, достань трактор, за водкой не постою». Алеша сел на вездеход, в ночь поехал. В Корбеничах трактористы спят, трактора неходячие. В Усть-Капше один тракторист пообещал утром завести гусеничник. Приехал, выволок КамАЗ, так на буксире и потянул. Алеша вернулся домой, отмылся, поел, приготовился спать, тут пришел тракторист: «Дай бензину трактору завести». Оба завязли в пльвуне, и КамАЗ, и трактор. Алеша бензину дал, тоже поехал. Трактор завелся, кое-как вылез. Привязали к трактору КамАЗ, трос лопнул, и не срastить, коротко.

Оказалось, что Алеша умеет ловко расплетать-сплетать тросы, сплел, дернули и наконец поехали.

На прощание Ада говорит: «Без тебя, Алеша, я бы пропала, бери коз насовсем». Впрочем, кажется, и козла.

На собственноручно сделанном мотоцикле Алеша проезжает от Сельги до Корбеничей по дороге, непроезжей для военных КамАЗов и гусеничных тракторов, за двадцать минут.

Я приехал (приплыл) в деревню, пришел к Алеше с Олей, Оля сказала, что погас свет: бобры подпилили осину на линии, порвались провода, Алеша только все сделал, осину убрал, и опять все погасло. Алеша уехал на линию. Вскоре, страшно рыча мотором, Алеша въехал в гору, рассказал, что электрики вырубают свет в Нюрговичах: легче, за линией не смотреть – так прямо на столбе и вырубил. Алеша влез на столб, подключил. На линии электропередач Корбеничи – Нюрговичи идет война на столбах.

Днем Алеша провел свет в мою избу, то есть в избу Владимира Соломоновича Бахтина, давным давно вырубленную из сети. Варится каша на электроплитке – какая прелесть, какой маг, чародей поселился в нашей деревне!

Алеша сказал, что они с Олей построят дом, скотный двор, гараж, мастерскую. Дом окнами на Озеро, с верандой. Жить будут чем? А козьим молоком, оно калорийнее коровьего. Еще Алеша по-

сылает мотолюбителям чертежи своего всепроходящего мотоцикла. Он опубликовал в журнале «Мото» материал о мотоцикле, ему пишут некоторые чудачки, просят прислать такую-то деталь. Алеша отвечает: вы мне деньги, я вам чертежи. Приведу выдержку из Алешиного материала: «Кажется невероятным, что один и тот же мотоцикл без каких-либо переделок и дополнительных приспособлений может летать по шоссе со скоростью 140 км/ч, буксировать прицеп массой 500–600 кг, взбираться на любой подъем, совершать многометровые прыжки, ползти по непролазной грязи, проходить броды глубиной до одного метра. Мягкая прогрессивная подвеска делает приятной даже езду по разбитой дороге».

Ну вот, в нашей деревне появился еще один печатающийся в периодических изданиях автор.

Алеша сказал, что они с Олей будут жить здесь всю жизнь, потому что лучшего места, чем Нюрговичи, он не видел, хотя объехал весь север, Карелию, Новгородскую, Тверскую, Вологодскую области. Алеша Гарагашьян учился в Политехническом институте, работал тренером по мотоспорту, мать у него известный архитектор-реставратор в Питере. Алеше 29 лет.

14 мая. 4 часа пополудни. Стихло. Прихмурилось. Весь май – половина – был ласковый, гладил по шерстке. Приходил к крыльцу рыжий кот, прежде кооператора Андрея, нынче Алешин с Олей, с ними перезимовавший. Кот почему-то содрал шерсть с обоих боков и с хвоста, Алеша с Олей считают: коту стало жарко. В окно видно: прилетает к луже сорока, жадно пьет, как с похмелью, а сама беловоронная, золотистоперая, холеная модница.

Нет жаворонков в небе, так пусто-грустно. Были скворцы и не стало, теперь сгнули жаворонки. Где вы, птахи Божий, что с вами стало в пути? Какая сожгла вас буря в пустыне? Так скучно без вас. С запада тучи наносят. Зеленокудрая весна. Ветер подует и бросит. Заповедь соблюдена: не предаваться кручине, славить пришествие дня. Как подобает мужчине. Боже, помилуй меня.

Вчера плавал в лодке по Озеру. Вода небывало высока, зима была снежной. Природа в оцепенении, в подспудной работе распускания листьев; на днях зацветет черемуха, набухли на луговине коконы-бутоны купальниц-купав. Полнейшая бесчеловечность: нигде ни души. Ходят грозы, погромыхивают, словно остерегают: вот ужю. Парно.

Сбегал (со скоростью 3 км/ч) на болото, нашел подснежной клюквы, новой для меня ягоды. То есть ягода не новая, но я предстал себе внове: собирателем подснежной клюквы. Клюква зарылась в мох, плавает в лужах, видно, что ею пользуются медведь, глухарь.

Подснежной клюквой надо дорожить:
она дает медведю шанс пожить.
Усох медведь в берлоге по зиме –
прибавит клюква в теле и в уме.

Оголодавший, тощий, как сухарь,
подснежной клюквой кормится глухарь.
Сижу в болоте на трухлявом пне,
подснежной клюквы хочется и мне.

Полное затишье, ни ястребов, ни жаворонка, ни ласточки, ни стрижа. Утром напек блинов, поел с кофейным напитком «Кубань», со сгущенкой. Вскрапывал огород. Читал Ивана Алексеевича Бунина, надо сказать, без упоения, еще «Деревню», «Суходол» с их ужасами и личным началом – сошло, а вот холодно-искусно выделанные штучки, какой-нибудь «Крик» – увольте. Заглянул в комментарии, там только и говорится, что Бунин стал хорош по совету Горького, не посоветовал бы Алексей Максимович, так бы и прозябал Иван Алексеевич. И все это мы съедали большими дозами, постоянно маялись синдромом цинической лжи. Как любит восклицать один мой высокоумный товарищ: «Ах, бедные мы, бедные!».

А предисловие Твардовского к первому у нас собранию сочинений Бунина? Александр Трифонович пишет и как будто сам не верит: надо же – какой смелый, о Бунине похвально пишу, никто до меня не решился. И вот шпыняет своего кумира: «оторванность», «неспособность разобраться», «сословная предвзятость», «белоэмигрант» – при этом как бы мысленно обращается к Бунину: «Сами понимаете, Иван Алексеевич, без этого бы не прошло». Все верно, но до чего же грустно.

Звонит тишина. С той стороны Озера двоит кукушечий голос. Того гляди распустятся купавы; стоят на косогоре, будто павы. Их лица желты, головы круглы. В избе просели печка и углы.

19 мая. 8 часов утра. Чога. Река Чога по весне опровергает излучины, превращается в спрямленный стрежень, катит, бежит с урчанием, воем, вскриками, нутряным бульканием. Черная вода, белая пена, оранжевое дно, серые валуны. Переговариваются кукушки.

Много лет носился с мыслью угодить в черемуховый цвет, но все не совпадало: то опоздаю, то раньше времени слиняю. Заголовок к написанному (еще не написано было) время от времени вякал в заглавнике: «Черемуховый рай». И вот угодил в самую черемуху, сначала в Чоге, здесь она зацвела раньше, потом еще в Сельге, на Горе. Черемуха цветет, но раем назвать Чогу было бы прекраснотушим. Черемуха цветет буднично, просто, укромно, и запах от нее ненавязчивый, не нахожу для него другого слова, как милый. На Новгородчине гово-

рят: от черемухи хороший воздух. Здесь тоже Новгородчина, тоже хороший воздух.

У меня в избе на одном окне три ветки черемухи в глиняном горшке с узким горлом, в таких на покос брали воду или клюквенный морс, – и так красиво: белизна, зелень, терракота. На другом окне букет купальниц – так чиста, ярка, нежна их тонкая желтизна, так соразмерны, совершенны их девические головки с раскрывшимися лепестками, так остро-зелены листья.

Все же я побывал в черемуховом раю, срок пребывания не истек. Может быть, в небесной канцелярии мне выписали краткосрочную путевку в рай, за мои отдельные добродетели, с обязательным возвращением... Ну, не в ад, так в быт.

Собственно, в Чогу меня привела всеобщая императивная обязанность посадить картошку. Картошка у Соболя, лошадка у моего соседа Ивана Николаевича Ягодкина. То есть и уздечка от лошадки в руках все того же пушистого зверька.

5 часов утра. Восходит солнце, поют все птицы, не поклевывшие белого горошка селитры, рассыпанного по полям молодцами Соболя. Непродолжительный концерт. Не машет палочкой маэстро. Как будто отменили смерть, так звонки горлышки оркестра. Концерт–смерть – рифма худая, другой не нашел. На Горе в ночь ходил за глухарями. Хрустнул, где не надо, спугнул большую черную птицу. До того они все нервные, глухари, в нашем бору, столько раз всех нас, дачников, видели, каждого знают в лицо. Соболю у меня спросил: «Вот вы, Глеб Александрович, говорите, пишете: Пошел послушать глухаря. Вы что, их не убиваете?». Я принялся наводить тень на плетень, строить туры на колесах. А на самом деле:

Осторожны мои глухари,
не поют по прошествии ночи
на разливе весенней зари...
Постарел я, ребята, короче...

Еще из лесу принес, опять же об утреннем птичьим концерте:

Как будто чухарские руны
играет на кантеле дед,
так внятно-разборчивы струны...
Восток в багряницу одет.

С моим соседом в Чоге Иваном Николаевичем Ягодкиным у меня есть нечто родственное, коренное, ну да, русское. Он сельский люмпен, дорабатывает до пенсии сторожем на очистных сооружениях в совхозе у Соболя, в покос на покосе, на огородах, на пастбище, где что можно сшибить, ну и, разумеется, выпить. Дом держится на Дарье. О, Дарья, из тех русских баб... И далее по Некрасову.

Мой дед, Иван Иванович Горышин, в деревне Рыкалово Новгородской губернии тоже был по психологии люмпен; хозяйство, семья на бабе Варе, в семье шестеро ребятишек; хозяин ганивал барки со швырком в Питер; барки тоже распиливали, продавали. Вернется дед с деньгой в кармане и «гвоздит», его «гвоздарем» в деревне и звали. Когда дед «гвоздил», то в дом не допускался и ночевал «на плану». Бабушка Варвара была шибко строгая, рассудительная, происходила из эстонских колонистов с острова Сааремаа на Новгородчине. Эстонцы хозяйствовали на новгородских подзолах и суглинках рачительнее, нежели коренные русские. Да примерно об этом и у Бунина в повести «Деревня» герой Тихон Ильич, прижима-мироед, так рассуждает: «Взять хоть русских немцев или жидов: все ведут себя дельно, аккуратны, все друг друга знают, все приятели – и не только по пьяному делу, – все помогают друг другу (...) А у нас все враги друг друга, завистники, сплетники...».

И вот мы сидим на лавочке с Иваном Николаевичем, покуриваем, разговариваем. Он что-нибудь скажет: «Ты сам-то ограду не городи, зятя пригони». Я ему: «Зять у меня специалист по компьютерам, сутками сидит программы составляет, надо семью кормить». Иван Николаевич глянет на меня, ничего не скажет, и так выходит, как будто мы знаем друг друга как облупленные, одного поля ягоды. Такого у меня не бывает с вепсами, тем более с дачниками, с Сободем.

Михаил Михайлович Соболев – белорус, приехал как молодой специалист по распределению, быстро пошел наверх, колобком покатился, на колобок и похожий: весь из округлостей, пухлорукий. И до того проворный, хваткий, я видел, как он сеть выбирал, рыб из ячей выпрастывал – все от рук отлетало.

Я завожу с соседом разговор о лошадке – огород вспахать, он вызверивается: «Да у меня вон целая деревня, мне бригадирша сказала, чтоб никому без оформления в совхозе. Николаич один, а вас...». Соболев просил за меня Николаича, он и на Соболя вызверился.

Дмитрий Семенович Михалевич, доктор технических наук, тоже мой сосед по Чоге, дачник с двадцатичетырехлетним стажем, благожелательно, как старший младшему (хотя я постарше его), излагал: «Я убил глухаря. Он запел как-то лениво, видимо, уже поздно, делал паузы. Но я к нему подошел и убил. Вообще охота на глухаря не такое простое дело, как принято изображать. Ну, да вы-то знаете». Я кивнул: да, знаю.

– Ребята из Кильмуи, – продолжал Михалевич, – американцев водили на глухариный ток поближе к Тихвину. Сначала под магнитофонную запись репетировали, как подходить под песню, а на

току подводили: американцы дублировали каждый шаг егерей. По глухарям ребята сами стреляли, чтобы наверняка. Американцы только присутствовали. А то знаете, деньги уплачены – и вдруг без трофея вернуться домой, это же обидно. Охота на глухаря – дело сложное, капризное.

Я напечатал рассказ в журнале «Охота и охотничье хозяйство», вы не читали? – спросил Дмитрий Семенович. – Нет, не читал.

– Вы знаете, неожиданный для меня успех. Столько откликов, и еще просят...

Жена Дмитрия Семеновича принесла альбом фотографий: побывала в гостях у сына в Голландии. Сын Михалевичей получил голландское подданство, работает и учится, разговаривает по-голландски, как голландец. «Вот это ему дали домик, шесть комнат. А это он машину купил».

Я хлопал ушами (за ушами трещало от подаваемой Альмой Петровной вкусной пищи), не умея постичь секрет успеха, умения жить в свое удовольствие в этой стране (тем более в другой) в это время.

– Ребята из Кильмуи, – досказывал Дмитрий Семенович, – зимой берлогу держали на примете. Медведь в ней как-то худо лежал, зад наружу торчал. Афишировали медвежью охоту, но охотников не нашлось, все же дороговато: две с половиной тысячи долларов.

Приезжал Соболев, мы душевно беседовали, впрочем, директор больше изъяснялся экивоками, этому его научило директорство в совхозе, теперь в акционерном обществе. Мужики про него говорят: был соболев, теперь куница. «Я здесь семь лет директором, – докладывал мне Соболев. – До меня директора больше четырех лет не держались. На акционерное общество меня выбирали: девяносто процентов за, десять против. Теперь процентов тридцать против». Почему так, не сказал. «Вывеску сменили, а все осталось, что было. Денег хватает, строимся, дом культуры заканчиваем, ссуды даем специалистам на строительство. Зарплату я регулярно выплачиваю. Механизаторы на посевной зарабатывают по сорок тысяч. Дисциплины нет никакой, раньше было сдерживающее начало, вроде как идея, пусть ложная, но была. Теперь все воруют, тащат комбикорма, горючее, посевной материал. У нас хозяйство откормочное, за кормами зимой в Вологодскую область ездили, за соломой. Поголовье пока держится на том уровне, что было... Но, знаете, я думаю, чтобы акционерное общество действительно заработало, надо контрольный пакет акций отдать в руки одного, ну, двух человек». Соболев посмотрел на меня, ожидая моей реакции, но для меня «контрольный пакет акций» все равно что «консенсус фракций» – сотрясение воздуха. Я только понял, что Соболев готов взять в

свои руки бразды правления и при новом порядке, но что-то мешают.

Он родом из Гомельской области, там у него отец с матерью, родня, там зона заражения Чернобыльской АЭС; у его близких у кого щитовидка, у кого паралич. Взять их сюда – им уже не поможет, и там у них дом, сад, скотина, родная земля. И там все пропитано смертью, обречено.

А здесь Михаил Михайлович Соболев – самый влиятельный человек, собственно, все на Соболе, будь то мост через Озеро, лошадка огород вспахать, курица, поросенок, воз дров, крыша над головой, зарплата. Соболеву 32 года.

Он еще раз свозил меня показать свой новый дом, выстроенный в стороне от поселка, на берегу Пашозера, на прежде бросовой, мелиорированной земле. Дом как бы декоративный, прянично-расписной, внутри рубленый деревянный, снаружи облицованный крашеным кирпичом, в два этажа, с русской печью, тоже декорированной, с камином с узорной решеткой, с витражами в дверях, росписями на потолках – разлюли-малина. Хлев полон скотины, дети Соболева пьют свое молоко. Стекла в доме Соболева уже раз высадили. Я подумал, что лозунг «Мир хижинам, война дворцам» еще будет выкликаться, побуждать к действию. Но не сказал хозяину дома. Впрочем, дом у Соболева вполне скромный, отнюдь не дворец, просто выражает вкус и запросы хозяина. Хозяин заглядывает в будущее: завтра лишится директорского кабинета – засучивай рукава и паши, земли много, вода рядом, мой дом – моя крепость.

– Здесь зайцев полно бегают, – сказал Соболев, указывая на опушку леса, простирающегося в Карелию, Вологодчину, – а здесь волк проходит, у него вон там логово.

В конторе бывшего совхоза «Пашозерский», ныне акционерного общества «Пашозерское», все то же, что было, множество барышень что-то пишут, считают. Барышни сельские, вдвое пошире городских, загорелые: время сажать картошку. В кабинете Соболева Ильич, прежде висевший над головой, директора, теперь переместился в задний левый угол, вставлен в стеллаж, но все также смотрит с прищуром. Директор что-нибудь кричит в телефон, нажимает кнопки, входят широкобедрые барышни, дают бумажки на подпись. Соболев громко командует, легко возбуждается, срывается, тотчас успокаивается, закуривает хорошую сигарету, улыбается, но без отрыва от производства, без перекура.

– Я здесь уже семь лет, – еще раз похвастался Соболев, – но, знаете, я все равно им чужой... – сказал таким тоном, как родители жалуются на неблагодарных детей: мы им все, а они... – Я так люблю деревню Чога, – сказал Соболев, – я ее ставлю

классом выше, чем Нюрговичи. Я бы в Чоге жил, если бы не дети, детям в школу далековато. Я раз под вашей избой на спиннинг форель поймал на 800 граммов.

Деревня Корбеничи, уже описанная мной, все такая же... В ней постоянные, проходные персонажи моих «записей»: медик Андрей, его жена Юля, дед Федор Торяков, Жихарев, пекарь-лавочник Михаил Осипович...

Медик Андрей с Юлей и маленькой Настей сидели обедать, пригласили меня. Обед состоял из пакетного супу, чаю, хлеба, а больше нет ничего. Андрей сказал, что ему платят 9 тысяч рублей, Юле поменьше. Дом держится на козе. Я еще раз выслушал похвальное слово козьему молоку. Козу новожители нашей местности понимают как краеугольный камень благосостояния, ну, разумеется, будущего.

Андрей сказал, что собирался купить корову, обещана была бригадиром Корнешовым, но бригадир... передумал. Что же вы, товарищ бригадир? Завтра вас лихоманка схватит, вы в медпункт, а медика и след простынет: от козы семейство не прокормится. Такого медика, как Андрей, поискать.

Против дома Федора Ивановича Торякова прикручивали веревкой к старой черной ольхе корову. Очереди на прикрутку дожидалась другая корова; стояла стайка корбеничских чухарей. Барышня в синем халате всаживала корове шприц с вакциной – делала прививку.

Дед Федор сидел на лавочке у избы на солнце-пеке, в ватном бушлате, в фуражке не то с лесной, не то еще с какой-то кокардой. Весь он был дуже зимний, потусторонний. Издалека, задолго до этой нашей встречи с дедом Федором, уже в избе Текляшевых в Усть-Капше, бабушек Богдановых в Харягеничах, в Чоге, в кабинете Соболева в Пашозере я слышал, что деду Федору дали неподъемную пенсию 45 000! «За что? Зачем ему столько? Молодой работает, старается, ему шиш, а этому...». Про деда говорили: «ишо как бегают», «водочку пьет».

Деда не то чтобы осуждали, не то чтобы завидовали ему, но бывшее прежнее, хотя бы подспудное, почтение к его возрасту и судьбе теперь уничтожилось суммой пенсии: 45 000.

Дед узнал меня, повел в избу и первое слово, какое он мне сказал, было о том же самом: «Да знаешь, Глеб Александрович, такая жизнь пришоццы. Сумасшедшая пенсия. Прошлый месяц сорок шесть тысяч выдали, что они там думают? Лучше бы поменьше давали, а товар бы был. А то и по рюмочке мы бы с тобой выпили, нет никого в магазине. Мы с бабкой жили, корову держали, я сорок рублей получал да бабка, а лучше жили».

Дед Федор, самый богатый человек в нашей местности, получающий от государства поболее ди-

ректора Соболя, стал варить с помощью кипятильника яйца, достал ржавую селедку, печенье. «Прости, больше нету ничего у меня дак. В магазине шаром покати».

Поодаль сидел пес Малыш, посматривал серьезно, сочувственно.

– Чем пса-то кормишь, Федор Иванович?

– Да знаешь, Глеб Александрович, хлеба даю, картошек, чего сам, того и ему. Бабка когда помирала, говорит, ты пса-то не отдавай, пусть при тебе. Ну ладно.

– Скучно, Федор Иванович? – не удержался, спросил у деда, хотя скука одинокой старости зияла из каждого угла, и в глазах девяностодвухлетнего Федора Ивановича Торякова, ветерана войны и труда, наплывала мутная скука. Обнадежить деда было нечем. Однако дед не сдавался: вокруг печи стояли семь мешков приготовленной к посадке картошки, на огороде топтались семеро дедовых барашков, на лавке лежал только что насаженный на вытесанное из березового полена топориче топор. Дед вытесал, насадил, заклинил, будет колоть дрова.

Уходить от деда Федора было как-то неловко: уйти – значило оставить его одного, погрузить в неносную скуку. А и сидеть с ним не легче: дед Федор совсем оглох, в глазах у него такая беспомощность, такая глубокая безнадежность...

– Спасибо, что зашел, Глеб Александрович.

– Спасибо, что ты есть, Федор Иванович.

Над Алексеевским сельсоветом реял красный флаг с серпом и молотом, совсем как в поэме Алексея Недогонова «Флаг над сельсоветом». Да, отнюдь не трехцветный, красный флаг бывшей державы. Что бы это значило? Не у кого спросить: председатель совета Доркичев Николай Николаевич вчера ушел в отпуск. Доркичев – вепс из деревни Озровичи, вон там за угором, за Алексеевским озером, в мареве голубизны, прозелени, в белых сугробах черемух. Право, черемуховый куст как сугроб. На Руси в любое время года чудится возвращение снега: снег сойдет, тотчас зацветет, все выбелит пролеска, потом звездчатки, черемуха, желтые одуванчики поседеют, яблони, рябина, болота в пушицу оденутся, тополевы пух полетит, снова белым-бело, иван-чай снежинками закружится, глядь – и первая пороша.

Шел в Озровичи через кладбище – одно на всю округу: здесь упокоились корбенические, нюрговичские, озровичские, харагенические, может быть, и из Долгозера, Нойдалы... Кладбище хорошее, видать, в давнюю пору обнесено каменной кладкой, просто наношено камней, грядкой сложено. Кладбище в бору, просторном, со взрослыми соснами, без подлеска; бор, заозерье. Я подумал, что после смерти здесь будет нескучно лежать. И при жизни

мне не бывало скучно на этих угорьях, в этих лесах. В Питере скучно до рвоты, а здесь можно жить. Даже и после смерти.

Николай Николаевич Доркичев, как всегда в последние три года, строил дом для сына Володи; Володя тоже строил дом вместе с отцом; дом большой, уже под шифером. Володя закончил курсы фермеров в Пушкине при сельхозинституте, но пока еще не решился, как быть.

Я спросил Доркичева насчет красного знамени над сельсоветом, он как будто обеспокоился: «Да, это мы на несколько дней вывесили по случаю Дня Победы, для наших ветеранов. Они же под красным знаменем победили. Надо будет поменять на трехцветный...».

Ну, ладно, ну, хорошо.

А 190 р. за два часа использования лошади на вспашке в Чоге я все же внес в кассу а/о «Пашозерское». Спасибо Михаилу Михайловичу Соболю! А вспашет Иван Николаевич Ягодкин. Так что дело на мази.

22 мая. После почти целого солнцепеклого мая вчера как с цепи сорвался под вечер, задул север, с заходом на восток, да такой неприязненно холодный, вражий. Бедные черемухи замахали белыми ветками, затрепетали. Моя изобка на Горе как раз стоит мордой в два окна на север, и вот ее ветром по морде, все выстыло. Печь топил вечером и утром. Голод – скверная штука, но холод еще сквернее. Забирался на печь, и там не сладко, оббил косточки о кирпичи.

Утром сеяли-сажали с Алешиной Олей редис, укроп, морковку, свеклу, кабачок, картошку. Вчера я делал грядки, знал, как их делать, это у меня от природной новгородской огородницы бабушки по маме Марии Васильевны, и мама любила огородничать, и тетушка Лиза. Помню, в войну в Тихвине, в 43-м году первые овощи с грядки укладывались в ящик, отправлялись в Ленинград с первой оказией маминой подруге, медицинской сестре Марии Терентьевне Семешко.

Ну вот, в эту весну я позанимался земледелием, собирал подснежную клюкву и все другое, известное из прежних записей. Север не унимается, черемуховые ветви мотаются, словно кому-то велено отрясти с них белый цвет. Но цвет держится. Холодно потому, что зацвела черемуха. Внизу, в Пашозере, когда я был, черемуха уже отцветала – и ни холодного ветерка за все время цветения, ни дуновения холода, а у нас на Горе, с опозданием на десять дней, но все по правилам, с холодрыгой.

В небе ни ласточки, ни стрижа. Никто не замечает, а так невыносимо пусто.

Шел с ведром из-под горы... Само собой сложилось стихотворенье.

И сложен человек, и полигамен,
 а понесут его вперед ногами.
 Хотя привержен был Хаяму,
 опустят в вырытую яму
 и сверху комом пригвоздят.
 А сами сядут и нудят:
 какой хороший был покойник,
 почти полковник.
 Уж это точно, что майор.
 Потом склонится разговор
 к предметам, нам неинтересным.
 А между тем невдалеке
 лежать покойнику чудесно,
 в по мерке сшитом пиджаке.
 И над могилой пустота,
 лишь слышен слабый мявк кота:
 взыскуя снеди поминальной,
 мяукнет серый кот печальный.
 В кого-то выстрелят шутя.
 Заплачет малое дитя.
 А так путем и все по чину:
 пол-литра брали на мужчину,
 для женщин был шато-икем
 и исполняли реквием.
 Носил покойник имя РЭМ:
 Революция. Электрификация. Марксизм.

Третьи сутки неистовствует север, учинил черемуховую пургу; черемуха цветет, из всех силенок держится, но где же слабым лепесткам устоять против злобного ветра? Черемухи облетают. Холодно на дворе, в избе как в погребке. Скоро пойду в Харагеничи, в Чогу, поеду в Питер, в Москву. И вернусь. Теперь нельзя не вернуться: явятся на свет из почвы мои росточки: укропины, редиски, морковки, свеколки, картошки. Профессор Дюжев в журнале «Север» укорил меня в отсутствии связи с «кормящей землей». Да я и сам себя укорял. И грядки отлаживал, семена в почву погружал не для прокормочного овоща, а чтобы помириться с собой (и овощ небось утешит). То и дело просыпаю соль, выламывая из окаменевшей за зиму пачки. Просыпать соль – это к ссоре. А ссориться-то с кем? Только с самим собой. Оглажу грядку – и помирюсь. Вот какой я наивный.

Вчерашний день главным образом шел из Сельги в Чогу. Тропу до Харагеничей пробежал хорошо, за два часа, Харагинское болото перебрел за десять минут, в пути перекуривал один раз. В автобус сел с благоговением – экая карета-экипаж! На кабине картина: в виде трех богатырей изображены Ельцин, Руцкой и еще кто-то, гнусная харя. Рядом с ними портрет большого котенка. Шофер в автобусе все тот же, рыжий. Пассажир в салоне я один.

У Шукшина есть рассказ «Рыжий», о какой-то обязательной у рыжего нужде в самоутверждении.

У Шукшина рыжий – прелесть. Кто-то его задел на Чуйском тракте, ну да, он ехал, тот ему навстречу и задел. Рыжий развернулся, догнал и врезал на всю катушку. В таком месте, где Чуйский тракт отгорожен столбиками от пропасти. В конце рассказа Василий Макарович задумчиво соображает: я с интересом присматриваюсь к рыжим.

На демократическом верху немало рыжих, я тоже к ним с интересом присматриваюсь: самоутвердились, а дальше что?

Рыжий шофер автобуса Шугозеро – Харагеничи привез меня к дальнему магазину в Пашозере; я пошел полями в Чогу, размышляя на фенологические и орнитологические темы. Возвращение снега – реставрация белизны в нашей природе происходит с трогательным постоянством. Под окном у меня в Чоге облилась молоком яблоня, и белые ночи как отраженный небом снежный покров. И наше лето – мгновение междуснежья.

Увидел сидящую на проводе ласточку – первую ласточку нынешней весны. Так обрадовался: «Ласточка, касаточка!». Такая она была родная. Почему ласточки не прилетели в Нюрговичи? Ведь прежде примазывали свои гнезда к каждой избе, врывались на чердаки с пищей в клювах, к ждущим бесперым птенцам. Где вы, касатки? Неужто на вас подействовала изменившаяся демографическая ситуация в вепсской деревне? Никто не знает и не задается этим вопросом. Да и в Чоге я видел всего двух ласточек.

Вечером Соболев, в клетчатой кепочке с пуговкой, с сигаретой в зубах, кидал в Чогу форелевые блесенки на спиннинге. Все получалось у него ловко, точно, по-пижонски, небрежно и в то же время со страстным азартом. Форель у такого ловца не могла не пойматься и поймалась.

Холодно, пасмурно, дует ветер.

22 мая. Чога. Вчера был день пахоты – посадки картошки. Впрочем, картофельная посадка длится уже две недели. Местный мужик – непремный участник посадки – сказал: «Две недели каждый день пью, как начали сажать картошку. Кому посадим, угощают».

Посадка картошки – артельное дело, местные сажают как бы наравне с дачниками. Хотя как наравне? Вначале надо сходить в совхоз (пишу по старинке «совхоз», «акционерное общество» длинно), заплатить за лошадь. Лошадей в совхозе всего четыре или пять, а пахать не перепахать. У местных свой черед, дачники пасут Ивана Николаевича Ягодкина, в его руках узда – одна лошадиная сила. Собственно, остались дачницы; дачники в воскресенье вечером, в понедельник ранешенько сели в лимузины, укатили в Питер. Легко вывести, что дачники в Чоге солидные люди-тузы: съездить на своих колесах на субботу-воскресенье за 350 кило-

метров, во что обойдется один бензин? Я, бывало, тоже прикатывал фраером на моей «Ниве», а теперь стал сухоньким дедушкой (при вхождении в рынок похудел на 21 кг), с бородкой, клюкой, мешком за плечами, по определению профессора Дюжева, безработный шестидесятник.

Пришел в Чогу, первым делом шасть к Ивану Николаевичу, как «насчет картошки дров поджарить?». Иван Николаевич, навеселе, обложил меня матом в четыре этажа, хватило бы на целый словарь современного русского языка, на Невском у Дома книги продавать. Маленько зная это наречие, я было тоже завелся; стоявшая рядом, над душой Ивана Николаевича, дачница мне объяснила: «Вы не обращайте внимания, Иван Николаевич хороший, это он так, его надо знать».

Затем наступила неопределенность, погода скуксилась. Деревня всем гамузом, с лошадей, плугом, бороной, бабами в платках, мужиками в пляжных чепчиках с пластмассовыми козырьками, с надписями «Сочи», «Вильнюс», «Карпаты», – ребятишки, собаки, вместе со всеми и куры с петухом – на свежую пашню, на червей – перемещалась с огорода на огород; кто-нибудь из мужиков брал лошадь под уздцы, кто-нибудь правил плуг; над огородом повисал густой мат; в свежую борозду каждый кидал картошку. Ну, хорошо.

Вечером я видел: Иван Николаевич увел лошадь на ту сторону Чоги, на зеленую мураву, там спутал, сложил из приплавленного дровяного хлама большой костер-дымокур. И так красиво было: вороной конь в зеленом лугу, окаймленном приветно журчащей рекой, дым костерный: ночное.

С утра я разрезал большие картофелины пополам, складывал посадочный материал в бумажные мешки. Какой-либо ясности насчет пахоты на моем огороде не было. На соседний участок въехал трактор «Беларусь» с однолемешным плугом, побегал взад-вперед, быстро взрезал все поле. Проехал по улице гусеничный трактор с дисковой бороной; машинный парк увеличивался, проехал КамАЗ, проносились мотоциклы с колясками, «Запорожцы», «Жигули». Дарья Васильевна провела по улице домой Ивана Николаевича, кривуляющего ногами. Все стихло, опустело.

Я пробовал читать «Апологию сумасшедшего» Чаадаева, не читалось. В сенях загрохали сапоги, пришли трое: лесник Боря, с добрым, осмысленным, может быть, даже интеллигентным лицом; сложись его судьба по-другому, мог бы стать профессором-гуманитарием или архимандритом; с ним двое парней-трактористов, все поддатые, но без злобы, добрейшие. Все трое передвигались в пространстве, как рыбы в аквариуме, замедленно, спонтанно. Привели коня, оказалось, что его зовут по-собачьи Шарик. Поставили Шарика в борозду,

один из трактористов повел его за узду, но парня заносило, борозды не держал. Боря сказал: «Ты брось, уйди, Шарик сам знает». Тракторист ушел, идущий за плугом Боря сказал Шарику: «Прямо», – далее Шарик все делал сам, если кто-нибудь из пахарей ему мешал, он мотал головой, поправлял огрехи.

Вспахали-взборонили, по паханому провели борозду, покидали в нее картошки. Пришли помочь дачницы: Альма Петровна, Мария Васильевна. Прошли плугом, закрыли картошку; вскоре образовалось мое картофельное поле по всем правилам агротехники.

И затем угощение; трактористы быстро слиняли; мы с лесником Борей предались упоительно-сладостной беседе о самых интересных на свете предметах: глухарях, бобрах, форелях, налимах, медведях. На прощание Боря приобнял меня, демонстрируя железо мускулов. Я тоже принапрягся, но признал: «Да, Боря, ты сильнее».

Сегодня погожий прохладный день. Иван Николаевич Ягодкин пасет свою скотину: корову, нетеля, бычка. И жаворонки в небе уж подняли трезвон, здешние, чогинские жаворонки.

Двенадцать часов ночи. Ночь окончательно выбелилась.

Последнее утро, да и не утро еще, начало соловьинного концерта, первые дымы из труб: затоплены русские печи, в руках у баб ухваты, в чугунах вариво для скотины. Все то же, что было всегда. Прохожу большим, вытянутым вдоль Пашозера селом с тем же названием. В каменных домах фасадом к северу живут мои нюрговичские вепсы: Пулькины, Цветковы, Мошниковы. В каменных домах печей не топят, спят праведным сном.

Жду автобуса на остановке. Мимо прошел грузовичок рыбоведа из Усть-Капши Валерия. Валерий проехал, но стал притормаживать, соображая, кто я таков, стоит ли брать в кабину. Попятился, взял. У Валерия русобородое ясноглазое русское лицо. Он спросил у меня:

– Все еще пишете?

Я как будто повинился:

– Пишу.

– А я художественной резьбой по дереву увлекаюсь. Это мое любимое дело, что-нибудь выйдет, и на душе радость.

Валерий купил у Соболя то, что осталось от рыбхозьяства в Усть-Капше, теперь он рыбофермер. В свое время Соболев загорелся мыслью развести в садках раков и продавать их в Париж. Послал мужиков в раковые места на Капше, раков навывтаскивали; рыбоведа Валерия приставили к ракам.

Я спросил у Валерия о раках. Его лицо омрачилось.

– Соболев был за раков, его мало кто поддерживал из руководства совхоза, кормов не подвозили.

Я же не могу мучить животных, мне больно за них. Я их выпустил в Капшу.

Ну вот. На главном форелевом питомнике Новоладожского рыбоколхоза в Лукино зимой что-то сделали не так, форель переохладилась, всплыла кверху брюхом. Описанная мною в похвальном роде форелевая ферма Трошковых на Харагинском озере прекратила свое существование. Первые фермеры в нашей местности, молодые романтики-горожане, все до одного прогорели. Фермер на Долгозере картошку вырастил, выкопал и не вывез: дороги-то нет. Зимой картошка померзла, фермер так и сидел на своем богатстве, оголодал, одичал, кажется, тронулся рассудком. А так... Все хорошо, прекрасная маркиза. Все хорошо.

Всякий день хожу по Невскому проспекту, не из прихоти, не для урочной прогулки, а по нужде: купить хлеба в булочной у Думы, а иногда еще и пару слоев с повидлом, по названию гипфели. Войду в булочную, пробьюсь в толчее к прилавку, гляну и выбьюсь в то место, где последний в очереди, он же и крайний. Стою, вспоминаю то время, когда брал в свои руки хлеб с полки, нес его напоказ кассирше, отсчитывал серебро и медь. Помню и давнее время, после войны, как нынче, с чеками, с продавщицами за прилавком. Все вернулось на круги своя, побаловались – и будет. Доверие к человеку соизмеримо с его сытостью, платежеспособностью. Ну да, и с ценою на хлеб.

Вот вижу человек моих лет (помоложе), на вид приличный, неопустившийся, купил рогалик, тут же впился в него зубами. Сочувственно, с интересом смотрю в глаза такому же, как я, петербуржцу.

– Что, вкусно?

Петербуржец отвечает мне искренним, понимающим взглядом:

– Да, вы знаете, время от времени очень хочется что-нибудь съесть. И с этим ничего не поделать.

Мой современник не лжет, мы приблизились к истине, может быть, главной, но постоянно чем-нибудь затушевываемой. Ее, кажется, высказал Максим Горький: человек есть то, что он ест.

Выйду из булочной, взгляну на часы на башне Думы – главные в городе часы, указующие каждому петербуржцу час его пребывания в этом мире, – батюшки! Думские часы безбожно врут, на эту сторону башни стрелки так, на ту эдак. Ложь поступает с самого высокого места на Невском проспекте. Что-то не так в этом мире.

У входа в метро на канале Грибоедова играет на трубе широкомордый малый, выражением и телосложением похожий на шефа средств массовой информации Полторанина. С трудом, с перебивками, с хрипом выдувает из трубы одну-две фразы из вальса «Амурские волны»: «Серебрятся волны, серебрятся волны...». Трубоч сбивается с фразы, врет.

У ноги лежит его шапка с мелочишкой. Однако трубоч упорен, устойчив не на своем, явочным порядком захваченном месте (опять же, как упомянутый шеф). Фальшивый рев его трубы вплетается в общий диссонанс текущего момента.

Момент течет, движется толпа; ты посторонний в толпе, однако движешься вместе с нею. Перетекание от лжи к истине внешне неуловимо. Само движение, равно как и стояние праздного люда среди бела дня, представляется ложным. Хотя, если присмотреться, люд на Невском непраздный (хочется продолжить в рифму: и труд напрасный). В подземном переходе под Садовой улицей торгуют с рук собачьими и кошачьими детьми. Дети высунули мордочки из-за пазух своих хозяев; у них в глазах покорное непонимание; в этом месте дети не играют, не резвятся, не подают голоса. Трудно поверить, что это живые существа; что станется с ними, сколько им еще сидеть за пазухой, ждать своей участи? Никогда не видел, чтобы в этом переходе кто-нибудь кого-нибудь купил. А и купит... Сколько брошенных, бездомных наших младших четвероногих братьев?! До слез жалко собачьих детей, кошачьим все же как-то легче...

Вспоминается история, рассказанная в свое время Ольгой Берггольц. В войну поэтесса поехала в часть, где натаскивали собак кидаться под танки с взрывчаткой. Расчувствовалась: «А собачек не жалко?». На что ей резонно заметили: «Людей жалче».

В переходе под Невским сыро, полутемно, играет разнообразная музыка, притоптывают, припевают на попугайчьем языке замороженные роком бедные наши худосочные юнцы, негодные к воинской службе по недоразвитости. Примостился на ящичке мой ровесник с гармошкой...

Послышатся всхлипы тальянки
по мере схождения вниз,
о бывшей когда-то землянке
играет седой гармонист.

Глаза его впалы и узки,
потупленный взор не горит;
вздыхая басами, по-русски
о чем-то гармонь говорит.

И вспомнишь душой неусердной,
как бабушкин ласковый сказ...
О, Господи милосердный,
помилуй беспамятных нас!

Как-то я видел в переходе под Невским пели папа, мама и мальчик лет десяти, в общем, молодая, как говорится, работоспособная семья. Все трое были зрячие, но пели, как слепцы, с невидящими, устремленными в высь глазами, будто чита-

ли молитву: «Выстрел грянет. Ворон кружит. Милый мой в бурьяне неживой лежит». Петербургская семья просила подаяния Христа ради.

Их горлышки трепетно тонки,
их неутоляема грусть.
В уставленной наземь картонке
бумажки нестоящей хруст.

Я сытый, не прошу Христа ради, но я видел, слышал, ЭТО во мне, моя душа сжата пястью отчаяния кого-нибудь из моих сограждан. Один человек, побывавший во многих странах, сказал: «Ты грустный; нигде в мире нет таких грустных лиц, как у нас». Это в нас человеческое, когда это выбьют – рекламой «сникерсов» и шоколада «Серената», – наступит царствие сатаны.

Мы все похудели. Не только потеряли в весе, но и... нам всем стало худо... Тут меня могут прервать: помилуйте, оглядитесь вокруг себя, вы что, не видите шикарных лимузинов с твердокаменными в них господами, дамами в мехах? Спросите у этих джентльменов и леди удачи, каково им в новой реальности Невского проспекта – в бывшей столице бывшей империи, бывшей колыбели революции, бывшем городе-герое, ныне бастионе демократии? У них на лицах написано, что за свою удачу, за свой час фортуны они постоят. Удача, фортуна, то есть наличная валюта, из воздуха не берется, а перераспределяется: одни хапают, других оберут. Обобранных в наше время пруд пруди, но и на хапанувших шапки горят...

Многое на Невском нынче защелкнуто для тебя, «старого русского». «Новые» в свой рай за так не пускают.

Впрочем, Невский проспект искони принадлежал двенадцати языкам, в отличие от московских изогнутых улочек (не говоря уж о провинции): русский элемент на нем едва уловим (разве что гармонист да красавица Татьяна в кулинарии). В наше время и подавно: латиница на вывесках преобладает над кириллицей, особенно часто встречается словечко shop (на ум почему-то приходит балетная сюита Глазунова «Шопениана»). Однако желаемого кем-то сходства с рю, виз, авеню, штрассе, стрит у Невского проспекта все нет и нет. При крутом нашем вхождении в рынок-барахолку, обрастая слепоглазыми монстрами-ларьками, Невский проспект обретает черты колониальности. Такая уличная торговлишка, как у нас, имеет место в Калькутте или в Бомбее, с тех пор как Индия была колонией. Но статус колонии определяет метрополия. Мы – чья колония? Господа петербуржцы, вы не задумывались над этим?

Можно свернуть за угол, пройти вдоль фасада «Европейской» гостиницы, сделать шаг из коло-

нии на авеню метрополии, совершенно тебе чужой, заглянуть в зеркальные окна, увидеть мир зазеркальный: за столиками темного дерева чинно сидят леди энд джентльмены в темных костюмах, перед ними высокие бокалы – и все напоказ; человек с улицы, пялясь на недоступное ему роскошество, может ощутить себя бедным мальчиком из святочного рассказа. В подъезде отеля статный малый в смокинге и цилиндре. Хочется спросить у него: «Каково тебе, детинушка, в эдакой униформе, не жмет ли, не докучает ли манишка?». Но попробуй сунься в подъезд со своим-то суконным рылом...

Помню, в студенческие годы... Ах, эта память, на что она нам?! Беспамятство предпочтительнее: не совать носу куда нам заказано новыми хозяевами жизни, так-то бы лучше. Но – помню, в университетские годы мы так и валили со стипендии в ресторан «Европа», да еще и на «Крышу». Мы были тогда щенками, и финансы наши голодранские, но вместе с нами тогда учились ветераны недавно закончившейся войны – победители, – и какова бы ни была тогдашняя действительность, при живом Сталине, нас обуревало чувство всеобщего равенства. Никто не был выше нас и ниже не было никого. Официанты на «Крыше» приносили нам то, что мы заказывали. Никто нас не унижал, мы никого не боялись – в этом месте, в этом городе, в этой стране, недавно победившей во Второй мировой. Страна была наша: равенство всех со всеми мы понимали как демократию, разумеется, социалистическую.

Году, кажется, в восемьдесят пятом в гости приехал мой друг с Алтая, председатель колхоза «Восход» Антон Григорьевич Афанасьев. Я снял ему номер в «Европейской» гостинице. После театра – мы смотрели у Товстоногова пьесу Шукшина «Энергичные люди» – зашли в отель посидеть у него в номере, покалякать. Дежурная на этаже нас остановила: «Поздно. Гостей не пускаем. У нас живут иностранцы». Я возразил: «У вас живут иностранцы, а вот это русский, председатель колхоза. Он выращивает хлеб, который мы едим». Дежурная искренне удивилась: «Первый раз в жизни вижу председателя колхоза». И пропустила.

Кто нынче дает нам хлеб наш насущный? Хлебопашцы, где вы, отзовитесь! Молчат, как в рот воды набрали. Да и сказать не дадут, место не предусмотрено, у микрофонов политологи, в отелях бизнесмены. С хлебушком подождет, спохватимся, вспомним, что на первом месте в благосостоянии каждой страны, каждого народа – культура земледелия, хлебопашество. А наши телепроходимцы с утра до вечера агитируют нас хрумкать заморские шоколадки «Марс».

Живем мы, прежде всего в силу того, что хлеб жуем. Кажется, истина неконвертируемая. Хотя в последние годы мы усомнились почти во всем,

усвоенном до того, даже в аксиоме о первичности материи перед духом. Но что-то, же остается первоосновное, как воздух, вода, хлебушко, единственное твое истинное, как материнское благословение: «Живи, сынок...». Как жить? Ради чего? Выиграть в лотерею «Сюрприз» на Невском посуленный миллион? Моя бабушка говаривала: «На посуле как на стуле...». Человеку нужна руководящая идея – царь в голове, будь он отвлеченно мыслящая личность или природный пахарь, иначе унесет поветрием не в ту степь.

Русский человек руководствуется идеей своей родины. Но это слишком общо и захватанно. Между тем, чем дольше живешь на свете, расставаясь с близкими и иллюзиями, все крепче привязываешься к материку родины. Что есть необманное у русского человека, пережившего все инфляции и девальвации, что грядет ему до последнего издыхания, наставит на путь, это Россия. Кем-то из умных замечено, что Россия – понятие не географическое, а нравственное. От себя добавим: и подсознательно генетическое, хромосомное.

Однажды я бродил без какой-либо цели, с жалкой парой тысяч йен в кармане по кварталу развлечений Синдзюку в японской столице Токио. Вижу у входа в некое заведение стоят три не очень одетых японки, такие прелестные, как на рекламной картинке, притом живые, телесно-теплые. Я сделал к ним шаг просто так поглазеть, как праздный гуляка. Тотчас мне преградил дорогу не улыбающийся твердый японец, вразумил: «Оунли джапаниз», то есть только для японцев. Он указал, куда идти мне, неапонцу, ловить мой кайф. Во внешне американизированной Японии строго соблюдается предел проникновения чужестранного в домашнее. Одно с другим не смешивается, как постное масло с водой. У японцев обострено чувство национального самосохранения. А у нас?

Надо как-то нам совладать с нашей русской отзвучивостью ко всему на свете опричь самих себя, того гляди, растворимся в чужом без остатка, места не станет осесть.

Сверху как будто спущена директива (серия президентских указов): не приживающихся к новому порядку, к рыночным реформам, переходу к капитализму и т. д. пустить в расход. Без суда и расстрела, сами сыграют в ящик, ну, разумеется, слабые и худые: непредприимчивые, приверженные старому, неперестроившиеся, в общем, охвостье. Для улучшения генофонда. Как при сталинских чистках; и тогда отбирали достойных для проживания в новой эре, от недостойных освобождались. Неважно, какие были в ходу ярлыки. Все повторяется, господа.

Нас сживают со света (есть варианты самоспасения: бизнес, легитимизм, то есть верноподданность

власть имущим), а мы... Мы родом из той жизни, в которой всякое было, например, война и победа. Вот здесь, на Невском проспекте, летом сорок пятого года, когда зацвела сирень, я видел встречу вернувшихся с фронта с победой наших солдат и их командиров. Ах, какие лица! Какие промытые слезами глаза у моих горожан! Я был мальчишкой, но пережил этот момент соединения всех до одного в то время живущих в порыве любви, какого-то божественного торжества победившей жизни, как личное счастье. В такие мгновения постигаешь главные истины на всю жизнь. Истина может быть единственной. Как и встреча победителей.

18 июня. По совершенно пустой за торговой площадью, широченной главной улице Новой Ладogi ехал на велосипеде старый мужик с привязанной к раме железной трубой. Такой же мужик кричал с панели, из-под липок, ясеней, вязов, берез, густо-густо здесь насаженных, перевитых акацией, сиренью, жасмином: «Не превышай скорость! Не нарушай правила уличного движения!». Старые мужики в Новой Ладогe балагуры; главная профессия здесь – рыбак; хотя спускали план на колхоз, бригаду, звено, однако рыбачество – вольное художество; без балагурства никак, особенно за ухой. Молодые сидят на месте бывшего рынка с бананами, ящиками водки, гадкими книжонками или в будках, как шелудивые псы; вид у коробейников зачумленный, потусторонний; эти не посадят ни липки, ни вяза. Надо бы у них спросить: зачем вы живете, ребята? в чем ваша жизнь? Но спрашивать неохота: нет уверенности, что они знают русские слова.

Идешь по тихой улочке Новой Ладogi, и вся окрестная жизнь нараспашку, все слышно. За оградой у вросшего в землю домика женщина со строгими, страдающими, большими глазами говаривала девочке: «Ну как же ты могла их потерять? Как ты их выронила? Я же их дала тебе в руки». Девочка горестно хныкала: «Я их выронила из рук не знаю как».

На шаре над воротцами сидела галка с круглым глазом в жемчужном ободке. Галка сидела с таким видом, как будто ей именно здесь надлежит сидеть, навсегда посажена, как и шар.

Средневековая Климентовская церковь в Новой Ладогe, худо, то есть никак не сохраненная, чуть подновленная, достойна отдельного долгого обзирания-обдумывания... Я вошел в открытые ворота на церковное подворье, примыкающее к кладбищу. Две женщины молились на церковь, вкрадчиво мне объяснили: «В ворота входить нельзя, в них вносят покойников в церковь на отпевание. Входить надо в калитку». Я поблагодарил богомолка за наущение, вышел в раскрытые ворота, вошел в калитку. Кладбище в Новой Ладогe на высоком берегу Волхова вплоть до канала, а с другой

стороны город, расширяться некуда. На кладбище множество подолгу живших русских людей.

Живу в гостинице районной, каналом старым окаймленной. Невдалеке кричит петух. День до рассвета не потух. Цветут раскидистые липы. На небе чайные всхлипы. Темна канальная вода. Неизрекаема беда. Может быть другая концовка: «А где насущная еда?». По словарю Брокгауза в 1896 году в Новой Ладогe было 12 питейных, 86 торговых заведений, при населении 5087 человек. Ежегодная Успенская ярмарка – на Успенье – собирала чуть не всю торговую Россию. Нынче в Новой Ладогe единственная точка, где можно заморить червя, заложить за воротник, в помещении бывшего ресторана «Волхов», теперь безо всякой вывески: и так все знают.

Гостиница «Радуга», в коей я проживаю, куплена неким господином из «новых русских»; в гостинице удобства общие, стены такие, что слышен мышинный писк в соседнем номере; шаги дежурной на первом этаже, как шаги командора. По счастью, мышей нет, я единственный постоялец в отеле. В последний раз, года четыре назад, платил за номер 1 р. 30 коп., нынче тысячу. Посчитайте, во сколько раз... ну, и так далее, это скучно. И... снова замерло все до рассвета, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь... Только не бродит одинокая гармонь в нашей притихшей провинции.

В последний раз я был в Новой Ладогe как государственная фигура: баллотировался в депутаты Верховного Совета СССР. А?! Не фунт изюму?! Как кандидат я выступал перед избирателями в библиотеке, в обстановке наиболее мне благоприятной, в окружении знакомых книг, надписывал экологический альбом с моим текстом «Ладoga. Пока не поздно». На встречу пришли книгочеи, и разговор получился больше литературный. Теперь мало кто помнит о тех давних выборах в некогда бывшем государстве. В нашем округе победа досталась темной личности. Вскоре после выборов все убедились, увидели на экранах телевизоров: темная личность. А среди кандидатов (нас было двенадцать душ) предлагали себя приличные, обладающие разумом, опытом, волей, люди. На последующих выборах-референдумах наверх опять же выходили темные лошади; куда они нас завезли, мы знаем. Очевидно, так будет и впредь: такова особенность русского человека, приходящего к избирательной урне (и наговаривающего ящика телевизора).

За меня тогда отдали голоса четыре процента избирателей в нашем округе. После мне докладывал Иван Текляшев: «Мы-то с Марьей за тебя голосовали, я и другим говорил: «Этот хоть ошивается в наших местах, везде ходит, знает, что и как».

В тот мой приезд в Новую Ладогу, в ранге кандидата в нардепы, заместитель председателя рыбо-ловецкого колхоза имени Калинина Суханов вы-

писал всей нашей команде по толике рыбы по госцене. То есть он выписал на имя рыбаков, которым причитается от улова, а мы получили по судаку. С ладожской рыбой всегда была какая-то иррациональность: колхоз ежегодно сдавал государству 5000 тонн рыбы, а мы ее и в глаза не видели. Теперь и подавно концы в воду, да и цены на рыбу стали тысячные.

Иду в Новой Ладогe по проспекту Карла Маркса... Раньше ходил и хоть бы что, а сегодня идти по карлу-марлу все же как-то поганно. Свернул за угол: ул. Урицкого – тьфу, пропасть! далее Володарского, Советская. А это что такое? Табличка на набережной старого канала: «Пролетарский к-л». Канал-то петровский, сам Петр Великий первую землю из ложа канала вынул, на тачке вывез – документально зафиксировано, дело было 22 мая 1709 года. А руководил прорытием канала, сооружением шлюзов не кто иной, как Ибрагим Петрович Ганнибал, прадед Пушкина. И это надо же было додуматься обозвать Петровский канал – пролетарским.

В средние века на месте Новой Ладоги, при впадении Волхова в Ладожское озеро, был Никольско-Медведовский монастырь. Петр Первый в 1704 году повелел заложить Новую Ладогу как центр округи: побывал в устье Волхова, постоял на берегу пустынных волн и далее все, как у Пушкина, только город поменьше Санкт-Петербурга и совсем без немцев, без двенадцати языков, ну до того русский (в низовьях Волхова сохранились следы обитания славян VII – IX веков), даже без вепсов.

В середине XVIII века Суздальским полком, расквартированным в Новой Ладогe, командовал Александр Васильевич Суворов; построенная им полковая церковь сгорела в 1988 году, в ней помещалось лакокрасочное производство.

Ну как тут не схватиться за волосы, которых уже и нет, как не завопить благим матом: кто мы такие? откуда мы? куда зашли? куда нас завели Урицкие с Володарскими, а нынче эти – как их?

Некогда богатый рынок в Новой Ладогe – ну да, колхозный, какой же еще? – нынче не существует; несколько тетенок торгуют пионами, укропом, сигаретами «Луч». «Что с нами будет?» – этот вопрос в выражениях лиц местных провинциалов, равно и приезжих. На лицах можно прочесть и ответ: лица выражают привычную ко всему покорность с чуть заметной гримасой недоумения: за что?

И вот я иду из столовой рыбоколхоза по мосту через новый канал, мимо кладбища и церкви, в гору... Меня догоняет местный мужик с как будто выкопченной – до черноты загорелой шеей, таким же клином груди в расстегнутом вороте рубахи. Очевидно, рыбак: ладожский солнечный ветер выдубил-прокопчил его кожу. У мужика длинные, взлохмаченные, как береза на ветру, волосы,

добрее, как у большого пса, лицо, с постоянной разумной ясностью в светло-серых глазах. Мужик слегка навеселе, то есть опохмелившийся, поскольку первая половина дня, загуливать всерьез рановато. Он меня догоняет, дает мне руку, представляется: «Слава». И далее следует монолог-явление уникально-русское, в провинции сохранившее чистоту жанра, откровенность душеизлияния, Славе нужно было выговориться, своим он уже все сказал, все его слышали, а я по виду приезжий.

После краткого представления друг другу Слава мне доложил, что ходит на лов мотористом, что ему пятьдесят семь лет, уже на пенсии, но его попросили, и он пошел в колхоз; всю жизнь рыбачил на Балтике... Слава поднял кулак, показал мне: «Вот, сорок два года и все вручную». Я также узнал от моего новолодожского знакомого, что рыбу сдают в колхоз только самую ничтожную, окушков с плотницами, а так всю пускают налево, слева очередь за рыбой... И многое другое.

Сразу оговорюсь: «Слава» у меня лицо собирательное, написанное в итоге встреч с несколькими новолодожскими рыбаками, однако реплики, положения и прочее подлинны.

– Раньше бабушка вынесет окушка продать, – делился со мною Слава тем, что у него наболело, – к ней сразу милиция: разбазариваешь народное достояние... А теперь разрешили. В бригадах рыбаки так рассуждают: колхоз нам горючку не дает, краску не дает лодки красить, и мы ему рыбу не дадим. А заработок: вот возьмите на рыбоприемном судне, капитан получает тринадцать тысяч, матрос – пять тысяч рублей. На такие деньги можно прожить, да еще с семьей?

Мне пятьдесят семь лет, – напомнил Слава, – мне скоро помирать. Я в партию не вступал, а когда на мэрэске плавал, был секретарем комсомольской организации. А в партию не вступал. У меня отец сорок четыре года в партии, три войны прошел, он мне говорил: «Партии не верь, она обманет». Я необразованный, а вот вы скажите, как же так, там наверху все из партийных верхов и все перекрасились? И этот осинноголовый...

Новое для меня слово «осинноголовый», то есть голова – осиновая чурка...

– Вы скажите, как же так, – обращался ко мне с вопросом, но не дожидаясь ответа Слава, – посмотришь их по телевизору, все образованные, у всех ученые степени, а один одно говорит, другой ему поперек. Как же так? Я необразованный. Я с вахты приду, мне сын говорит, он у меня в парашютно-десантных войсках в Таджикистане служил: «Папа, опять ты выпивал. Ты скажи, куда мы идем? Что с нами будет?». Я говорю: «Меня угостили после работы». Ответить мне ему нечего. Мне пятьдесят семь лет, я скоро умру.

Мне тоже нечего было ответить Славе, я перевел разговор на другое, местное:

– Скажите, Слава... как вас по батюшке?

– Вячеслав Александрович.

– Вячеслав Александрович, что вы можете сказать о вашем председателе Суханове? Почему вы его опять выбрали? Он же двадцатого года рождения...

– Он на Ельцина похож, – все так же спокойно, ясно, разумно глядя, сказал Слава. – Тот наобещает и в кусты и этот... Не хотите по сто грамм принять?

По-видимому, в этом состоял главный пункт Славиной прогулки по липовому, кленовому, березовому, пахнущему цветущей персидской сиренью, древней водой каналов Волхова, Ладоги его родному городку.

– Это можно, – легко согласился я.

Мы поднялись в ту самую точку без вывески. Буфетчица Аннушка налила нам, с улыбкой озабоченная, чем бы лучше закусить. За столом продолжалась беседа, то есть Слава длил свой монолог. Все приходящие знали Славу, подсаживались, вставляли свои суждения. Слава показывал кулак, вполне достойный уважительного к нему отношения, как будто сам удивлялся:

– Сорок два года вкалывал и все вручную! Когда из армии пришел, во мне было сто двадцать килограммов. Не пил, не курил. Мне в армии как некурящему семьсот граммов сахара давали. В детстве в детдоме в Вышнем Волочке доходяга был, а из армии пришел – сто двадцать килограммов во мне было.

– Как можно поделить Черноморский флот? – вскрикивал подсевший к столу Славин товарищ, тоже рыбак. – Это же не по кораблям, не по железу, по душам людей резать. Кто из русских пойдет служить Кравчуку – этому партократу?

– Это же потеха, – встревал другой Славин товарищ, – как они тогда Белый дом защищали, Ельцин с Ростроповичем и с Галиной...

– Надо было им, гэкачепистам, взяться порешительнее и рубануть, – предлагал свою версию исторического развития третий товарищ. – Их Горбач предал, меченый, они на него понадеялись...

Наш неспровоцированный застольный митинг был скоротечен: Славе предстояло идти в озеро на лов. Мы расстались, очень довольные нашей короткой душевной смычкой. Тем более что наш митинг с его оппозиционным радикализмом никому из участников не грозил оргвыводами: что ни говори, а у нас свободное демократическое государство.

Теперь о Суханове.

Когда Суханова сместили с председательского поста, у него появилось время, и он приналег на огородные культуры, особо на помидоры. У него дом,

огород – все большое, как сам хозяин. Бывало, приеду к нему, он обязательно поведет на плантацию, в теплицы; на рослых стеблях красуются томаты, и круглые, и яйцевидные, желтые и алые. Особенно хвастался хозяин помидором «бычье сердце», при этом вздымал указующий перст, произносил монолог: «Вот видишь? Все выращено на нашей земле, на супеси и суглинке. Наша земля все может родить, если к ней приложить руки и разумение. Вот эти руки. Уловил?». Мне представлялось, что первый рыбак на Ладогe может обрести второе дыхание как образцово-показательный огородник. Накормит Новую Ладогу томатами.

Осенью 1991 года рано утром у меня дома раздался звонок, женский знакомый голос донесся издали: «С вами будет говорить председатель колхоза Калинина Алексей Николаевич Суханов». Я не успел изумиться, в трубке загредело: «Я принял колхоз. Народ меня выбрал. Приезжай. Напишешь о рыбаках. Проблем много». В голосе Суханова преобладала надо всем торжествующая нота.

Суханов меня пригласил, однако я не поехал: писать-то некуда, не во что, и если раньше проблемы решались через печатное слово, для того и писали, то нынче хоть волком вой, никто не услышит. Но приглашение оставалось в силе, в сознании то и дело зажигалось: «Суханов». Как-то проснулся, и будто кто мне шепнул: «Пора, а то будет поздно». Вскочил как встрепанный, помчался на автобусный вокзал, взял билет на ближайший – тихвинский – автобус, до Юшкова...

В тот день Суханов уехал в Питер, по вызову в прокуратуру, в связи с замором рыбы... А дело такое (излагаю его по версии Суханова): пошла на нерест ладожская корюшка, шла себе и шла, ловилась в колхозные мережи, торговцы охотно брали крупную, мелкую не очень. 29 – 30 апреля температура воздуха поднялась до 25–26 градусов, соответственно прогрелся верхний слой воды. Мелкая корюшка как оголтелая всей громадой поперла в места нерестилищ. В бригадах колхоза загодя были поставлены большие мережи, и так они забились, огрузили, хоть кричи караул. Не вытащишь рыбу живую, протухнет в воде, и нерестилища погибнут. Вытащили. А дальше? Рыбокомбинат не взял: подорожала жестянка для банок, консервировать невыгодно. Рыбоохранилища забиты океанической рыбой. Суханов давал телеграммы: и Собчаку, и в Новгород, и в Тихвин: берите корюшку, почти дарма. Только военные откликнулись – спасибо! – а так все отказались: дорого вывозить. «Семьсот тонн корюшки закопали в землю – на удобрение, – сказал мне Суханов, – если так дальше пойдет, такое соотношение цен, будет голод».

На другой день Суханов уехал в Усть-Нарву, где

у колхоза база и флот. То и другое прибрали к рукам эстонцы.

На третий день пребывания в Новой Ладогe я пришел домой к Суханову, он сидел на кухне за обеденным столом, такой, как всегда, грохнул ребром ладони по столу: «Ты на какой позиции?» – «Будьте благонадежны, Алексей Николаевич, на правильной». Мы пообсуждали наши позиции (кем-то замечено: где двое русских, там четыре партии), сошлись на том, что оба – на русской позиции. Суханов заверил, что колхоз пойдет социалистическим путем (хотя акционирован), что спекуляции народным добром он не допустит. Разливая щи по тарелкам, хозяйка вставила: «Вы проговорите, а колхоз растащат».

Хозяин по обыкновению посвящал меня в важные для него моменты собственной судьбы, всегда совпадающие с моментами общественной ситуации:

– Излагаю тебе мою биографию с того места, на котором – помнишь? – остановились. Должность заместителя председателя колхоза, которую я занимал, упразднили, выходить на работу не надо. Директор рыбокомбината позвонил: «Есть для тебя место, выходи». Я вышел... Помнишь, я тебе показывал пруды у нас вырыты под карпа? Я звоню в Киев Анатолию Сидоровичу Стеценко, по старой памяти, номер его сохранился, у него в свое время молодь брал, там это дело отлажено. Говорю: «Помнишь, Анатолий Сидорович, это Суханов?» – «Ты еще на месте?» – он меня спрашивает. Я говорю: «На месте. Продай мне молодки карпа». Он говорит: «Пораньше бы позвонил». Я ему: «Такое дело, Анатолий Сидорович, по старой дружбе, позарез надо». – «Ну ладно, – он говорит, – присылай рыбоведа». Послали молодого человека в Киев на улицу Подлиповую, дом 13, Стеценко отгрузил карпа – и вагоны нашлись под рыбу; молодой карп в наши пруды запущен; съездим, я тебе покажу.

Так все было, как в рассказе Алексея Николаевича о карпе, или не совсем так, не знаю. Его рассказ более походил на мечтание о невозвратном времени, когда можно было съездить на Украину и обрыбиться.

– В это время, – продолжал хозяин, – председатель колхоза Панфилов подал заявление об уходе... Ну, хорошо. В колхозе общее собрание в доме культуры – выборы нового председателя. И я подал бумажку, чем черт не шутит. Сначала было семь претендентов, потом пятеро отпали, двое осталось: я и один из наших судоводителей – хороший мужик, но хозяйства не знает. Я получил на пять голосов больше. Меня выбрал народ. Уловил? Ну, ладно. Проработал почти два года, мне говорят: отчитайся на общем собрании – и опять выборы председателя. Я отчитался, меня опять народ выбрал.

– Вы выбираете, а колхоз растащат, – заметила хозяйка, подавая второе.

Попили чаю, я пошел на автобус, ясности у меня не было, что станется дальше – с колхозом, Сухановым, ладожской рыбой, со мной и с тобой, неведомый мой читатель. Да и есть ли ты?

В том, что старого Суханова переизбрали председателем в наши окаянные дни, сказало прежде всего мечтание выбиравших об утраченном времени, о хозяине делу и жизнеустройству. Сколько тому примеров в разных сферах и, как говорится, регионах! Люди истосковались по хозяину – не рущащему до него сделанного, не запускающему руку в общий котел, а созидающему. Любимая присказка у Суханова: «Хозяйство вести – не портками трясти».

В течение нескольких лет, то есть все то время, что я проводил мои летние каникулы в вепском лесу, группа ученых института космоаэрологических съемок, а также специалисты Госкомприроды, Ленинградского НИИ лесного хозяйства работали над проектом национального парка «Вепский лес», проводили аэрофотосъемку, обследовали Вепскую возвышенность, размышляли о том, как сохранить природу в местах обитания вепсов в Тихвинском, Лодейнопольском, Подпорожском районах Ленинградской области.

Один из авторов проекта Татьяна Александровна Попова показала мне кальки будущего парка: в просторном ареале выделены заповедные места, закрытые для какой-либо деятельности и посещений, – уникальные вепские ельники, болота, тайга, озера в долине Ояти; на всей остальной территории привычная деятельность не возбраняется, кроме рубки леса. Деятельность регламентируется статусом национального парка, ну и, разумеется, туризм, туризм, туризм. Общая площадь парка 2600 кв/км, в него войдут обе мои деревни: Нюрговичи и Чога; на кальке хорошо видно, что от Чоги до Нюрговичей по прямой не так далеко, и все ельниками, болотами, два озера переплыть: Долгозеро, Капшозеро – наше Большое, там дачник Лев перевезет... И так захотелось пожить в национальном парке... Но будет ли парк? Когда приступали к проекту, все представлялось осуществимым: национальный парк – образование некоммерческое, культурно-

экологическое, гуманитарное – по плечу сильному государству, коего нет.

И вепсы глухо сопротивляются: пущен слух, что при парке не пустят в лес по грибы-ягоды, не дадут ловить рыбу... А без парка? Выйдешь за Сарозеро («сар» по-вепски еловый лес) и тошно станет: пусто, куда ни глянь, все вырублено, испакошено, на месте вепской тайги завалы лесного хлама. Узенькая кулиса осталась – дорубиться от лесопункта Курба до Большого Озера; еще несколько лет так порубят, и не о чем станет печься: на вырубках национального парка не заложишь.

Из чего исходили, приступая к проекту национального парка «Вепский лес»? А вот посмотрите на карту северо-запада, вот Ленинград, здесь зона экологического неблагополучия; к востоку – в Приладожье, в междуречье Волхова и Сяси, до Тихвина и дальше леса сведены. В более-менее нетронутом виде природа сохранилась на Вепской возвышенности, в верховьях Паши, Капши, Ояти, в Тихвинском, Лодейнопольском, Подпорожском районах Ленинградской области, Вытегорском, Вологодской... Далее – зона воздействия Череповецкого металлургического комбината, от природы остались рожки да ножки, нечем дышать. Здесь единственный зеленый оазис на промышленном северо-западе, наши легкие... Если мы их спасем...

Татьяна Александровна Попова, милая, интеллигентная, ученая печальная ленинградская женщина сказала мне на прощанье: «Если бы мы с вами встретились в 91 -м году, тогда все было легче, идея национального парка находила понимание, и средства находились, нас поддерживал Яблоков, а теперь...».

Я вышел на стрелку Васильевского острова... Рекламные щиты приглашали покурить «Мальборо», «Кэмел», настойчиво предлагали «Тест Вест», то есть попробуй курнуть «Веста». Мимо на дикой скорости с ревом проносились «мерседесы», «вольво», «БМВ», еще какие-то капсулы и коконы. Хотелось сказать кому-нибудь: «Перекурили, господа, и будет. Давайте о чем-нибудь задумаемся, ну, хотя бы: чем будем дышать?». Но сказать было некому.

На сходе к Неве, под парашютом удильщики забрасывали донки, ждали поклевки. Летел тополиный пух. Как прошлогодний снег.

Санкт-Петербург

Василий ДЕНИСЮК, академик ПАНИ

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА!

Я Вас помню, ребята, всех помню!!!
Слыша неба далёкий звонок...
Сколько ж было и громов, и молний
С той поры, как был первый урок?!

А потом наступил и последний
Подарила нам юность судьба...
И невест, из губерний соседних
Мы везли посадив в поезда!

В летний зной и зимою колючей
Тут и там пели свадьбы вокруг...
И не знали мы радости лучше,
Если был счастлив в жизни наш друг!

Но потом, годы всех разбросали
Судьбы разные встретили нас...
Может что-то мы не доказали
В тот прощальный наш жизненный час!

И сейчас, сквозь года расставания,
У меня ещё всё на устах

Те слова, что тогда, при прощаньи
Мы держали, стесняясь, в сердцах!!!

Будьте ж живы и счастливы все Вы!
Те, кто юность со мной разделял...
Те, кто отчего края напевы
Словно мать свою не забывал!!!

Чернобыль

Не мало уж лет позади
Беде той, что с Адом сравнится.
Но всё, ещё где-то, поди,
Она четверть века нам снится!

И день тот апрельский опять
Встаёт, словно память живая...
Нельзя нам из сердца прогнать -
Где стыла беда роковая!!!

Земля, Украинская, – знай!
Досталось тебе, как и многим...
Покрыл атом твой отчий край!
Леса и поля и дороги!

Но подвиг народа живёт
Их подвигу мы сердцем внемлем!
Их смелостью был загнан тот
Навечно зверь – атом под землю!

Беда отодвинулась прочь
Усталость прошла, позабылась...

И, кажется, минула ночь
И, кажется, всё это снилось!

Но мир не забыл о беде
О наших героях... и вдовах...
Пусть только запомнят все те,
Кому дорог мир про Чернобыль!

«Я всё могу простить...»

В наш век, сейчас, – огромных скоростей
Я научился многое прощать...
Но вот не понимаю, хоть убей,
Как можно зло таить и предавать?!

Как незаметный взмах, пожатья рук,
Улыбку и доверчивость лица,
Запрятать так под подлый сердца стук,
Чтоб не заметили в тебе все подлеца?!

Я всё могу простить, пока живу,
Всю суету, где счастьем места нет...
Но никогда я не прошу тому,
Кто предал Доброте моей в ответ!!!

Эдуард Кузнецов

Колокол

Льется бронзовым голосом колокол
Но потом – тишина, тишина...
Я тот звон полюбил ещё смолodu
Восхищала меня старина!

Ночь длинна, в январе, день же короток,
Но звенит, оглашая всю Русь,
Этот сердца поющий в нас колокол
Навивая, – то радость, то грусть!

Многословен, басит он, волнителен,
Божьим гимном звон этот бы звал...
На Руси много бед мы повидели,
Но, а с ними, наш народ, побеждал!!!

И теперь, когда всё уж по-новому,
Я прошу у церковных отцов, –
Пусть, хоть раз в день, нас радует колокол,
Как весенний день светлый скворцов!!!

Читайте!

Ещё немного и скажу открыто:
«Уйдёт в забвенье славный русский стих...
Поскольку вся поэзия забыта
И вовсе не из-за проблем других!

Не будет ни Есенина, ни Блока
И не родится новый, славный Фет...
Уйдёт навеки с этою эпохой
И слово в мире вечное – ПОЭТ!

Нет, я не писsemист, не предсказатель,
Я, просто, – очевидец наших дней...
И, если видит сверху нас Создатель,
Ему за нас, наверно, всех больней!

Поэзия – всегда была на свете!
Она – наш воздух, мысль и наша кровь...
Она, нам солнце всем нам в мире светит
И вечно воспекает нам любовь!

Не оставайтесь, я прошу Вас, люди,
Бездушными к поэзии, хоть миг!
Читайте! И мы вновь – Россией будем!
А без неё – ну кто, скажите мы?!

Николай КОНЯЕВ

В ОЖИДАНИИ ПЕРЕПРАВЫ

Возле паромной переправы, на катушке от шлангов сидели девушки и мотали ногами, а возле них топтались заречные парни.

Все они обсуждали и никак не могли решить – то ли им ехать на другой берег и выпить в «Русалочке», то ли вначале вмазать здесь на берегу, а потом уже и ехать...

Решить этот вопрос было не просто, потому что нагруженные смыслом слова почти не различались в густых зарослях матерщины.

– Е-ма-е, поедем, та-та-та, оттянемся, та-та-та...

– Та-та-та... Можно... Та-та-та... здесь... Та-та-та... Вмазать...

– Ты совсем, та-та-та... из горла, та-та-та?

– Вы та-та-та... Трезвыми еще два часа та-та-та...

Отдыхать та-та-та, когда будем?

– Вы бы, ребята, аккуратнее выражались... – попросил, наконец, старик, сидевший на валуне недалеко от меня.

– Счас... – сказал прыщеватый парень, как-то нагло похотевший на Есенина. – Привыкать, та-та-та, дедуля, в твоём возрасте надо... Жизнь не одни только пряники...

– Эх... – вздохнул старик. – Да если бы я к матерщине, парень, привычнее был, меня, может быть, и живого бы тут уже не присутствовало...

– Не надо, дед, та-та-та, лепить! Нам матерок, можно сказать, та-та-та строить и жить помогает, а ты глупость та-та-та сморозил...

– Не знаю, внучек, глупость это или что еще, а только так и было... – сказал старик. – Если б как ты привычным был к матерщине, точно бы и не жил уже...

– Ты чего, дед, та-та-та... – поддержал своего кошелька парень, взгрозившийся с ногами на катушку от шлангов. – Чего ты, та-та-та, гонишь?

Старик не стал отвечать, но тут уже заинтересовался и я.

– Расскажите... – попросил я. – Что это за история такая...

– Какая история! – отмахнулся дедок. – Недоразумение одно... В общем, отвели нас тогда с передка, но не в тыл, а так, тут же за передней линией... Но для нас и это ведь радость... В бане помыться, в сухом блиндаже спокойно посидеть... И вот и попал я в блиндаж с отчаянными матерщинниками... Они, конечно, не как вы, ребята, матерились, а со смыслом, со значением, но все равно посидел я полчаса и чувствую, что дышать трудно стало... Ну не стал я критику разводить, потихоньку выбрался из блиндажа... А там дождь льет... Встал я под деревом и сам на себя злюсь, ну за что я человек такой несчастный... Завтра опять в окопы... Может, последний раз выпало в тепле посидеть, а я вместо этого под сырой елкой от холода трясусь... И вот понимаешь, думаю я так, а вверху над головой прошипел снаряд и – бух! – прямо над блиндажом взрыв встал. Когда я подбежал туда, от моих друзей-сотоварищей только кровавое месиво по поляне... Нога чья-то в сапоге валяется, рука... А прямо на дорожке голова нашего старшины. И глаза открыты и прямо на меня смотрят... Ну, потом собрали мы всё это и в одной братской могиле и схоронили...

Старик замолчал...

НИКОЛА ХЛЕБНЫЙ

Как войдешь в храм – справа, на стене, образ Николая-Чудотворца. Лица почти не различить – буровато-коричневой темнотой запеклись краски! – но глаза добрые и живые смотрят прямо на тебя...

И меня сразу потянуло к этому образу. Что-то простое и надежное было в нем и необходимое, как в куске хлеба.

– Так это и есть Никола-хлебный... – пояснила мне монахиня.

– Никола-хлебный? – удивился я. – Первый раз про такую икону слышу.

– И мы не слышали, пока ее не принесли... – сказала матушка и выдвинула вделанный в киот ящичек для свечей. – Смотрите...

В ящичке лежали узкие, казенные полоски бумаги...

Странно дело....

Мои родители долгие, бесконечно долгие годы жили с хлебными карточками, но в чердачном хламе нашего поселкового дома попадались порою неиспользованные билеты в кино, талоны на мануфактуру, даже вышедшие из употребления мелкие денежные купюры, но карточки на хлеб – никогда.

Сами карточки я увидел сейчас впервые, но почему-то сразу узнал их...

Одна карточка была выписана на имя Елизаветы Ефимовны Хмелевой, ей полагалось получать в ноябре 1941 года по 400 граммов хлеба. Вторая –

на имя Марии Петровны Павловой, получавшей в ноябре 1941 полную норму – 800 граммов.

Ноябрьскими карточками и Елизавете Ефимовне, и Марии Петровне довелось попользоваться всего несколько дней. 16 октября немецкие войска начали наступление в направлении Грузино–Будогоща, и 8 ноября овладели Тихвином, пытаясь сомкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда.

– Не знаю... – покачала головою монахиня в ответ на мое предположение. – Женщины, которые образ этот церкви пожертвовали, немножко другую историю рассказывали.

– Какую же?

– Так они ведь и напутать могли... Сами-то только от взрослых и слышали...

– А вы расскажите все-таки, что они говорили...

– Да всё так и было, как вы говорите. И немцы наступали... И еды в оккупации никакой не стало – ведь эти карточки немцы не стали отоваривать... В общем, поплакала Елизавета Ефимовна и – это ей и принадлежал образ! – засунула свою хлебную карточку в свечной ящик. Помолилась Николаю-чудотворцу и спать легла. А утром смотрит – под иконой на столике кусок хлеба... А тут как раз соседка зашла, Мария Петровна...

– Это ты, Маша, хлеба принесла? – спросила у нее Елизавета Ефимовна.

– Нет... – ответила та. – Сама третий день без хлеба сижу...

Рассказала ей Елизавета Ефимовна о чуде, и Мария Петровна упросила, чтобы она и её хлебную карточку в свечной ящик положила...

– Вот так и прожили женщины оккупацию... – завершая рассказ, проговорила монахиня. – Как уж получалось это – неведомо, а только выжили... Они рассказывали потом, что это Никола-хлебный и кормил их. Недолго, правда, и были-то в оккупации... Месяц всего. Уже в декабре освободили наши войска Тихвин...

Монахиня перекрестилась, взяла полоски бумаги из моих рук и бережно вложила в свечной ящик.

– Силою, данную ти свыше, слезу всяку отъял еси от лица лютестрадающих, Богоносне отче Николае... – тихонько запела она. – Алчущим бо явился еси кормитель...

– Радуйся, хлебе неснедаемый алчущих... – прошептал и я, осеняя себя крестным знаменем, перед этими светящимися из темно-коричневой, хлебной теплоты глазами Святителя. – Радуйся, Николае, великий Чудотворче.

Санкт-Петербург

Светлой памяти академика ПАНИ ИЛЮХИНА ВИКТОРА ИВАНОВИЧА

Скоропостижно скончался выдающийся государственный деятель России, депутат Государственной Думы РФ, выдающийся юрист, борец за процветание нашей Родины, академик Петровской академии наук и искусств Илюхин Виктор Иванович.

Президиум Петровской академии наук и искусств выражает свое искреннее соболезнование семье Виктора Ивановича, друзьям и соратникам.

Светлая память патриоту России, Виктору Ивановичу Илюхину.

Оксана КУКС

«СМОГУ ОБНЯТЬ КОНЯ КРУТУЮ ШЕЮ...»

* * *

В забытом храме встану у порога
И подойду тихонько к алтарю –
Я так давно хочу спросить у Бога:
«Спаситель, есть ли лошади в раю?»

Ведь этой жизни лучшие минуты
Я провожу, наверное, в седле.
Пусть это странным кажется кому-то,
Нет ничего прекрасней на земле
Безумной скачки, мощи и напора,
Трёхтактной дроби кованых копыт,
Шального ветра, воли и простора,
Да горизонта, что к себе манит...

Дороги лента все бежит куда-то
Среди лугов, туманов и дождей...
Поверьте, люди, я не виновата,
Что родилась влюбленной в лошадей.

А конь губами трогает ладони,
В траве роса алмазами блестит,
И целый мир в глазах лиловых тонет,
И пряди гривы солнце золотит.

Возможно, мы судьбу не выбираем,
И свыше дан огонь души моей...
Прости, Господь, но мне не надо рая,
Если в раю не будет лошадей...

РОМАНТИКАМ

Среди чужих неведомых миров,
Перешагнув рубеж тысячелетий,
Хранят Надежду, Веру и Любовь
Романтики, живущие на свете.

Они гоняют в небе голубей,
Взбираются на горные вершины,
Седлают быстроногих лошадей,
Рисуют необычные картины.

Награда им – простор родной земли
И красоты незыблемая вечность.
Они уводят в море корабли
И бороздят пространства бесконечность.

Им иногда не спится по ночам,
И тишину вселенскую нарушив,

Они вверяют струнам и свечам
Огнем любви отмеченные души.

Пусть их сердца волнует стук подков,
И дует в паруса попутный ветер.
Я твердо верю: не умрет Любовь,
Пока живут романтики на свете...

* * *

О дороге бесконечной мечтая,
Застоялся вороной мой горячий.
Ранним утром я его оседлаю,
Отправляясь в дальний путь за удачей.

Небосвод блеснет последней звездой,
Растворятся голубые туманы.
Ивы ветками качнут над водою,
Изогнув свои упругие станы.

Обгоняя разгулявшийся ветер,
Конь умчит меня по росному лугу
В искры солнечных лучей на рассвете
К загадочному далекому другу.

Новый день откроет двери надежде,
Дробь копыт со стуком сердца сольется...
Как мне жаль, что это все, как и прежде,
Лишь несбыточной мечтой остается...

* * *

Наступит ночь. Реальность растворится
В одном и том же бесконечном сне.

И вновь душа уставшая умчится
В шальной простор на диком скакуне.

Пьянящий ветер заврачуе раны,
Глотком свободы сердце исцелит,
И в легкой дымке звездного тумана
Растает стук некованых копыт.

* * *

Живу, надежду робкую лелея,
что где-то за последнею чертой
смогу обнять коня крутую шею,
купая пальцы в гриве золотой...

* * *

Твоим точёным силуэтом
Любуюсь в отблесках заката.
Ты прилетишь ко мне с рассветом,
Судьбой подаренный когда-то.

Крутой изгиб атласной шеи,
Шальной огонь в глазах лиловых.
В округе нет тебя резвее,
Скакун горячий, мой бедовый.

Ты носишь косы в чёрной гриве
И ленту алую – от «сглаза».
За все года, что вместе были,
Ты не подвёл меня ни разу.

Для нас с тобой вся жизнь – дорога,
Да степь с высокими кострами.
Не просим милости у Бога,
Мы этот путь избрали сами.

Хмельной простор да буйный ветер,
Тугие травы, солнце... Воля!
Одна звезда нам в небе светит...
Я, как и ты, свободой болен...

Наступит ночь. Реальность раствориться
В одном и том же бесконечном сне.
И вновь душа уставшая умчится
В шальной простор на диком скакуне.

Пьянящий ветер заврачуе раны,
Глотком свободы сердце исцелит,
И в легкой дымке звездного тумана
Растает стук некованых копыт.

* * *

Эти кони неземной породы.
Совершенство, чудо из чудес.
Сплав порыва ветра и свободы,
Золото, сошедшее с небес...

Сотканные солнцем силуэты,
Тонких грив летящие шелка.
Им закаты, зори и рассветы
Расписали гладкие бока.

Стать гепардов, грация газелей,
Гордость и достоинство орлов...
Неслучайно древние воспели
Красоту текинских скакунов...

г. Новосибирск

Анатолий БЕЛИНСКИЙ

РУССКИЙ ХАРАКТЕР НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА

Странная, если не сказать – непостижимая судьба Николая Семеновича Лескова, 180-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. До тридцатилетнего возраста практически неизвестный в литературном мире автор Н. Лесков, он же – М. Стебницкий начал публиковать на страницах московских и петербургских газет статьи и очерки на самые различные темы. Хотя публикует он свои работы не в самых прогрессивных печатных органах, однако отношение к нему литературных собратий доброжелательное, и даже журнал «Современник» пишет о нем: «Мы думаем..., что при большей сосредоточенности и устойчивости своей деятельности, при большем внимании к своим трудам он найдет свой настоящий путь и сделается когда-нибудь силою замечательною...».

Но вот в 1862 году в газете «Северная пчела» появляется статья Н. С. Лескова о петербургских пожарах. Об этом событии А. М. Горький позже писал: «Летом 1862 года в Петербурге... кто-то пустил слух, что поджигают студенты. Лесков напечатал в газете статью, требуя, чтобы власть или представила ясные доказательства участия студентов в поджогах, или, не медля и решительно опровергнуть клевету на них. Легкомысленные люди истолковали статью так, будто бы именно Лесков приписывает поджоги буйному студенчеству. Он неоднократно опровергал это злостное недоразумение, но ему не поверили». Лесков на долгие годы в глазах прогрессивной общественности стал мракобесом. Этот несправедливый приговор терзал Н.С. Лескова всю жизнь, был постоянной незаживающей раной. Однако он не сломил ни самого автора, ни характера его литературных устремлений, ни его творческого метода.

Да, не сошелся с либералами строптивый автор. Одно время дружил со славянофилами, но тоже не сдружился. Приютили в своих изданиях консервативные журналисты – М.Н. Катков, В.П. Мещерский, но тоже вскоре заявили о Лескове: «Он – не наш!». Да и как мог быть «нашим» автор «Соборян», который называл всесильного прокурора Синода Победоносцева «Лампадоносцев»?..

Больше всего доставалось Николаю Семеновичу от либеральной общественности. Более того, с вы-

ходом в свет в 1864 году романа «Некуда» (о котором один литератор впоследствии сказал, что это – «книга мести и вызова»), положение писателя еще больше ухудшилось. Этот роман, в особенности во второй, «московской» части, заполнялся изображением личных семейных передраг, карикатурными портретами персонажей, за которыми легко просматривались живые современники – преимущественно из тех, кто числился «прогрессистами».

Именно в этом году Д. И. Писарев написал о Николае Лескове: «Меня очень интересуют два вопроса: 1) найдется ли теперь в России, кроме «Русского вестника», хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого и подписанное его фамилией? 2) Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя поветями и романами Стебницкого?».

Через несколько лет Н. Лесков публикует новый роман «На ножах» – апогей авторского «озлобления». О романе этом автор впоследствии скажет: «По-моему, это есть самое безалаберное из моих слабых произведений». С появлением этого романа Николая Семеновича Лескова окончательно зачисляют в число ретроградов, едва ли не близкого к жандармскому отделению. Казалось бы, репутация Н. Лескова, как русского писателя, окончательно погибла в глазах прогрессивной общественности. На страницах периодических изданий его бьют и «правые», и «левые». Каждое новое произведение писателя, прежде чем попасть в печать, беззастенчиво уродовалось цензурой, светской и духовной. Великолепный роман «Соборяне» вызвал гневную реакцию высших церковных властей. В каждой новой повести, в каждом рассказе цензура находила враждебные мысли, а редакторы изданий предпочитали отказываться от произведений Лескова.

Справедливости ради следует сказать, что далеко не все крупнейшие писатели отступились от Николая Семеновича. Так, М. Салтыков-Щедрин спустя какое-то время после того, как Д. Писарев гневно клеймил Лескова, скажет, что консервативность воззрений романа «Некуда» не отличается устой-

чивостью и что в авторе видны несомненная «наблюдательность» и дарование. При этом гениальный сатирик зло говорил о «фарисействе», с которым либеральная печать ругала Лескова «за все», ругала сплеча, словно соревновалась, кто скорей заклеит этого автора. И еще долгие годы продолжали клеймить.

В свою очередь Лесков в отместку горит желанием ниспровергнуть все установки «нетерпеливцев-нигилистов», поколебать их авторитет. Но со временем он отходит от напряженно полемических романов, в которых сводил счеты с «нигилистами». Через год после «Некуда» он публикует «Леди Макбет Мценского уезда», затем «Воительницу». Уже намечены контуры романа «Соборяне» с монументальными фигурами дьякона Ахиллы и священника Савелия Туберозова. И «прогрессивная», и «консервативная» литературная критика все еще поругивает писателя, но уже признает некоторые достоинства его произведений. А из-под пера Лескова появляются один за другим такие шедевры, как «Очарованный странник», «Запечатленный ангел», «Железная воля», «Сказ о Левше», «Тупейный художник».

В 80-х годах имя Николая Лескова даже в глазах его прежних недоброжелателей теряет былую одиозность. К читателям приходят сборники рассказов и повестей, а затем и собрание его сочинений. Николай Семенович знакомится с Л.Н. Толстым, беседует и переписывается с ним, они ценят творчество друг друга, хотя и во многом не соглашались друг с другом. Становится ясно, что в лице писателя Лескова русская литература имеет первоклассного мастера. Правда, еще не всем это ясно, и многое еще ставится в упрек автору, в особенности его язык. Образованные критики-пуристы ругают его за употребление лесковскими персонажами «клеветонов», «буреметров», «смолевых непромокаблей». Все эти «ажидации», «толпучки», «милиатюрная» – автор создает при помощи приема контаминации: объединяются два понятия: «ожидание» и «ажитация», «толпа» и «толкучка», «милая» и «миниатюрная». Это характерно для живой речи не очень образованных людей.

Лесков говорил: «Меня упрекают за манерный язык в “Полунощниках”. Почитайте-ка философские статьи наших публицистов и ученых. Что ж удивительного, что на нем разговаривает у меня какая-то мещанка в “Полунощниках”? У ней, по крайней мере, язык веселый и смешной... Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям, схваченным на лету, в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и монастырях. Поработайте-ка над этим языком столько лет, как я».

«Этот язык, как язык “Стальной блохи”, дается нелегко, а очень трудно, и одна любовь к делу

может побуждать человека взяться за такую мозаическую работу. Но этот-то самый “своеобразный язык” и ставили мне в вину и таки заставили меня его немножко портить и обесцвечивать»

Попутно следует заметить, что, по моему убеждению, такой *абсолютный слух* к языку нашего народа имел, уже в другую, более близкую к нам эпоху, Андрей Платонов. И опять же, по моему убеждению, потому никакому подражателю Лескова или Платонова не удаются попытки писать так, как писали они: нет у подражателей такого слуха.

Стоит привести хотя бы несколько примеров языка Лескова.

«А мне хоть чтошеньки!».

«...Хват в три обхвата я-ля пузе!».

«У меня тельце было крепкое, просвирчатое».

«У нее ко всем понятиям развитие большое, а к науке совсем никакой памяти».

«Я могу по анатомии доказать, что у нее только желудок, а потом спина, и больше ничего нет!»

«...а у него рожа бургонская, потому что он не только от вчерашнего еще не прохладился, а на старые дрожжи еще много и нового усердия подбавил».

Можно бесконечно восхищаться языком Лескова в каждом его произведении, но вот этой чуткости к родному языку не понимали многие современники писателя, обвиняя его в выдуманности языка. Происходило это потому, что критика не видела и не принимала основного достоинства его литературного дарования. По-настоящему на это дарование обратил внимание А. М. Горький. Он говорил, что есть два рода писателей: один создает образы в своих произведениях пластически, то есть создает художественный портрет, рисует обстановку действия, пейзаж, достигая этим впечатления, когда читатель как бы воочию, зримо видит живого человека. Не таков Н.С. Лесков – он рассказчик. Все, что может получить читатель от такого писателя, достигается приемом устного рассказа, где персонажи возникают в читательском воображении только через язык рассказчика. Но уж в этом языке писатель достигает удивительной виртуозности не за счет того, что изобретает какие-то новые слова, а только передает то, как говорит народ. А народ у Лескова – это крестьяне, купцы, помещики, священнослужители, монахи, юродивые, интеллигенты. Но, чтобы писать так, – надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком.

«...публицистические рацеи, – утверждал писатель, – о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как саму свою жизнь, не штудировав ее, а живучи ею».

Лесков говорил: «Мои священники говорят по-духовному, нигилисты – по-нигилистически, му-

жики – по-мужицки, выскочки из них и скоморохи – с выкрутасами и т. д. Человек живет словами, и надо знать, в какие моменты психологической жизни у кого из них найдутся свои слова... Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юридивых и святош.

Эта особенность, этот дар Лескова-писателя наглядно видны при чтении его великолепной повести «Полунощники». Автор передает разговор двух женщин – молодой купчихи Аички и Марьи Мартыновны. Этих женщин не видно (они разговаривают в соседней комнате), но сами они, и те, о ком они говорят (о Клавдиньке, о старце, который потерпел поражение в разговоре с этой девушкой), читателю видны как бы наяву. Все это достигается великолепным разговорным языком: речь персонажей создает зримый живой образ.

В писателях Лесков ценил, прежде всего, собственный авторский голос, которым они говорят в своих произведениях от себя. Если такой голос поставлен правильно, то, как бы ни были скромны способности автора, возможна работа над ним и улучшение его качества. Но если собственного голоса у автора нет, то все персонажи у него говорят одним голосом, одним языком. Это все один и тот же человек, подающий одним и тем же языком различные реплики, переодевающийся в различные костюмы и не похожий, в конце концов, ни на себя, ни на других. Многочисленные герои у такого писателя стоят на ровной плоскости, вроде оловянных солдатиков, которых расставили для сражения, но сражения-то нет!

В «Изречениях в прозе Гете» Лесков подчеркнул курсивом следующие слова: *«Высшее уважение автора к публике проявляется в том, что он никогда*

не приносит того, чего ждут от него, а всегда *лишь то, что он считает нужным и полезным* на данной ступени своего и общего развития». Вместе с тем, Лесков подчеркивал: «Неверно понимающий и несправедливо воспроизводящий явления жизни писатель покидается общественным вниманием одновременно с тем, как он покинул жизнь».

О Лескове можно сказать, что ему не грозит такое забвение. Никакие превратности творческого пути не сломили его. Правда, был некоторый период после смерти писателя, когда о нем как бы стали забывать, почти не перепечатывали его произведения. Но не забыли, и, прежде всего, стараньем А.М. Горького, который неустанно напоминал о прекрасном знании Лескова языка русского народа, жизни народа, что у Лескова (равно как и у Бунина) молодому писателю нужно учиться знанию живого русского языка. Уже после Октябрьской революции в издательстве «Всемирная литература» в 1923 году вышел однотомник его повестей и рассказов. Появляются и другие издания. Я помню, как во время Великой Отечественной войны в «Библиотеке красноармейца» была напечатана его «Железная воля». В 60-е годы вышло 11-томное собрание сочинений Н. С. Лескова.

Всю свою творческую жизнь писатель создавал произведения, в которых воспевал замечательные качества русского человека. И потому в заключение хотелось бы привести такие слова великого кудесника русского слова Николая Семеновича Лескова:

«...снисхождение к злу очень тесно граничит с равнодушием к добру, и неспособность презирать и ненавидеть чаще всего живет вместе с неспособностью уважать и любить...».

15.02.2011 г.
Санкт-Петербург

Екатерина Геннадьевна НИКИТИНА

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

На сегодняшний день вопрос о патриотизме в нашей стране является одной из самых острых социальных проблем, затрагивающий все слои общества.

С утратой чувства патриотизма общество разлагается и расслаивается, составные части которо-

го живут по своим законам и нормам, нанося непоправимый вред единству государственной системы. После распада СССР Россия так и не нашла новой идеологии для своего дальнейшего развития, что негативно отразилось, прежде всего, на молодом поколении россиян. Поэтому принятие мер по ре-

шению вопроса о патриотическом воспитании современной молодежи необходимо решать на правительственном уровне. Одним из направлений по решению данного вопроса является формирование патриотизма средствами экранных искусств, важнейшим из которых является кино.

В советское время существовала целая государственная программа по формированию патриотизма у населения, вся советская идеология была основана на духе патриотизма, что нашло свое отражение во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в сфере культуры и искусств. На сегодняшний момент мы можем воспользоваться для достижения этой цели наследием той эпохи, одним из ключевых звеньев которой является кинематограф. Фильмы советского периода воспитывают силу духа и патриотизм. *Сегодня, когда сюжеты большинства российских фильмов и сериалов строятся на криминале, а главный герой без пистолета в руках уже не герой, необходимо остановиться, задуматься и вспомнить о том великом кинонаследии, которое оставила нам эпоха XX века.*

Сергей Эйзенштейн написал как-то о своей знаменитой картине «Александр Невский», вышедшей на экран в 1938 г., статью под названием «Патриотизм — наша тема». А в его фильме 1945 года «Иван Грозный» царь всея Руси гордо заявляет о цели своих деяний: «Ради Русского царства великого». Именно патриотизмом отличались не только названные выше фильмы, а и все остальные, выпущенные советским кинематографом. Потому они западали прежде и западают в души людей даже в наши дни, когда с экранов телевидения то и дело слышатся славословия в адрес богатой жизни «культурного» зарубежья.

Современное молодое поколение оказалось в чрезвычайно сложном переходном периоде, когда сломаны старые и не сложились новые ценности, и оно поставлено перед необходимостью самостоятельного и свободного выбора жизненного и нравственного самоопределения. Важным ориентиром в этом самоопределении молодежи могут и должны стать ценности культуры и искусства, а в особенности киноискусства, как самого массового, самого востребованного и самого доступного из современных искусств.

Патриотическое воспитание во всех странах является основой формирования чувства любви к Родине и собственного достоинства граждан, а кино — одно из самых мощных средств патриотического воспитания.

Рождение советского кино

С того момента в истории, когда возникло советское кино, главным для его создателей стала идея создания нового человека, который будет жить в

новом мире. И именно такого человека начал создавать кинематограф.

Слова В. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» — стали официальным лозунгом советского киноискусства.

В ряду новаторов советского и зарубежного кино одно из первых мест принадлежит Сергею Эйзенштейну. Созданный им фильм «Броненосец "Потемкин"» (1926) о революционных событиях 1905 года открывает список шедевров, выбранных из тысяч лент в результате международного голосования и признанных лучшими фильмами всех времен [12, с. 116].

Роль экранных образов народных героев в формировании патриотических чувств

С приходом слова кино значительно обогатилось в способах и методах раскрытия духовного облика человека. Современность требовала себе места на экране.

В картине режиссера Н. Экка «Путевка в жизнь» Н. Баталов сыграл роль воспитателя трудовой коммуны беспризорников Сергеева, одну из самых памятных для первых лет звукового кино. Превращение беспризорников в коммунаров, «невиданный опыт», как назвали его в картине, не был свободен от пропагандистского заказа, однако фигуры ребят оказались исполнены на экране такой жизненной достоверности, что итальянские мастера впоследствии посчитали «Путевку в жизнь» предтечей «неореализма».

Мысль о солидарности людей, разделенных границами, цветом мундиров и языковыми барьерами, лежала в основе картины «Украина» (1933) режиссера Б. Барнета. «Он не немец, он сапожник!» — эта фраза героини, девчонки Маньки, полюбившей пленного кайзеровского солдата, выражала идейный замысел и художественное своеобразие картины. Жизнь заштатного городка, казалось спрятанного от социальных бурь в глубинах Российской империи, была воссоздана на экране в богатстве подробностей и деталей, нередко окрашенных комедийной интонацией.

В эти годы зарождается звуковая кинокомедия, использовавшая опыт смежных искусств. Получившие всеобщую известность «Веселые ребята» (1934) режиссера Г. Александрова и композитора И. Дунаевского объединяли в яркое комедийное зрелище песенную лирику, эксцентрику и эстрадное искусство, представленное исполнителем главной роли Л. Утесовым и его джазом.

Успехи, одержанные на первом этапе становления советского звукового кино, имели международное признание. В 1934 г. в Венеции на «Международной кинематографической выставке» делегация СССР получила «Кубок за лучшую програм-

му»: в нее входили «Веселые ребята», «Гроза», «Петербургская ночь», «Окраина», «Пышка» и другие фильмы.

В Москве на праздновании 15-летия советского кино главным событием стал «**Чапаев**» (1934). Фильм Васильевых оказался в центре внимания зрителей и общественности. Гражданская война была представлена в кадрах и в системе образов как народная трагедия, в ходе которой люди оказались поделены на «белых» и «красных». Чапаев, сыгранный Б. Бабочкиным, представал на экране во всей сложности и противоречиях своего характера, продиктованных временем. Фильм наследовал опыт предыдущего этапа, соединял в себе достижения немого кино с возможностями звукового.

Мифология тоталитаризма включает в себя как неперемный компонент наличие *народного героя* — эталона, с которым может себя соотносить каждый. *Нужен был человек из народа* — всем понятный и всеми любимый, и в то же время способный перевернуть мир с ног на голову. Одним из таких героев стал Максим. В трилогии о Максиме (1934–1939) был создан центральный образ, вобравший в себя документальные свидетельства и традиции фольклора. Драматурги и режиссеры Г. Козинцев и Л. Трауберг и актер Б. Чирков в фильмах «**Юность Максима**», «**Возвращение Максима**» и «**Выборгская сторона**» провели своего героя через годы, судьбы персонажей и хронику событий тех трагических лет.

В 1936 году на «Ленфильме» А. Зархи и И. Хейфиц поставили кинокартину «**Депутат Балтики**». Для главного героя, профессора Полежаева, образ которого создал Н. Черкасов, с первых дней революции не было вопроса, волнующего различные слои интеллигенции: принимать или не принимать революцию, с кем быть? Для него Родина — не абстрактное понятие. Всю жизнь отдавший отечественной науке, старый больной профессор продолжал работать, ибо понимал, что только соединив достижения передовой науки с революционной практикой и энтузиазмом масс, можно вывести страну к могуществу и процветанию. Демократизм великого ученого, его духовность, неразрывность с судьбами людей делают Полежаева мудрым, чистым, добрым и бескомпромиссным. *Этот фильм помогает нравственному совершенствованию человеческого лигности, воспитывает патриотизм, бескорыстие, убежденность.* «Секрет» долговечности образа профессора Полежаева в жизненной правдивости и типичности, в глубокой народности и человечности [3, с. 22].

К числу известных произведений, посвященных современности, относился фильм «**Член правительства**» (1939) по сценарию К. Виноградской, в постановке А. Зархи и И. Хейфица. Это фильм о са-

мом высоком счастье — о радости сбывшейся мечты, торжестве нелегко достигнутой победы, о чувстве безраздельной слитости со своим народом, о счастье обретенной свободы, о полноте жизни, о расцвете человеческой личности. Это удивительно светлый, правдивый, человечный фильм. Образ героини Сани Соколовой стал ярким художественным открытием. Актриса Вера Марецкая в полной мере воплотила этот масштабный характер. Путь малограмотной женщины крестьянки, ставшей народным депутатом, был тернист и нелегок. Александру Соколову, без преувеличений, можно назвать одним из самых ярких женских характеров, созданных нашим киноискусством [9, с. 116].

На этом трагическом фоне выделялись комедии режиссера Ивана Пырьева «**Богатая невеста**» (1937), «**Трактористы**» (1939), «**Свинарка и пастух**» (1941). Близкие по форме к оперетте, они использовали возможности традиционных музыкальных жанров, сближая их с мотивами условной «современности», представшей на экране в праздничном колорите. Они завоевали большую популярность, что во многом было связано с именами таких актеров, как Марина Ладынина и Николай Крючков.

Кинокомедии режиссера Григория Александрова «**Цирк**» (1936), «**Волга-Волга**» (1938), «**Светлый путь**» (1940) с участием Л. Орловой представляли другое направление в комедийном творчестве, не менее популярное.

Русская литература продолжает обогащать кинематограф, причем не одними сюжетами романов и пьес. Она наделяет сценарные, режиссерские поиски, актерское творчество методикой реалистического видения жизни. Насыщенный народный фон и галерея персонажей сообщили широту трилогии о Горьком, поставленной режиссером М. Донским, — «**Детство Горького**», «**В людях**», «**Мои университеты**» (1938–1939). Свойственная российскому кино традиция экранизаций пьес А. Островского получила новое воплощение в картине «**Беспреданница**» (1936) Якова Протазанова. Мир романтических образов, исполненных трагической силы, был свойствен фильму режиссера С. Герасимова «**Маскарад**» (1941), снятому с поэтическим ощущением лермонтовской эпохи.

Жанровым разнообразием отличается *детский кинематограф* тех лет.

Неоценимую роль в патриотическом воспитании подростков и молодежи сыграл фильм «**Тимур и его команда**» (1940), созданный режиссером А. Разумным по одноименной повести Аркадия Гайдара. Романтика мальчишеской солидарности, взаимовыручка, помощь семьям красноармейцев, ставшая общим делом ребят, всколыхнули юные сердца, стали главным стимулом необы-

чайно массового патриотического движения – тимуровского. Пятиконечная звезда, военная форма и оркестр, строевой марш и боевая песня, общее дело и романтика подвига – все эти атрибуты воинской жизни помогали воспитывать у ребят чувство гордости за нашу армию, стремление готовиться к защите Отечества [3, с. 27]. Романтика путешествий увлекает юных зрителей на просмотрах фильма «Дети капитана Гранта» (1936, реж. В. Вайншток). Жанр киносказки с его волшебными кинотрюками и поэзией народного творчества был представлен «Василисой Прекрасной» (1939) режиссера А. Роу.

В обстановке начавшейся Второй мировой войны мастера разрабатывают материал антифашистской борьбы. Настроениям людей, оказавшихся перед угрозой фашистского нашествия, отвечал цикл знаменитых исторических фильмов – «Суворов» В. Пудовкина (1940), «Петр I» В. Петрова (1937–1938), «Александр Невский» С. Эйзенштейна (1938), отличавшийся высоким художественным уровнем. В этих фильмах была представлена галерея выдающихся деятелей, созданная усилиями многих мастеров, и в первую очередь актеров, таких как Н. Черкасов, Н. Симонов, М. Жаров, Н. Охлопков.

Формирование чувства патриотизма и нравственных идеалов через историко-биографические фильмы

В годы Великой Отечественной войны, как и до нее, так и в послевоенные годы, одним из важных направлений советского кино было обращение к материалу прошлого. Обстановка войны не отменила, но по-особому подчеркнула важность этой тематики. Напряжение всех сил народа, его единое устремление – «все для победы над врагом», определяя чувства и сознание миллионов людей, должны были находить опору не только в современности, но и в историческом прошлом русского народа [2, с. 76].

Известно, что создание произведений на историческую тему обусловлено стремлением глубже проникнуть в родословную народа. Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего. Исторические фильмы, ставшие средством художественного познания прошлого, были необходимы народу. Неслучайно, что именно в грозной атмосфере конца 1930-х годов наш кинематограф так целенаправленно обратился к историко-патриотической теме [4, с. 8].

Говоря об исторических фильмах, необходимо начать с фильма, переполненного чувством патриотизма, о борцах за Родину и свободу Отчизны, в центре которого стоит настоящий герой. Это фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Не-

вский» (1938), прославление священного для русского народа подвига патриота, победоносца.

Тема Невского, казавшаяся начальству второстепенной, при прочтении сценария оказалась даже не просто актуальной – злободневной. «...Патриотизм – наша тема...», – неоднократно формулировал Эйзенштейн [18, с. 25].

Действия фашистских армий в Европе взбудоражили весь мир. Фильм о всенародном отпоре врагу, о разгроме захватчиков требовался немедленно.

Фильм «Александр Невский» вышел на экраны 1 декабря 1938 года. Он начинался медлительно и печально – видом поля минувших жестоких битв, потрясавших Русь. Статичное, оперное начало, к счастью, быстро сменялось сценами рыбной ловли на Плещеевом озере, и потом – встречи Александра с ордынским наместником, в которой удачно очерчена историческая ситуация удельной Руси, зажатой между тевтонским Западом и ордынским Востоком. Между Германией и Японией – так это читалось в 1938 году. Дана и демократическая характеристика героя. Не вельможа и не святой, а народный крестьянский вождь, запросто тянущий с рыбаками невод, но и бесстрашно возражающий ордынскому оккупанту [9, с. 99].

Говоря о народных героях невозможно оставить в стороне образы исторических героев, реформаторов, полководцев, готовых до последней капли крови сражаться за свою родную страну. Одним из ярчайших примеров может послужить фильм Владимира Петрова «Петр Первый» (1-я серия – 1937 г.; 2-я серия – 1938).

Петр Первый, безусловно, является ярчайшей личностью в истории России, деяния которого наполняют чувством патриотизма сердце каждого русского человека.

И создатели фильма «Петр Первый», хотя и творили в условиях жесткого идеологического нажима, все же смогли донести до зрителя образ царя-реформатора и истинного патриота своей Родины, на примере которого и должны воспитываться все последующие поколения [9, с. 84].

Фильм Петрова – в исторических одеждах, конечно, – воспевал вождя, укрепляющего государство и армию, борющегося с реакцией, любимого народом. Перед авторами фильма стояла задача повернуть к зрителю Петра I – одну из самых противоречивых фигур русской истории – только светлым ликом. И они вполне успешно справились с этой задачей. Петр в фильме суров, но справедлив. Реакция, с которой борется Петр на экране, предстает в двух ипостасях. Реакция внутренняя: духовенство, а также бояре – сторонники царевича Алексея, заговорщики, противники реформ.

Реакция внешняя – иностранные государства, боящиеся, как черт ладана, укрепления России.

Внутренний враг смыкается с внешним: возникает тема шпионажа, предательства государственных интересов.

И все же этот вполне соответствовавший 1937–1939 годам идеологический пласт исторического фильма далеко не исчерпывает его содержание, оказывается неспособным умалить его художественную ценность.

Режиссер наполняет центральную драматическую линию фильма – взаимоотношения Петра и его сына, царевича Алексея (замкнутый круг любви–ненависти) – тончайшими психологическими нюансами.

По замыслу авторов столкновение Петра и Алексея – прежде всего смертельная схватка политических программ. Петр – символ рождающейся в муках новой России. Алексей – олицетворение отсталой боярской Руси.

В отличие от романа А. Толстого, в фильме на первый план выходит военная тема. Петр-воин – одна из главных характеристик царя-реформатора в этой картине. Петр на экране – прежде всего народный полководец, создатель регулярной русской армии. Меншикова мы увидим во главе отряда кавалерии в эпизоде Полтавской битвы – храбреца, не боящегося ни черта, ни дьявола, смеющегося в лицо смерти. В сюжетной линии Меншикова, в прошлом – лоточника, выходца из народных низов, воплощена идея поддержки Петровых дел лучшими представителями народа. Роль Меншикова в исполнении Михаила Жарова – одна из лучших в фильме Петрова. Кадр светлеет, когда в нем появляется Меншиков. В герое Жарова соединилось несоединимое: безграничная преданность Петру, живой ум, необыкновенная личная отвага и природное лукавство простолюдина, страсть к роскоши, взяточничество, казнокрадство. А уж о любви к прекрасному полу – говорить нечего.

Фильм удался, и дух захватывало у внимающих Петру зрителей тех лет, многим из которых суждено было скоро стать воинами великой, народной, священной Великой Отечественной войны [3, с. 32].

Одним из лучших исторических фильмов предвоенного периода, продолжавшем плеяду великих биографических фильмов, является фильм **«Суворов»** (1940).

К концу 30-х годов режиссеру Всеволоду Пудовкину предложили поставить исторический фильм. Его, вслед за Эйзенштейном, подключили к созданию историко-биографической серии, начало которой в 1937 году положил фильм Владимира Петрова **«Петр Первый»**. Серия, призванная воплотить на экране крупные фигуры прошлого, была предназначена для решения и актуальных политических задач.

Во-первых, она должна была *воскресить и укрепить русский патриотизм*. В 30-е годы – перед

угрозой войны, в послевоенные – перед «угрозой» космополитизма.

Но сначала режиссер поставил другой исторический фильм. В 1938 году Пудовкину было предложено экранизировать роман Виктора Шкловского **«Русские в начале XVII века»**, повествующий о **«Смутном времени»**, об изгнании поляков из России народным ополчением во главе с Мининым и Пожарским. Режиссер с энтузиазмом взялся за работу, и в 1939 году картина под названием **«Минин и Пожарский»** вышла на экраны.

Фильм, хоть и получил хорошую прессу, оказался на самом деле малоудачным. Он вышел очень статичным, вялым, перегруженным событиями и персонажами. Слово бы судьба пошутила с режиссером. Она как бы нарочно «допустила» сначала **«Минина»**, чтобы на его фоне засверкал **«Суворов»**.

Авторы фильма изобразили суворовскую армию как большую и дружную семью, где Суворов – отец, а солдаты – ему дети. Поэтому в фильме совершенно объяснима и естественна ответная и всеобщая любовь солдат к Суворову.

В чем-то образ Суворова напоминает тип фольклорного плута и хитреца. Важнейшее свойство его характера заключается в стихийности и эксцентризме поведения и жизненного стиля. Такому образу Суворова точно соответствует пружинистая, динамичная и четкая композиция картины. Она строится на чередовании и противопоставлении **«свободы»** и **«деспотизма»**. Первый эпизод, изображающий триумф Суворова после победы, весь дышит свободой: широкое поле, из глубины кадра на руках несут Суворова, над полем гремит **«ура»**. Вторая часть, которую можно назвать **«Павел и Суворов»**, напротив, наполнена **«тюремными»** образами: гатчинский дворец с шахматным паркетом, окаменевшие дворецкие и часовые, мертвый порядок, а за окнами на плацу – муштра солдат, одетых в прусскую форму и обучаемых по прусскому образцу.

В последней части фильма – **«Альпийский переход»** – Суворов вместе со своей солдатской семьей попадает в **«горный плен»** – эпизод выразительно снят оператором Анатолием Головней в горах Кавказа. Но плен воспринимается лишь как пауза перед окончательным освобождением героев. И вскоре оно начинается. И вновь замкнутое пространство сменяется свободным пространством горных дорог и круч, а статика – стремительной динамикой суворовской атаки. И когда Суворов указывает саблей вдаль, жест воспринимается символически как указание пути к свободе, дороги к окончательной воле. В этом последнем кадре герои фильма словно бы уходят от нас в ее легендарное пространство.

Картина вышла на экраны страны в январе 1941 года и имела огромный зрительский успех и оста-

лась в истории кино одной из лучших исторических лент, снятых в России [2, с. 76].

В годы войны режиссер В. Петров закончил постановку фильма **«Кутузов»** (1944). В сценарии В. Соловьева была намечена концепция, в основных чертах противоположная той, что выражена в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, где Кутузов представлен как исполнитель народной воли, как мудрейший слуга исторической закономерности. Здесь Кутузов выглядел как стратег, своей волей и военным искусством спасающий Россию в годину тяжких бедствий. На экране был прежде всего Кутузов со своими генералами и затем – противостоящий ему Наполеон со своими маршалами. Масштаб личности полководца характеризуется в фильме не просто его военно-стратегической безошибочностью, но прежде всего глубоким ощущением России, способностью осмысливать военные вопросы в их далеко идущем моральном значении [2, с. 97].

В послевоенный период режиссер Всеволод Пудовкин снимает историко-биографический фильм о великом русском флотоводце **«Адмирал Нахимов»** (1946). В этой масштабной, глубокой, напряженной картине возникает образ Нахимова как победителя, героя Севастополя, погибшего на его бастионах, человека ясного ума, трезвого расчета, твердой воли. Эта значительность рождается от целеустремленности, от сосредоточенности на одной главной для него задаче – создать могучий русский флот, а потом отстоять Севастополь, отстоять, несмотря на решающее превосходство врага [2, с. 108].

В этих фильмах был образ великого человека и образ времени. Такие картины пробуждали к жизни глубинные *чувства патриотизма* как у современных, так и у будущих поколений. В исторических фильмах проявилась главная тенденция того времени – показать движущую силу истории, основного творца всех материальных и моральных ценностей – народ. Неразрывная связь выдающейся личности и народа выражает основную концепцию фильмов того периода.

Патриотические настроения в фильмах в годы Великой Отечественной войны

Настоящий взрыв патриотических настроений произошел в один из самых драматичных периодов российской истории – эпоху Великой Отечественной войны, когда над нашей страной нависла страшная угроза. Но именно в этот момент силами наших кинематографистов была создана большая часть советского и нынешнего потенциала нашего кино. Это было кино о сильных и мужественных людях, о борцах за свободу Родины, об истинных патриотах своей страны.

Кинематограф обратился не только к историческим кадрам. Экран первых месяцев войны был

представлен, прежде всего, фронтовым кинорепортажем и «Боевым киноальбомом» («БКС»). Лучшие новеллы в «Боевых киноальбомах» были ценны своей мобильностью, остротой подачи материала, агитационностью, открытым публицистическим обращением к зрителям. «Боевой киноальбом» №1, который вышел уже в июле 1941 года, открывается репликой Максима из «Выборгской стороны»: «Дела неважные, немцы наступают...» – речь шла о 1918 годе. На экране возникал зрительный зал. Максим сходил с экрана и обращался к присутствующим с речью о наступившем «строгом времени». Кино использовало своих популярных героев, чтобы с их помощью объединить отдельные новеллы. Письмоносец Стрелка овладевала новой специальностью киномеханика («БСК» №4), а Швейк («БСК» №7) не потерял своего юмора и ловко дурачил немцев [2, с. 40].

Целостностью художественного замысла выделялась новелла **«Пир в Жмуринке»**. Извлеченный из газетной хроники случай – женщина угостила немцев отравленной пищей и сама погибла вместе с ними – заключал *высокий патриотический смысл*.

В центре первого полнометражного художественного фильма о войне – **«Секретарь райкома»**, созданного режиссером И. Пырьевым в 1942 году, стоял образ партийного руководителя. Авторы фильма с большой силой и художественным мастерством раскрыли на экране народные истоки образа партизанского вожака, поднявшего людей на смертельную схватку с врагом. Секретарь райкома Степан Кочет в исполнении замечательного актера В. Ванина по праву открыл галерею масштабных, ярких характеров советского кинематографа военных лет. В этом образе актер стремился передать героический дух всего советского народа, самоотверженно, с великим несравненным мужеством встретившего войну [2, с. 41].

Одним из ярчайших примеров проявления героического патриотических чувств и любви к своей стране является фильм **«Она защищает Родину»** (1943). Фильм начинается с монтажного набора кадров, рисовавших довоенное счастье Прасковьи Лукьяновой – знатной колхозницы, нежной матери, любящей жены. Война врывается в судьбу героини с трагической внезапностью. Прасковья кидается на белую от сплошных бинтов фигуру мужа. Первое отчаяние и первая потеря сменились новой оглушающей болью... жестокие кадры – тело ребенка подпрыгивает под автоматной очередью, фашист поднимает его за ножку и бросает под танк. Черной тенью двигалась Прасковья меж деревьев, появлялась среди схоронившихся в лесу колхозников, одним своим видом обрывала их гомон, смотрела в бочку с водой, прятала под платок седые пряди.

Прасковья за швейной машиной, лирические ссоры молодых партизан между двумя взрывами – все это продолжало будничную интонацию. Одним рывком она сменялась патетической, когда Прасковья лицом к лицу сталкивалась с убийцей своего ребенка. Забравшись в немецкий танк, Прасковья преследовала убийцу и, как паука, вдавливала его гусеницами в дорожный откос. Фильм «Она защищает Родину» также наследовал традиции лучших картин 30-х годов, где в центре стоял крупный народный характер. Финальные кадры фильма несли освобождение от рабства. С неба шел гул самолетов. Прасковья, спасенная в час казни, запрокидывала голову, и на ее лице появлялось забытое выражение счастья, которое мы видели в первых кадрах. Освобождение приходило в кинематограф раньше, чем в жизни. Но действие развивалось в картине во многом по законам зрительского сознания, опережая реальное течение событий, но не мысли и чувства людей, веривших в победу [2, с. 49].

Трагедия войны требовала права на экран. Фильмы, как документы времени, должны были сохранить погибших в памяти живых. В период войны, когда гитлеровская армия продвинулась к Волге, В. Василевская пишет повесть о людях, живущих под ярмом фашизма, и называет ее праздничным, красочным словом «Радуга».

Жестокие картины фашистской неволи озарены на страницах повести верой в освобождение. Когда же на экраны вышел фильм М. Донского «**Радуга**» (1943), освобождение началось. Героиня фильма Олена Костюк приходит в село рожать. На экране нет боевых действий отряда. Это жизнь украинского села в дни оккупации. Люди, которые живут в одной хате с фашистами. Мать, хоронящая в сенцах убитого часовым ребенка. Односельчане, на глазах которых гоняют босиком по снегу беременную партизанку. Допросы, казнь и, наконец, возмездие.

В каждом кадре чувствуется жизнь, дыхание измученного, но стойкого народа. И кто мог тогда подумать, что именно в это мгновение зажжется над миром, скованным льдом и жестокостью, сияющая Радуга, как символ приближающейся весны, несущей освобождение [2, с. 52].

Патриотизм народа, его любовь к Отчизне и ненависть к врагу требовали, однако, от искусства не одних только драматических или, тем более, трагедийных красок. Война обострила жажду человечности. На экранах возникали коллизии лирические и юмористические.

Недостаток комедийных фильмов ощущался бы, вероятно, с еще большей остротой, если бы не музыкальная комедия И. Пырьева «**Свинарка и пастух**» (1941). Она была задумана и почти целиком снята до войны. Но зрители, увидевшие на экране поэтический образ земли, которую они за-

щали, воспринимали фильм «Свинарка и пастух» как фильм военный. В нем была найдена мера поэтической условности, придавшая действию тот обобщенный характер, который так жадно искало искусство военной поры [10, с. 59].

Режиссеры использовали фронтовой материал в откровенно комедийном и, вместе с тем, принципиальном плане: комедия не должна была отставать перед войной в почтительной робости, как это случилось в те же годы с комедией «**Актриса**» режиссера Л. Трауберга. Героиня фильма, опереточная актриса Зоя Стрельникова, решив, что во время войны «пляс отпал», оставляет сцену и идет работать санитаркой в госпиталь. В «Актрисе», как и в другой комедии «**Воздушный извозчик**» (режиссер Г. Раппапорт, 1943), комедийность и занимательность возлагались на самую актерскую профессию [2, с. 61].

Но, пожалуй, самой известной военной комедией является знаменитый фильм «**Небесный тихоход**» (режиссер С. Тимошенко, 1945), рассказывающий о трех друзьях-летчиках, которые бомбят фашистов под веселые песни, спорятся, мирятся, влюбляются, несмотря на «суровый» мужской уговор не заводить романов во время войны. Все это придает особый, непринужденный колорит, и даже сцена на минном поле не вызывает особого напряжения и переживания, так как зрители верят, что этим героям удастся выбраться из любой ситуации.

В 1944 году И. Пырьев в содружестве с В. Гусевым и Т. Хренниковым поставили фильм «**В шесть часов вечера после войны**», выразив в музыкально-поэтическом фильме веру в победу в ожидании любимых, воюющих на фронте, словом и делом помогающих приблизить желанный час встречи [3, с. 42].

Трагическое и комическое часто рождаются из одного источника. Некоторые фильмы военных лет представляли собой картины «смешанного жанра», где героиня вырастала из юмора, где с экрана звучали песни, и фронтовой быт неожиданно оборачивался поэтической стороной.

К такому типу фильмов была близка картина Л. Лукова «**Два бойца**» (1943). В основе ее лежала повесть Л. Славина «Мои земляки». В главных ролях снимались Б. Андреев и М. Бернес. Герои фильма были несхожи – огромный, терпеливый до поры до времени, с виду добродушный «Саша с Уралмаша» и темпераментный, вспыльчивый говорун и острослов Аркадий Дзюбин. Роли друзей-пулеметчиков были написаны и сыграны без психологических нюансов. Образы могучего уральца и хитрого одессита словно сошли с газетных полос фронтового юмора. Но они не казались психологически обедненными, потому что в фильм на равных правах входили героиня, юмор, песенная лирика. Картина увлекала, прежде всего, изображением

романтической дружбы героев. На экран были перенесены не только великолепные диалоги славинской повести, но и восхищение тем, что автору довелось стать очевидцем дружбы, ставшей известной всему Ленинградскому фронту. Немногословный «Саша с Уралмаша» высказывал то, что составляло основную мысль автора. На войне не только воюют, на войне – живут. Это была новая интонация в рассказе о фронте.

Один из самых запоминающихся моментов фильма – сцена в блиндаже. Дзюбин рассказывает бойцам о том, как его друг Свинцов, где-то раздобывший огромный трофейный маузер, так напугал своей стрельбой немцев, что они начали артподготовку... Дружный смех в ответ на шутку. О войне никто не говорит. Почтальон приносит письма. Затихшие солдаты мысленно уносятся в своих воспоминаниях куда-то далеко, к родным... В это время Аркадий берет в руки гитару и звучит песня «Темная ночь», которой суждено было войти в народный репертуар и стать главной песней о войне, вызывающей волну патриотических чувств и по сей день у всех русских людей, независимо от возраста [2, с. 64].

Мысль о силе человеческой любви и верности была положена в основу фильма А. Столпера «**Жди меня**» (1943). Знаменитое стихотворение К. Симонова было сюжетно развернуто и разыграно такими отличными актерами, как Б.Блинов, В. Серова, Л. Свердлин. В этом фильме, пожалуй, наиболее ярко, серьезно и глубоко были выражены и героические подвиги, и верность в дружбе и любви советских людей. В его героях сочетались волевое начало и душевная теплота, человеческое обаяние и внешняя сдержанность в проявлении чувств [3, с. 42].

Патриотические фильмы послевоенных лет

Перед искусством послевоенных лет стояли огромные задачи. Осмыслить с новой исторической высоты подвиг народа, открыть политические, нравственные источники нашей победы. Война, как величайшее историческое испытание, должна была снова прийти на экран и в грандиозности своих решающих битв, и в неповторимости отдельных человеческих судеб. Киноискусство первых послевоенных лет пыталось решить эти задачи: оно создало ряд значительных произведений, появились такие фильмы, как «Большая семья» и «Весна на Заречной улице», «Летят журавли» и «Судьба человека», «Баллада о солдате» и «Иваново детство». В то же время 1946–1952 годы оказались наиболее сложным периодом в истории советского кинематографа. Прежде всего, резко сократилось количество выпускаемых картин, достигнув в 1951 году минимальной цифры – 9. Это был «период мало-

картинья». Но и в этот сложный период продолжались создаваться великие фильмы [2, с.98].

Пожалуй, самыми значительными фильмами того периода являлись «**Подвиг разведчика**» (1947) Б. Барнета, «**Повесть о настоящем человеке**» (1948) А. Столпера и «**Молодая гвардия**» (1948) С. Герасимова.

Фильм режиссера и актера С. Бондарчука и оператора В. Монахова «**Судьба человека**» (1959) по М. Шолохову был похож на «фильм-воспоминание», где герой рассказывал о своем прошлом, и память обретала на экране живую плоть кадров. Бывший солдат Андрей Соколов, узнавший и фронт, и муки плена, и горе от потери близких, находит в себе силы, чтобы разделить последний отрезок пути с найденышем, сиротой войны.

Патриотические мотивы в фильмах, поставленных по произведениям русской классической литературы

Традиционные связи между кино и литературой получили дальнейшее развитие в многосерийной экранизации «Тихого Дона» С. Герасимова (1957–1958). Роман предоставил благодатный материал для актерского творчества, в картине снимались П. Глебов, Э. Быстрицкая, Л. Хитяева, З. Кириченко [19, с. 65].

Проза Ф. Достоевского рождает замыслы таких картин режиссера И. Пырьева, как «Идиот» (1958) и «Братья Карамазовы» (1968) с участием Ю. Борисовой, Ю. Яковлева, К. Лаврова, М. Ульянова.

Киноэпопея «**Воина и мир**» стала поистине символом своего времени, по достоинству оцененной как отечественными зрителями, так и западными (премия «Оскар» за 1968 год в номинации «лучший зарубежный фильм») [10, с. 36].

Этот фильм являлся одновременно и экранизацией романа великого русского писателя Л.Н. Толстого, а также историческим фильмом, рассказывающим об одной из величайших побед России. В 1962 году Россия отметила 150-летний юбилей победы в Отечественной войне с Наполеоном. Состоялись многочисленные торжества, в Москве был открыт музей-панорама «Бородинская битва», возле Поклонной горы вновь воздвигнута Триумфальная арка – памятник славы русского оружия. Особо возрос интерес к роману Льва Толстого «Воина и мир».

Сергей Бондарчук был к тому времени известен не только как актер, но и как режиссер, его картина «Судьба человека», сделанная в 1959 году, снискала широкое признание. Постепенно вызрела у Бондарчука дерзкая идея перенести на экран роман Толстого. Намерение Бондарчука состояло как раз в смысловой преемственности новой его работы по отношению к уже снятой «Судьбе человека»:

он определил ее для себя как единство антивоенной темы и, вместе с тем, *мысль о велигии жизни русских людей* в Отечественную войну – *их самозабвенном единении во имя защиты Родины*.

И хотя три серии из четырех названы именами героев романа, главным событием в них, пусть даже вынесенным за кадры, остается именно война. Отношением к ней поверяются нравственные понятия и чувства героев [9, с. 302].

Первая серия – «Андрей Болконский». Показан отряд Багратиона, который совершает переход через горы – кратчайшим путем, чтобы закрепиться у Шенграбена, задержать французов. Война изображена как тяжелый труд – солдаты делают укрытия, даже ухитряются сварить кашу.

Сражение при Шенграбене воспринимается преимущественно через князя Андрея (Вячеслав Тихонов), однако передано отношение к происходящему и других героев – капитана Тушина и юнкера Николая Ростова. Режиссерская разработка эпизодов опиралась на метод Толстого, который совмещал разные масштабы восприятия одного и того же события [10, с. 19]. Вместе с князем Андреем, посланным с приказом отступить, зрители фильма рассматривают пострадавшую позицию, по которой ведут прицельную стрельбу французы, и еще раз проникаемся *сознанием подвига*, совершенного артиллеристами.

Вторая серия – «Наташа Ростова» – изображает поток старой русской жизни. Эпизоды чередуют первый бал Наташи, сцены охоты, жизнь Пьера с его душевными терзаниями, встречи князя Андрея и Наташи, святочные катания. Господствуют торжественность, четкость и геометризм форм при их относительной статичности [10, с. 28].

Заканчивается вторая серия «Войны и мира» выразительно решенным эпизодом вторжения иноземного врага в пределы Отечества.

Третья серия называется «1812 год». На первый план выступает народ. Главное внимание в этой великолепно поставленной серии Бондарчук уделяет всенародному противостоянию врагу. На экране – наполеоновские войска. Они устремляются вглубь России по Смоленской дороге. Недалеко от павшего Смоленска имение старого князя Болконского. Суворовский генерал не находит сил пережить новость о продвижении французов. Один из лучших эпизодов – угасание князя, воплощенного в чеканном облике, жестах и интонациях Анатолия Кторов. Лучшая актерская работа в фильме, заявившая о себе еще в первой серии – в сцене проводов старым князем на войну сына Андрея. Запомнившаяся и по второй – при знакомстве князя с Наташей Ростовской. Рядом, оттеняя суровую мужественность и своенравие отца, – добрая, кроткая, с лучезарными глазами княжна

Марья. Так вторжение Наполеона, даже не ранив, убивает Болконского. Смерть эта не единственная: война унесет и молодого Болконского, и Багратиона, и Петю Ростова, и солдата Платона Каратаева, и еще много-много русских людей.

Свидетелем Бородинского сражения в фильме оказывается граф Безухов, приехавший «посмотреть». Приготовления к бою, ход сражения, гибель тысяч людей – все это оценивается, в частности, с этической точки зрения правдоискателя Пьера. Страшной стороной открывается толстовскому герою война. Но Пьер же видит войну не только как вселенское зло, но и как проявление нравственной силы русских воинов, вставших на защиту Отечества [10, с. 34].

Бородино – образец батальной киноживописи. В третьей серии 10 частей, из них 6 отведены великому сражению. О размахе съемок говорит хотя бы тот факт, что в массовках участвовало 20 тысяч человек, взорвано было 23 тонны пороха. В течение двух месяцев в распоряжение постановщика предоставлялись воинские части.

Мы видим бой глазами то Пьера, то Наполеона, то Кутузова, то князя Андрея. Наконец, «повествователя».

И звучат величественные слова Толстого, которые с подъемом читает за кадром Бондарчук: «*Победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородино...*» [10, с. 31].

Четвертая серия – «Пьер Безухов» – возвращает нас в Бородино. Главным героем киноповествования становится Пьер. Судьба Безухова *сопрягается с судьбой всего народа*, его душевный настрой созвучен настроению москвичей, оскорбленных мародерством захватчиков, настроению солдат Кутузова. Показано прозрение Пьера, видевшего пылающую Москву, прошедшего через плен. Граф и одетый как простолюдин, не чурается мужиков.

Отечественная война 1812 года *удесятерила силу единения людей, не ищущих своего благополугия*. Фильм особо подчеркивает это в образах Пьера и Кутузова и через ключевые сцены фильма.

Есть такая сцена: камера запечатлевает широкую равнину, покрытую снегом. Посреди дороги, уходящей за горизонт, русские солдаты и партизаны разложили громадный костер. К огню робко стягиваются французы – из тех, кто отстал, прятался в лесу, заблудился. Их не отгоняют. В людском круге у костра возникает чувство общности.

Бондарчук в своем фильме передал мысль Толстого *о стойкости русского народа*, о том, что *в условиях страшной беды народ сохранил свои нравственные силы, сумел сплотиться и потому победил* [17, с. 96].

Фильмы 1970–1980-х годов

Эпоха 1970-х годов привнесла много нового в облик отечественного киноискусства. Если достоянием прошлого стали фильмы, утверждавшие идеологию административно-командной системы, то с началом 70-х экран покинули официозная парадность и бездумный оптимизм. Кинематограф повернулся в сторону резкой нелицеприятной социальной критики, проявил устойчивый интерес к ранее запретным для искусства сферам жизни, в том числе к личной, интимной жизни человека, к белым пятнам нашей недавней истории [14, с. 13].

Лучшие военные фильмы выходят за границы фронтового материала в нравственную проблематику. Раньше это произошло в прозе К. Симонова, Ю. Бондарева, В. Быкова, Б. Васильева, затем продолжилось в таких фильмах, как «Горячий снег» (1972, реж. Г. Егиазаров), «А зори здесь тихие...» (1972, реж. С. Ростоцкий), «Восхождение» (1977, реж. Л. Шепитько).

Цикл фильмов «Освобождение» режиссера Ю. Озерова (1970–1972), снятых оператором И. Слабневичем, по замыслу должен был развернуть на экранах обширную панораму битв Советской Армии. Киноэпопея «Освобождение» Ю. Озерова оказала большое влияние на кинематограф в целом; это не только художественное, но и общественно-политическое явление. Авторы фильма достоверно воссоздают картину подлинных военных событий, они показывают советский военный механизм доверху, показывая как Ставку Верховного Главнокомандующего, фронтовые и армейские штабы, так и основного труженика войны – солдата. Именно он – солдат – сознательно шел на лишения, преодолевая голод и холод, смертельный огонь и гибель соотечественников во имя спасения народов Европы. Воинская практика и военная наука сформировали и новый тип высшего командного состава армии. Они показаны в фильме творчески думающими, мудрыми полковниками, ответственными за судьбы страны и мира людьми. Боевые действия на фронтах, столкновения штабов, действия союзников, взаимозависимость и взаимосвязь локальных и крупномасштабных событий раскрыты в киноэпопее в соответствии с исторической объективностью, правдиво и впечатляюще. В политической художественно-документальной эпопее, наряду с героями-офицерами и солдатами, придуманными воображением самих создателей фильма, действуют исторические лица.

Один из главных героев фильма капитан Цветаев – человек, пронесший по кровавым дорогам войны неистребимую ненависть к врагу. Он яростно сражается, бьет фашистские танки и уничтожает пехоту; но ненависть не ослепила его, не сделала жесто-

ким, не оставила равнодушным, когда он вместе с другими советскими воинами бросается на помощь мирным жителям в затопляемом по воле Гитлера берлинском метро. Такие образы помогают осознать величие советского солдата [3, с. 66].

Одним из ярких фильмов о войне начала 70-х годов стал фильм «Офицеры» (1971 г., режиссер В. Роговой). Отвечая гуманным идеям советского патриотизма, фильм раскрывает философскую и психологическую основу понятия Родины.

В фильме «Офицеры» рефреном проходит мысль, высказанная главными его героями, о том, что «*есть такая профессия – защищать Родину*».

Создатели фильма «Офицеры», которые убежденно и откровенно утверждали, что снимали не агитку, а жизнь, какой она им виделась, хотели только одного – *воспитать у подрастающего поколения чувство любви к Родине, чувство ответственности за ее судьбу, готовность идти на любые жертвы – вплоть до потери своей жизни ради свободы, независимости и спокойствия своего народа*. А текст песни из фильма «Офицеры» стал почти гимном для тысяч и тысяч воинов не только Советской Армии, но и сегодняшней российской, ведь в песне содержится героика поведения народного защитника, пафос любви к Отчизне [10, с. 282].

Несомненно, особое место среди военно-патриотических фильмов 70-х годов занимает знаменитый телевизионный фильм «**Семнадцать мгновений весны**».

«*Семнадцать мгновений весны*» – *наверное, самый великий фильм о патриотизме* [19, с. 398]. Зрители по достоинству оценили этот кинодетектив Т. Лиозновой. Феноменальный успех этого многосерийного фильма, очевидно, связан с тем, что сценарий Семенова – не пересказ романа для кинематографа, а подлинно кинематографическая драма, вернее, киноманера со смелым включением в экранное повествование документальных кадров и другими творческими новшествами, ломающими привычное представление о детективе. Образ Исаева–Штирлица был сыгран В. Тихоновым спокойно, естественно, убедительно. Как важны бывают у актера даже не слова, а молчаливое переживание, взгляд, то задумчивый, то мягкий и теплый, то суровый; взгляд, больше слов передающий рождение и движение мысли. С несвойственной детективу глубиной и полнотой раскрываются в фильме характеры сильных и своеобразных людей, утверждаются идейные и нравственные ценности, закалявшиеся в борьбе с фашизмом [3, с. 119].

Еще одно из самых знаменитых явлений киноискусства 70-х годов – фильм «**Белорусский вокзал**». Фильм не переносит нас в годы войны. Его действие целиком происходит в современной Москве. Но в образах четырех главных героев созда-

тели фильма сумели подчеркнуть те качества, которые помогли им совершать героические поступки в годы Великой Отечественной войны.

«Белорусский вокзал» – фильм-напоминание молодым, кому они должны быть благодарны за счастье жить и трудиться под мирным небом. Это картина о тех, кто вынес на своих плечах войну, кто выдержал, не сломился ни в каких испытаниях. Эти простые, но разные по характерам люди – люди высоких нравственных устремлений, умеющие подчинять свои интересы интересам общества. Так память вновь и вновь возвращает зрителя к тем временам, заставляет подумать еще и еще раз о тех, кто совершил подвиг, равного которому нет в истории [10, с. 467].

Военная тема – одна из самых традиционных в кино, можно сказать – главенствующая. И это естественно, ибо сама война – вечно неутрачиваемая боль, память о павших на войне в сердце каждого, она в нас навсегда, она останется в сознании грядущих поколений. Фильмы о войне современны, они предупреждают против новой войны. Трудно переоценить их роль в военно-патриотическом воспитании молодого поколения, они способствуют формированию мужества, идейной целеустремленности, нравственных качеств, необходимых для мирной жизни.

Кинематограф конца XX – начала XXI вв.

Миновал 1979 год, вместе с ним ушло в прошлое еще одно десятилетие развития отечественного кинематографа. Это время переосмысления многих исторических событий XX века.

Недавняя история, ее трагические страницы, привлекают многих, готовых работать на столь волнующем жизненном материале, декларируя при этом поиски неприкрашенной правды и истины. Особняком стоит грузинская картина «Покаяние» (1986) Т. Абуладзе, которая положила начало целому направлению в тогда еще многонациональном советском кинематографе. Стиль картины был необычен: в заброшенных храмах шествовали фигуры, взятые с полотен Иеронима Босха, с экрана звучали шекспировские сонеты и итальянские арии, преданное земле тело раз за разом вырывали из могилы, на срезах бревен, пришедших с лесоповала, читались имена заключенных, гитлеровские усики и бериевское пенсне придавали герою узнаваемые черты, которые складывались в образ «всемирного зла». Авторы «Покаяния» в борьбе с культовым наследием обращаются к опыту разных искусств, присягая культу подлинной истории и вечным духовным ценностям. Выход картины, основанной на документальных свидетельствах и метафорическом образном слое, сопровождался большим общественным резонансом.

С началом 1990-х годов отошла в прошлое

огромная эпоха – эпоха советского кино. Это была великая эпоха кино, когда зрители цитировали фразы героев, когда для многих эти фразы становились инструкциями по выживанию, моральными нормативами и маяками. Лучшие авторские и жанровые фильмы, которые создал отечественный кинематограф, стали частью нашей культуры, а фильмы тех времен стали классикой отечественного кинематографа.

В постперестроечные времена, в эпоху социальных потрясений, взбудораживших культуру во всех ее сферах, когда Россия «выпала» из Советского Союза, началось физическое вытеснение национального фильма с отечественного экрана. Российское кино замерло, а на отечественного зрителя вылился поток западных фильмов, причем не самого лучшего качества. В течение десятилетия на нас интенсивно оказывали влияние западные идеи и обычаи. Мы полностью «сдались» на милость Голливуда, тон жизни задавали американские мастера. Но российское кино не умерло, оно продолжало жить и бороться.

На исходе 90-х годов в таких картинах, как «Молох» (о Гитлере) и «Телец» (о последних днях Ленина), А. Сокуров исследует тему «вождизма».

Появляются фильмы, обращенные к российской истории, в которых показаны исторические личности не как триумфаторы и победители, а как простые люди со своими страстями и слабостями. К таким фильмам можно причислить фильм Г. Панфилова «Романовы. Венценосная семья», где совмещается жанр «семейного романа» с трагической историей жизни последнего российского императора.

Одним из таких фильмов является «Роман императора» (1993) Д. Нижниковской. Трагическая история царя-реформатора Александра II показана не через государственные и военные действия, а через его личную семейную драму. Образ императора, волею судьбы оказавшегося перед тяжким выбором и не смеющего этот выбор сделать, удивительно живо и правдиво изображен актером Н. Бутовым.

В монументальной по замыслу и постановочному размаху картине «Сибирский цирюльник» (1998) Н. Михалков воспроизводит на экране историческое «действие», которое должно было в том числе оспорить господство американских блокбастеров. Один из самых дорогих в российском кино, этот фильм отличается многообразием жанровых признаков, мотивы ярмарочного «раешника» соседствуют в кадрах с трагической судьбой героя, сыгранного О. Меньшиковым.

Начало нового века – начало возрождения отечественного кинематографа.

Несомненно, особого внимания среди фильмов начала века заслуживает фильм Александра Со-

курова **«Русский ковчег»** (2002). Фильм построен на художественном описании истории Зимнего дворца и Эрмитажа, олицетворяющего все лучшее, накопленное в культурной и духовной жизни России и мира. Вместе с героями фильма зрители проникают сквозь три века истории Зимнего дворца, знакомясь с жизнью его постояльцев и гостей и становясь свидетелями ключевых событий в жизни Эрмитажа: от блестящих великосветских балов до суровых дней блокады Ленинграда. Фильм уникален еще и тем, что снят за «один проход», одним дублем, то есть без выключения камеры и, как следствие, без единой монтажной склейки. Фильм получил приз за изобразительное решение на международном кинофестивале в Торонто (2002).

На заре века отечественный кинематограф вновь обратился к теме Великой Отечественной войны. Одна за другой на экраны выходят картины, время действия которых – 30–40-е годы XX столетия. В качестве примеров можно привести такие фильмы, как **«Благословите женщину»** (2003) и **«Не хлебом единым»** (2005) Станислава Говорухина.

Говорухин всегда снимал популярное, доступное народу кино. И всегда был верен своим убеждениям, не скрывая симпатии к советской эпохе. Например, мелодрама **«Благословите женщину»**, в основе которой – повесть Ирины Грековой **«Хозяйка гостиницы»**. В главных ролях – великолепные актёры: Александр Балувев, Светлана Ходченкова, Ирина Купченко, Инна Чурикова, Виталий Хаев.

Станислав Говорухин сделал ещё одну попытку изобретения кинопротивоядия той пошлости, которая забила наши экраны и зомбирует новое поколение.

Популярный в сегодняшние дни жанр киносериала также пополнился замечательными работами. В качестве примера можно привести киноман **«Московская Сага»** (2004) режиссера Дмитрия Барщевского, по мотивам одноименного романа В. Аксенова. Герои двадцати двух серийного киномана проживают на экране больше 30 лет, один из самых драматичных периодов нашей истории. Изменяется многое, почти все. Пожалуй, только преданность дому, представление о чести и любовь к близким остаются прежними в этой семье.

Продолжает плеяду киноманов пятнадцатисерийный фильм **«Дети Арбата»** (2004), режиссер Андрей А. Эшпай. Фильм снят по трилогии Анатолия Рыбакова **«Дети Арбата»**, **«Страх»** и **«Прах и пепел»**.

Действие фильма **«Дети Арбата»** разворачивается на фоне драматических событий в истории нашей страны и охватывает период с 1934 по 1942 годы. Киноповествование вводит зрителей и в кремлевские кабинеты, и в коммунальные кварти-

ры, и в институтские аудитории, и в тюремные камеры; переносит из Москвы в Сибирские деревни, города российской провинции, а завершается трагическими событиями начала Великой Отечественной войны.

Фильм Юрия Кара **«Звезда эпохи»** (2005) рассказывает нам о судьбе советской актрисы Валентины Серовой – одной из легенд отечественного кинематографа того времени.

Режиссеры обращаются к русской классике. На экраны выходят не экранизированные ранее произведения **«Идиот»** (2003) по роману Ф. Достоевского, **«Мастер и Маргарита»** (2005) по роману М. Булгакова, **«Тарас Бульба»** (2008) по роману Н. Гоголя, воплощенные на экране режиссером В. Бортко, **«В круге первом»** (2005) по роману А. Солженицына режиссера Г. Панфилова, **«Доктор Живаго»** (2005) по роману Б. Пастернака режиссера А. Прошкина, **«Тяжёлый песок»** (2009) по роману А. Рыбакова режиссера А. Борщевского и др.

Общество устало от бесконечных «ментовских войн» и криминальных разборок на экране. Поэтому, наряду с экранизациями, появляются исторические фильмы: **«Господа присяжные»** (2005) Е. Иванова, рассказывающий о судьбах первых русских адвокатов в середине XIX века, **«Пушкин. Последняя дуэль»** (2006) Н. Бондарчук о расследовании трагических событий, связанных с дуэлью великого русского поэта. Один из последних российских телефильмов **«Смерть Вазир-Мухтара»** (2010) рассказывает о судьбе русского писателя и дипломата А.С. Грибоедова.

И эти картины, несмотря на то, что они во многом уступают фильмам советской эпохи, все же достойны нашей истории. Необходимо помнить, знать, беречь свою историю и, таким образом, избежать ошибок в будущем. Происходит некая реанимация ощущений, о которых мы уже забыли. Мы очень многое утратили. Человеку важно знать свою историю, свои корни – это очень важные вещи для будущего.

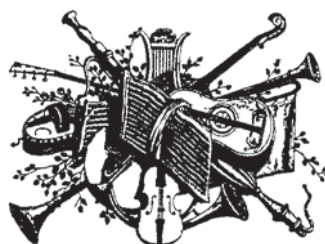
Молодежь будет одним из важнейших социокультурных ресурсов обновления и укрепления России в XXI веке. Киноискусство, являющееся мощным средством социализации молодежи, приобщает ее к ценностям духовной культуры. Оно сильно своей насыщенностью, идеями, образами, сюжетами и ассоциативными «ходами», метафоричностью не только отдельных смысловых единиц, но и содержащихся в искусстве в целом. Культурологический, художественный и нравственный потенциал киноискусства будет максимально реализован, если у молодых людей будет сформировано адекватное эстетическое отношение к киноискусству. Подлинное единение людей вообще и единение вокруг ис-

куства в частности возникает, как правило, на высотах духовности. Формирование духовности у молодежи – сложный, затяжной и затратный процесс, но, в конечном итоге, – бесприоритетный для общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов Е.С. Восхождение к герою: (Экран и молодежь). – М.: Просвещение, 1982. – 192 с.
2. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО КИНО. 1917 – 1967. В 4-х Т. Т. 3. 1941 – 1952. – М.: Искусство, 1975. – 320 с.
3. Камшалов А.И. Героика подвига на экране: Военно-патриотическая тема в советском кинематографе. – М.: Искусство, 1986. – 224 с.
4. Кино и зритель. Проблемы социологии кино. – М.: Искусство, 1978. – 164 с.
5. Кино: фильмы, ставшие событиями. – СПб.: Академ. Проект, 1998. – 395 с.
6. Козинцев Г. Глубокий экран. – М.: Искусство, 1971. – 254 с.
7. Память грозных лет. Великая Отечественная война в советском кино 1970-х. – Л.: Искусство, 1980. – 231 с.
8. Писаревский Д. С. Братья Васильевы. – М.: Искусство, 1982. – 322 с.
9. Писаревский Д.С. 100 фильмов советского кино. – М.: Искусство, 1967. – 320 с.
10. Реззаков Ф.И. Наше любимое кино...о войне. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. – 480 с.
11. Романов А.В. Нравственный идеал в советском киноискусстве. Статьи и очерки. – М.: Искусство, 1971. – 166 с.
12. Селезнева Т.Ф. Киномысль 1920-х годов. – Л.: Искусство, 1972. – 184 с.
13. Смаль В.И. Человек. Война. Подвиг. – Мн.: Наука и техника, 1979. – 136 с.
14. Советское кино семидесятых – первой половины восьмидесятых годов. – М.: ВГИК, 1997. – 182 с.
15. Суртаев В.Я. Молодежь и искусство. – СПб., 2002. – 352 с.
16. Суртаев В.Я. Молодежь и культура. – СПб., 1999. – 224 с.
17. Тюрин Ю.П. Перспектива памяти: кино, история, литература. – М.: Материк, 2004. – 152 с.
18. Эйзенштейн С. Избранные статьи. – М., Искусство, 1956.
19. Юрнев Р.Н. Краткая история советского кино. – М.: Бюро пропаганды советского киноискусства, 1979. – 234 с.
20. Юрнев Р.Н. Сергей Эйзенштейн. Замыслы. Фильмы. Метод. – М.: Искусство, 1985. – 303 с.

Санкт-Петербург

Д.Ф. СЕМЕНОВ

академик ПАНИ, доктор геолого-минералогических наук, профессор

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

В Советском Союзе геологи нашли и разведали крупные месторождения всех видов минерального сырья, обеспечив им страну на много лет вперед. При любых трактовках советского прошлого ни у кого не должно быть сомнения, что такое богатство не могло быть создано без передовой геологической науки и эффективного профессионального образования. В результате «демократической» революции 90-х годов прошлого века ситуация резко изменилась. Большинство открытых и разведанных месторождений перешло в частные руки. Новые владельцы общенародного богатства в погоне за прибылью стремятся освоить только самое выгодное. За последние десятилетия не было открыто ни одного крупного месторождения, система геологоразведки практически разрушена, хотя более половины территории России нуждается в геологическом доизучении, в том числе в новой геологической съёмке. За рубеж вывозится более трети добываемых в стране нефти и газа и до 90% многих металлов. Это привело к значительному сокращению потребления важнейших полезных ископаемых на душу населения страны. Жертвами социально-политических и экономических реформ стали геологическая наука и образование. Конечно, все это противоречит национальным интересам России.

Развал советской геологической науки начался с 70-х годов прошлого столетия, когда в нашей стране усиленно внедрялась гипотеза строения литосферы, возникшая в США и названная сначала «новой глобальной тектоникой», а затем поскромнее – тектоникой плит. Согласно этой гипотезе (ее преподносят как теорию), литосфера Земли состоит из крупных и мелких плит, которые перемещаются, то расходятся, то сталкиваются. Ныне выделяется множество мелких плит (террейнов), которые блуждают на геоиде без всяких закономерностей. Критерием истины становятся не факты, а правдоподобные объяснения движения этих плит в рамках гипотезы. На такой «теоретической» основе новых месторождений не найдёшь. Но гипотезу подхватили многие

отечественные геологи, профессора, академики. На ее основе написаны почти все учебники, как вузовские, так и школьные, которые касаются геологии.

Здесь надо прямо сказать, что внедрение гипотезы тектоники плит проходило под влиянием усиления процессов «демократизации» и соответствующей работы извне. Эту гипотезу с восторгом стали расхваливать либерально настроенные ученые и геологи. Все знакомые мне геологи, сразу принявшие тектонику плит, по убеждениям являются либерал-демократами, для которых всё, что исходит из США, лучшее. И наоборот, не знаю ни одного национально мыслящего геолога, принявшего тектонику литосферных плит. Помню, как яростно в 80-е годы прошлого века критиковали противников этой гипотезы либерально настроенные журналисты (в частности, Е.Альбац). Есть основания считать, что в «процесс» были вовлечены и спецслужбы Запада. Ведь внедрение тектоники плит в советскую, а затем российскую геологию ухудшало систему поисков месторождений полезных ископаемых и, в конечном итоге, экономическое положение нашей страны.

До настоящего времени тектоника литосферных плит в геологической науке превалирует. Она афишируется через телевидение и интернет. Но налицо сокращение числа ее сторонников. Появляются всё новые факты, противоречащие этой гипотезе. Оказалось, что астеносфера (слой, подстилающий литосферу и характеризующийся уменьшенной плотностью) развита не повсеместно, «лоскутно» и соответственно не может служить слоем, по которому «плавают» плиты. Земля за миллиарды лет своего существования не могла быть неизменной по объему и радиусу, как это постулирует тектоника плит. Сравнение количества суточных колец современных и ископаемых кораллов показало, что в геологическом прошлом суток в году было больше, чем ныне, и, значит, Земля вращалась вокруг собственной оси быстрее, а это свидетельствует о меньшем радиусе планеты. Поэтому в последние десятилетия увеличивается число сторонников гипотезы пульсирую-

щей и расширяющейся Земли. Эта гипотеза снимает все противоречия в гипотезе тектоники плит и удовлетворительно объясняет все имеющиеся факты в строении литосферы Земли. Она может служить основой для поисков месторождений полезных ископаемых. Национальные интересы России требуют отказа от устаревшей гипотезы, обновления теоретических основ поисков месторождений полезных ископаемых и выпуск учебников по геологии, основанных на новых идеях.

Однако проблемы геологической науки и профессионального образования гораздо шире. Необходимо последовательно, но необратимо отказываться от пресловутого, внушенного нам, комплекса неполноценности и в отечественной науке, и отечественном образовании. На самом деле в этих сферах человеческой деятельности наши достижения ничуть не уступают зарубежным. Выше говорилось о передовой советской геологической науке. Можно вспомнить о русских рудознатцах, о том, что русские первыми бурили скважины на соляных и нефтяных промыслах, что до Первой мировой войны Россия добывала больше всех золота, нефти, каменного угля. Но и в средствах массовой информации, и в научной литературе сплошь и рядом подчеркиваются иностранцы в качестве «основоположников». Говоря о той же идее расширения Земли, всегда ссылаются на немецкого геолога О. Хильгенберга (1933 г.), хотя эту идею высказал наш соотечественник И.О.Ярковский в 1898 году. Если раньше, со времен М.В.Ломоносова, в авторитеты возводили немцев, то ныне – американцев.

Совершенно неразумным выглядят в отечественной, точнее русскоязычной, литературе многие иностранные термины, когда есть равнозначные русские слова. Конечно, в науке далеко не все понятия можно обозначить русскими словами. В геологии никто не собирается переименовывать такие термины, как антиклиналь и синклиналь, авлакоген и ороген. Закрепились многие термины, которым есть равнозначные русские слова: структура (строение), дислокации (перемещения) и другие. Их и не нужно менять. Но зачем в отечественной геологической литературе предпочитать иностранный термин «генезис» вместо русского слова «происхождение», «эффузивный» – вместо «излившийся», «флювиогляциальные» – вместо «водноледниковые»? Ведь никто не применяет иностранные термины вместо русских слов руда, жила, сброс, сдвиг, кремень, песчаник и многих других, широко применяемых в геологии. Как известно, внедрение чужой терминологии способствует потере независимости страны. Поэтому следует очищать от иностранных слов не только отечественную культуру, но и науку.

Не в национальных интересах России и непродуманная, торопливая, всеобщая компьютеризация. Особенно в геологии, в которой всё строится на гипотезах, многие понятия не устоялись, и в

компьютеры закладываются устаревшие, противоречивые понятия, которые логически не связаны с другими понятиями. Компьютеризация предполагает стандартизацию понятий, которой должно предшествовать упорядочение этих понятий и соответствующих им терминов. Но до этого еще далеко. Компьютеризация без предварительного упорядочения понятий и терминов означает «бежать впереди паровоза». С ней спешат глобализаторы, стремящиеся всех уравнивать, привести всё в единую систему по американскому образцу. Зачем это нам?

Всё вышесказанное относится и к сфере образования. Развал сложившейся системы среднего и высшего образования и её перестройка на западный, чистый американский, манер – не в национальных интересах России. Об этом много пишется и говорится, но «Васька слушает, да ест». Геологическое образование – не исключение. Одновременно с развалом геологоразведочной отрасли резко упал престиж профессии геолога. Всё меньше студентов приходят на геологические специальности. Да и уровень подготовки студентов снизился. При двухуровневом высшем образовании остается неясным, кому нужны бакалавры. В геологии, в которой всё строится на понимании закономерностей, все шире внедряемые тестовые задания особенно непригодны. Они понуждают студентов не думать, а угадывать ответ. Студенты всё чаще для курсовых и дипломных работ используют свод выхваченных из интернета, не связанных один с другим, материалов. Образовательные стандарты по геологии расплывчаты. В программы их закладывают явно устаревшими. Отчасти поэтому в учебном процессе ныне упор делается не на качество изучаемых предметов и даже не на методике их преподавания, а на введение всё новых видов аттестации студентов (всякие «рейтинги», «блоки», разные показатели).

Начинается всё со школы, в которой сужается круг естественно-научных дисциплин. До Великой Отечественной войны в старших классах средней школы преподавали отдельный предмет геологию. И это правильно. Знания геологии показывают, как создается минерально-сырьевая база – фундамент экономики и обороноспособности страны. Геология – основа для понимания многих дисциплин: географии, зоологии, экологии, даже физики, химии. Кроме того, геологические знания – важное звено в научной картине мира, они не позволяют скатываться к средневековому мракобесию. Школьный учебник по геологии был очень хорошим. Своим студентам в университете я говорю: «Если вы будете знать геологию в объёме бывшего школьного учебника, то вправе рассчитывать на пятерку». В национальных интересах России вновь ввести курс геологии в средней школе.

г. Вологда

Выдающиеся деятели искусства XX века

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ПРОНИНА (1924–2009)

Русский народ богат талантами. Так было во все времена. Память о наших выдающихся государственных деятелях, учёных, полководцах, писателях, поэтах, музыкантах, композиторах, певцах, актёрах история сохранила. Однако, по разным причинам, память ещё о многих талантливых людях уходит в прошлое, они незаслуженно забыты.

К таким талантам XX века относится Александра Петровна Пронина, которая всю жизнь посвятила музыке.

У неё был редкий тембр голоса (сопрано), удивительные музыкальные способности, прекрасный внешний вид, что могло определить её путь в оперное искусство, однако большую часть своей жизни А.П. Пронина отдала Ленинградской Консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, где была преподавателем кафедры сольного пения.

А.П. Пронина родилась в 1924 году в семье крестьянина села Крутицы Шелуховского района Рязанской области.

С 1928 года семья Прониных жила в Ленинграде, где Александра, помимо средней школы, зани-

малась в музыкальной школе по классу фортепиано и пения.

Во время Великой Отечественной войны А. Пронина работала в госпитале, а с 1944 по 1946 годы была солисткой Московского ансамбля войск МВД, была награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945». Эта её деятельность была отмечена и в дальнейшем медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1946 году А.П. Пронина поступила на вокальное отделение Ленинградской Консерватории, которое окончила в 1950 году. В дальнейшем, наряду с концертной деятельностью, преподавала сольное пение.

В педагогической работе проявила себя как ищущий педагог, активно занималась поиском новых и интересных форм обучения вокалистов. Её многочисленные студенты на экзаменах, зачётах, концертах демонстрировали высокий профессионализм, подлинно музыкальное отношение к исполняемому произведению.

А.П. Пронина (верхний ряд, вторая слева) среди преподавателей Консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

А.П. Прониной воспитана целая плеяда талантливых музыкантов, которые достойно продолжают славные традиции отечественной вокальной школы. К таким выдающимся певцам нужно отнести, например, Герарда Васильева, Владимира Атлантова, Людмилу Филатову, Евгения Нестеренко.

Деятельность А.П. Прониной всегда пользовалась большим уважением членов кафедры сольного пения и студентов вокального факультета, поскольку ей всегда были свойственны организаторские способности, удивительная доброжелательность и скромность.

Нужно отметить ещё одно дарование А.П. Прониной – она прекрасно играла на рояле, аккомпанируя своим ученикам. При этом умела свободно и легко переходить из одной тональности в другую, если этого требовали особенности голоса вокалиста.

А.П. Пронина скончалась 28 апреля 2009 года и похоронена на Малоохтинском кладбище Санкт-Петербурга.

Все, кому выпало счастье знать эту удивительную русскую женщину, будут помнить о ней и передадут эту память будущим поколениям.

Александр ОБУХОВ

ЛУЖСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ МОРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Наш город не обойден вниманием историков и литераторов. Иной раз, кажется, что история Луги полностью известна даже в мелких подробностях. Остается только оценивать, интерпретировать и сопоставлять. Однако это не так. Стремление познать прошлое выводит, порой, на такие сюжетные линии, которые пересекаются, дополняют друг друга, высвечивая, тем самым, неизвестные грани далеких времен. Сюжетов этих великое множество. На одном из них, раскрывающем жизнь человека, незаслуженно забытого на целое столетие, постараюсь остановить внимание уважаемых читателей.

Звали этого человека Николай Николаевич Зыбин (08.11.1835 г. – 10.07.1905 г.). Скончался он в Луге в разгар первой русской революции, жил скромно и только его кончина, как это часто бывает на Руси, заставила вспомнить, что носил он немалый чин генерал-лейтенанта по Адмиралтейству и многое сделал для обучения тех, кто затем вошел в когорту знаменитых российских флотоводцев. Но обо всем по порядку.

Мне уже не в первый раз приходится писать об удивительном учебном заведении, созданном в России по указу Петра I от 14 (24) января 1701 г. и носившем название «Школа математических и навигацких наук». При «дщери Петра» – императрице Елизавете на основе этого учебного заведения был создан Морской кадетский корпус, в стенах которого воспитывался и обучался офицерский состав Военно-морского флота Российской империи. Герой этого повествования закончил Морской кадетский корпус в 1854 г. и сразу же попал на театр военных действий. Напомню читателям, что в октябре 1853 г. Турция, в коалицию с которой вступили Англия и Франция, объявила России войну. Все мы со

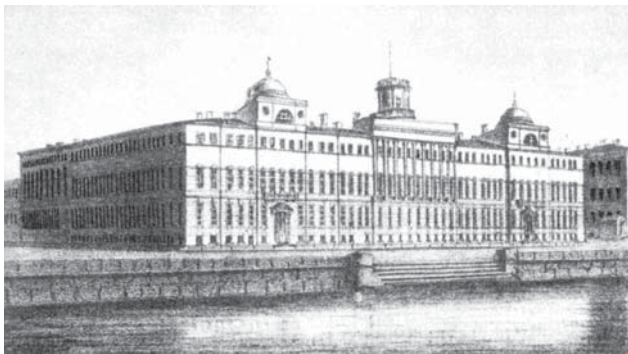
*Воин Андреевич
Римский-Корсаков,
контр-адмирал*

школьных уроков истории помним о героической обороне Севастополя и о том, что николаевская Россия потерпела поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. Вместе с тем, немногие знают, что особой страницей в истории этой войны была оборона российских военно-морских баз на подступах к Санкт-Петербургу – Кронштадта и Свеаборга. Морские пути к базам были надежно защищены новейшими гальваноударными минами, в установке которых принимал участие молодой мичман Николай Зыбин.

Англичане и французы, колебавшись, отказались от плана штурма Свеаборга и Кронштадта и высадили десант только на Аландские острова, не считавшиеся стратегическими по своему

значению. Английская газета «Таймс» по этому поводу писала: «Никогда еще действия такой громадной армады с такими мощными силами и средствами не кончались таким смешным результатом».

После окончания войны мичман Зыбин возвратился в стены Морского кадетского корпуса и продолжил обучение в офицерском классе, чтобы полностью посвятить себя преподавательской деятельности. В 1858 г. Н.Н. Зыбина прикомандировали к Морскому кадетскому корпусу, а затем он стал штатным преподавателем. Надо сказать, что это время было временем расцвета морского учебного заведения. Именно в эти годы директором корпуса являлся Воин Андреевич Римский-Корсаков – старший брат великого русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова, тесно связанного с Лужским краем. Именно Воин Андреевич в статье «О морском воспитании» изложил новую систему подготовки офицерских кадров для флота. Эта система была проникнута идеей воспитания любви к морю и морской службе в сочетании

Здание Морского корпуса в 1850 году

с высоким профессионализмом. Вот почему шеф В.А. Римского-Корсакова – великий князь Константин Николаевич Романов (отец знаменитого поэта Константина Константиновича Романова, писавшего под псевдонимом «К. Р.» – А. О.) в декабре 1861 г. ходатайствовал о назначении капитана I ранга В. А. Римского-Корсакова «исправляющим должность» директора корпуса, а в 1865 г. «за отличие по службе» представил к чину контр-адмирала с назначением на должность директора.

Н. Н. Зыбин, полностью разделявший взгляды В. А. Римского-Корсакова, принял деятельное участие в совершенствовании военно-морского образования. В корпусе отменялись телесные наказания кадетов и в практику вводились методы воспитания, основанные на доверии и уважении к личности. Что же касается офицерского класса, готовившего преподавателей, то он был преобразован в Академический корпус морских наук.

Дальнейшая научная и служебная карьера Н.Н. Зыбина развивались стремительно. После издания ряда учебников по навигации в 1877 г. он становится членом Николаевской морской академии, а с 1887 г. членом Особого отделения по профессиональному образованию Ученого комитета Министерства народного просвещения.

Пиком карьеры Н.Н. Зыбина стала должность почетного опекуна Санкт-Петербургского опекунского совета Учреждений императрицы Марии. Что

это за учреждения и какую роль в России того времени они играли?

Из истории известно, что вдовствующая императрица Мария Федоровна, после насильственного устранения Павла I, должна была получать, по указанию Александра I, на собственные нужды огромную по тем временам сумму – один миллион рублей в год. Из этой суммы на себя она тратила только семнадцать тысяч. Все остальные средства раздавались бедным и шли на содержание богоугодных заведений, существовавших под общим названием «Ведомство императрицы Марии». В одном только Санкт-Петербурге в него входили: Воспитательный дом и повивальное (акушерское) училище при нем, Екатерининский институт благородных девиц, Мариинская больница, Вдовый дом, Военно-сиротский дом и многие другие богоугодные заведения. Мария Федоровна так много сделала для нуждающихся, инвалидов и больных, что после ее смерти никто не посмел закрыть «Ведомство императрицы Марии». Тем более, что она все предусмотрела, вплоть до процентов с оставленных капиталов. Вполне понятно, какой груз ответственности и забот лег на плечи Н.Н. Зыбина, принявшего эту должность и непривыкшего играть роль «свадебного генерала».

Говорят, что человек жив до тех пор, пока о нем помнят. Память об этом замечательном флотском педагоге, воспитавшем многих русских моряков, возродилась совсем недавно. В 2003 г. издательство «Русско-Балтийский информационный центр» выпустило книгу мемуаров бывших гардемарин, открывающую воспоминаниями известного историка российского флота Евгения Ивановича Аренса. В его памяти Н. Н. Зыбин остался волевым, суровым, но и справедливым воспитателем-педагогом.

Не все в жизни Н. Н. Зыбина еще известно до конца. Почему скончавшись в Луге, он был погребен не здесь, а на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге? Имел ли он семью и если да, то какова судьба семьи? Все это вопросы, на которые еще предстоит найти ответы.

г. Луга, Ленинградская область

СЛОВО ФРОНТОВИКА

Николай ЖИВИЛОВ, член-корреспондент ПАНИ

«НА ПЕРЕПУТЬЕ»

Аннотация

Представленные материалы являются основой книги «На перепутье», которая является продолжением книги «Судьба и Родина едины» и охватывают период с 1950-х годов до современного этапа. Первая часть рассказывает о работе автора Н.Н. Живилова на заводах и насыщена описаниями сложных технологических процессов, что даёт полную картину производства того времени. Вторая часть посвящена работе общественной, работе Ленинградского Совета ветеранов ВДВ и его основному проекту – программе «Мира и Дружбы на планете». Надеемся, что познакомившись с нашими материалами, у нас появится больше единомышленников, готовых присоединиться к движению Мира и Дружбы!

Николай Живилов – ветеран-фронтовик, Председатель Ленинградского совета ветеранов ВДВ. Родился 8 августа 1926 г. в Ярославской области. С 1937 г. живет в Ленинграде.

В 1943 году был призван в ряды Красной Армии. Десантник-парашютист. Участвовал в боях Балатонской операции в Югославии и Венской операции в Австрийских Альпах, в Чехословакии. Награжден боевыми наградами. Окончил Северо-Западный политехнический институт по специальности инженер-электрик. Работал старшим инженером и начальником лаборатории. С 1987 г. по настоящее время является Председателем Совета ветеранов ВДВ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор книги «Что сохранила память».

Часть 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

1 ноября 1950 года я вернулся в Ленинград. Отслужив ровно 7 лет в рядах Советской Армии, приняв активное участие в боевых действиях Великой Отечественной и Второй мировой войны в качестве рядового бойца-десантника, автоматчика в составе 9-й воздушно-десантной армии резерва Главного командования под руководством генерал-полковника В.В. Глаголева. Формирование армии проходило в сентябре–октябре 1944 года в городе Киржач Владимирской области на основе действующей, вернувшейся с фронта (из Румынии) на по-

полнение, 8-й воздушно-десантной дивизии. В состав армии вошли 3 воздушно-десантных корпуса (37, 38-й и 39-й). В их составе были: в 37-м корпусе – 103, 99-я и 98-я дивизии; в составе 38-го корпуса – 104, 105, 106-я дивизии; в составе 39-го корпуса – 100, 107-я и 114-я дивизии.

Подготовку десантника я прошёл в составе 107-й ВДД (воздушно-десантной дивизии) 356-го гвардейского парашютного воздушно-десантного полка, где получил подготовку десантника-парашютиста в качестве радиста 3-го класса по итогам 4-месячной подготовки (с 1 сентября по 31 декабря 1944 года). Уложив парашюты и опломбировав их, мы отмечали новый 1945 год в Киржаче с недельной готовно-

стью для боевого вылета. Однако в результате активных боевых действий на фронтах ВОВ нас в январе 1945 года подняли по тревоге с полным вооружением и отправили на ж/д станцию Киржач. Там уже стояли эшелоны из «телячьих» вагонов. И до 12 часов дня мы оборудовали в этих вагонах двухъярусные нары, а на площадках открытых вагонов были установлены пулеметы и артиллерийские батареи для зенитной стрельбы. В 12 часов дня наш эшелон тронулся в путь...

Теперь, в ноябре 1950 года, когда я вернулся домой, это уже стало историей. Полному энергии, сил и желания продолжить служить на благо Отечества, теперь уже как лицо гражданское, мне предстояло найти себя в новой мирной жизни. Надо было выбрать себе специальность. Моему выбору помогли военная подготовка радиста, телефониста и, конечно же, та начальная подготовка, которую я получил, занимаясь в Ленинградском Дворце пионеров (Аничковом дворце) в 1939–1941 гг. в качестве электрика и радиста.

НОВАЯ МИРНАЯ ЖИЗНЬ (1950–1970-е)

Работа на заводе имени Кулакова. Уже в ноябре 1950 года меня приняли на работу в качестве ученика радиомонтажника на завод имени Кулакова на Петроградской стороне. Знания и умения, полученные во Дворце пионеров, и работа в качестве слесаря во время эвакуации, а также навыки, полученные во время подготовки десантника-радиста, позволили мне в течение первой недели освоить новую специальность и получить третий разряд радиомонтажника. Уже через месяц мне был присвоен четвертый разряд. Тогда мы приступили к очень ответственным работам в оборонной промышленности. Первые работы, которые мы выполняли, были заказами для Военно-морского флота, надводного и подводного. В скором времени, параллельно с этими работами, мы стали выполнять очень сложные и ответственные заказы по обороне воздушного пространства Москвы и Ленинграда. Через месяц работы на заводе, в 66-м цехе, мне присвоили уже 4-й разряд радиомонтажника. Тогда стали поручать работы более сложного профиля и более ответственные. Выполняя более сложные и ответственные работы, через год мне дали 5-й разряд радиомонтажника и стали предлагать выезд в командировки на объекты боевых кораблей, где были установлены приборы, изготовленные нами. Так, в 1954 году мне пришлось участвовать в ходовых испытаниях нового типа кораблей, базировавшихся на Купеческой пристани г. Таллинна. Там, в Балтийском море, проходили ходовые испытания нового типа кораблей и подводных лодок, а также оборудования, которое изготавливалось на нашем

заводе. В дальнейшем мне пришлось вместе с другими товарищами, тоже демобилизованными, выполнять заказы еще более сложные и ответственные, заказ «АРАГВА» – оборона воздушного пространства Москвы и Ленинграда. А затем и наземные радиолокационные станции «ДВИНА», «ДЕСНА» и «СОСНА». В 1960 году под Свердловском системой «ДВИНА» был сбит Пауэрс, американский самолёт-шпион. В те годы радиолокационная техника получила более широкое применение и известность, и мы, как специалисты первых ракетных установок, бывали и на других предприятиях, где требовалась передача квалификации и оперативной готовности для других заводов города и страны.

В 1953 году мне пришлось работать в тех же самых системах, но с другими блоками, освоение которых накладывало на каждого из тех, кто начинал работу, не только на новых элементах схемы, но и в новых условиях, большую ответственность. Тогда мне предложили обучить радиомонтажу девушек в количестве 25 человек, окончивших электротехническое училище. Мне надлежало научить одних работе по механической сборке, других – намотчицами и третьих – радиомонтажу. Одновременно с обучением девушек я также должен был выполнять радиомонтаж очень сложной аппаратуры, входящей в состав этих систем («ДВИНА», «ДЕСНА» и «СОСНА»).

Однажды, это было в феврале 1953 года, меня пригласили в кабинет начальника цеха, где находился курирующий эти заказы заместитель министра радиопромышленности. Должен сказать, что на этих заводах, в том числе на нашем заводе имени Кулакова, представителем министерства был первый заместитель министра радиопромышленности Розанов. Это говорило о важности заказов, поскольку выполнение их определялось международной обстановкой в стране и в мире. Пригласив меня к начальнику цеха, мне предложили в течение предстоящей ночи изготовить 10 комплектов полосовых фильтров. В это время у нас изготавливали их два молодых работника. За двое суток – 10 комплектов. Но из этих 10 проходили проверку по настройке только 1–2 шт., остальные шли в брак. Полосовые фильтры, как необходимый элемент прибора, были крайне необходимы, из-за чего задерживался выпуск приборов системы. Мне предложено было оставить в ночь для работы необходимое количество учеников-девочек: механиков для сборки, намотчиц, монтажниц. Для того, чтобы к утру изготовить фильтры и выдать на регулировку настройщикам. К трем часам ночи мы изготовили 10 штук, из которых только один оказался с браком (не соответствовал полосе пропускания). С их изготовлением приборы, в которые входили поло-

совые фильтры, были выпущены в срок. Надо заметить, что изготовление одного такого фильтра стоило для радиомонтажника, выполняющего все три операции (механическую, намоточную и монтажную) – 50 руб. Таким образом, за 10 шт. – 500 руб. Это было очень много. Надо заметить, что заработная плата в то время была «хорошей», когда зарабатывали рубль на разряд в час. Радиомонтажник 6-го разряда мог заработать 6 руб. в час, 7-го – 7 руб. в час и т.д. Мы в то время работали по 180 часов в месяц урочного времени и 120 часов сверхурочного.

5 марта 1953 года умер И.В. Сталин. Несмотря на важность и срочность работы, мы, несколько человек, поехали в Москву на похороны. Но доехали только до Окуловки, нас развернули – Москва больше не принимала. И мы вынуждены были вернуться домой и продолжить работу.

После изготовления второй партии полосовых фильтров (10 шт.) в брак попали только 2, остальные соответствовали техническим требованиям. В день зарплаты (25 марта 1953) два молодых человека, Сергей и Юрий, которые ранее изготавливали полосовые фильтры, пригласили меня после работы зайти в кафе. Там мы взяли на троих пол-литра водки и любимые свиные сардельки, и эти двое предложили дополнить водку пол-литром чистого спирта, который нам выдавался для промывки деталей. Мы втроем «справились» и с этой «задачей». При этом молодые люди пытались меня «уважить» большим количеством спирта. После чего они, почти в категорической форме, потребовали от меня, чтобы изготовление полосовых фильтров было с меньшим количеством технически пригодных (делать больше брака) для дальнейшего применения. Я возмутился. Тогда они стали мне угрожать физической расправой. Закончив разговор в помещении, мы вышли на улицу, где один из них, Сергей, ударил меня по шее. Развернувшись, двумя легкими ответными ударами приёма, я уложил его на землю. Тут на меня налетел второй. Перебросив его через себя, я положил его рядом. И развернувшись, я направился на остановку, сел на 31-й трамвай, недалеко от кафе на Введенской улице и уехал. С тех пор наши «дружеские» отношения стали чисто официальными.

Надо заметить, что завод, на котором мы изготавливали данные приборы, был совершенно другого профиля. На нём изготавливали типографские машины высокой печати. А наш второй цех был особой секретности. Впоследствии, когда меня избрали секретарем партийной организации 66-го цеха, мне по заданию райкома партии было предложено возглавить комиссию по проверке работы партийной организации завода «Ленотип». Тогда ко мне подошла группа специалистов этого завода,

предложивших новый способ печати печатных изданий без применения машин высокой печати. Поскольку усилия молодых специалистов встречали препятствия для внедрения этого метода, они обратились в нашу партийную комиссию. Об этом мы доложили в письменной форме первому секретарю Петроградского районного комитета партии Меренищеву Николаю Васильевичу. Впоследствии я получил информацию от молодых специалистов о том, что метод, предложенный ими, нашел поддержку администрации завода и был внедрен в производство.

Вернувшись с командировки на свой завод, мы стали внедрять радиолокационные системы нового поколения на более совершенных элементах. При этом контроль за внедрением на новых элементах системы постоянно осуществлялся первым зам. министра радиопромышленности Розановым. Тогда руководство завода выполняло параллельно специальные заказы для военно-морской промышленности, изготовление измерительных приборов генераторов стандартных сигналов. Объем работы цеха по изготовлению генераторов был по трудоёмкости небольшим, но по показателям выполнения плана цехом и заводом был значительный. При этом изготовление измерительных приборов генераторов стандартных сигналов в денежном отношении было очень незначительно, а в общем объеме производственного плана рабочего времени был достаточным для полной загрузки цеха и программы завода в целом. Поэтому руководители цеха и завода не были заинтересованы в том, чтобы при существующем рабочем времени увеличивать объём заказов – это было не выгодно. Дело в том, что это могло быть срывом плановых заказов, поэтому руководителям цеха было важнее выполнение заказов менее трудоёмких и соответственно перевыполнение плана влекло к значительному увеличению премиальной оплаты всего инженерно-технического состава работников (ИТР). При этом рабочие оставались с низкой заработной платой. Всё это приводило к конфликтам рабочих с руководством цеха. Поэтому рабочие стремились получить работу более квалифицированную, а стало быть, и более оплачиваемую, что также приводило к конфликтам при высоких заработках с отделом труда и заработной платы (ОТЗ). В работе высокой квалификации рабочие были особенно заинтересованы не только в получении более высокого заработка, но и в повышении своей квалификации, квалификационного разряда и, в конечном счете, удовлетворения материальных и моральных интересов в своей работе.

Рационализаторские предложения. В этот период времени (1957 г.) наш 66-й цех выполнял большой объем заказов по совершенно новой тех-

нике изготовления наземных радиолокационных станций, систем с использованием ракетной техники. Поскольку трудоёмкость изготовления этих систем требовала большого количества времени, нам, прежде всего радиомеханикам и радиомонтажникам, приходилось работать в исключительно тяжёлых условиях, например, на монтаж блоков 31 и 32 требовалось до месяца напряжённого труда. Это была совершенно новая для нас техника, и в новых условиях приходилось работать по несколько суток не выходя с завода. Поэтому в цехе был сделан бесплатный буфет за счёт директорского фонда, где мы могли выпить чаю с бутербродами, где также были лимонад и папиросы «Беломорканал».

Монтаж прибора 31, который я изготавливал, имел несколько сотен концов, и каждый из них надо было, заделав, припаять с обязательным механическим креплением на контактах платы и прикинув визуально на самом приборе длину этого провода, на его обратном конце закрепить бирку с его номером в соответствии со схемой и положением, где он должен быть закреплён в самом приборе. Таким образом, проведя монтаж прибора, необходимо было его связать определённым образом в жгут непосредственно в приборе. Это представляло и сложность, и неудобство в дальнейшей работе с данным прибором. В это время у меня возникла мысль о том, что жгут, подобный этому, можно предварительно уложить на доске из толстой фанеры в размер изготавливаемого прибора так, чтобы каждый конец схемы (жгута) подходил к соответствующему контакту на платах, на которых навешаны элементы: конденсаторы, сопротивление (резисторы) и др. Это позволило бы каждый конец схемы предварительно подготовить для непосредственного монтажа в приборе. Это значит, что надо было у каждого из концов снять изоляцию, скрутить многожильный провод и, облудив его (покрыть оловом), можно было подготовить для установки жгута в прибор и провести монтаж прибора в соответствии со схемой. Это могло дать большую экономию во времени, качестве монтажа, трудоёмкости и экономии материала (провода). По поводу своей мысли я проконсультировался со старшим военпредом, полковником Владимиром Николаевичем Семёновым, который часто подходил к моему рабочему месту, интересовался ходом проведения монтажа непосредственно в приборе. Поскольку радиолокационные системы не были ещё полностью отработаны конструкторским бюро № 1, которое находилось в Москве, а международная обстановка требовала скорейшего внедрения этих систем, военные представители должны были при изготовлении приборов проверять не только их электрические параметры, но и техническое исполнение. Совершенно новая техника требовала приме-

нения новых элементов с высоким процентом допуска разброса параметров \pm не более 5 %, а это означало высокое качество изготовления элементов, что соответствовало первой высшей группе элементов по их значимости. При этих условиях изготовления приборов требовалась особая аккуратность и точность их установки на монтажных платах, для чего мне приходилось под личным контролем военных представителей проводить монтаж прибора, используя только механическое крепление элемента на плате без осуществления пайки. И только после такого монтажа военный представитель «давал добро» на окончательное изготовление прибора. Это означало то, что надо было осуществить после механического крепления пайку контактов с использованием спец. припоев ПОС 61 или лёгкосплава. Были случаи, когда по предложению военных представителей часть некоторых элементов схемы меняли местами до того, пока была произведена пайка. В этой ситуации дорогостоящие элементы могли быть использованы вторично, поскольку после пайки сохранить элемент в пригодном положении было невозможно. Такой тщательный подход к работе монтажника был обусловлен дефицитом данных элементов и их качество должно быть в пределах допустимого значения, что не всегда могло быть возможным. Всё это, а также большой расход дорогостоящего провода (МГШВ – медный гибкий с шелковой оплёткой и виниловым покрытием) накладывало не только большую ответственность за выполнение монтажа приборов, но и на сокращение количества провода. В то время 1 м провода МГШВ стоил 41 коп. Предложив изготовление жгутов непосредственно на шаблоне, связав их в жгут и обработав концы проводников, я занялся, помимо рабочего времени, по субботам и воскресеньям, изготовлением этого шаблона на прибор 33, у которого было порядка полутора тысяч концов. В столярной мастерской мне изготовили шаблон из 10 мм фанеры величиной 1 м 40 см на 1 м. Я нанес всю монтажную схему в соответствии с монтажной схемой в чертежах и электрической схемой, нарисовав на этом шаблоне, а затем измерив каждый конец жгута необходимой длины, надо было их определённым образом не только уложить на шаблоне, но и закрепить каждый конец так, чтобы можно было по изготовлению и увязки жгута свободно снять его с шаблона. Для крепления концов жгута было несколько предложений, но я остановился на самом простом и элементарном: каждый конец или несколько закреплять между двумя гвоздями, вбитыми на шаблоне на расстоянии один от другого, равном диаметру проходящего между ними провода, с тем, чтобы в дальнейшем, при работе со жгутом, эти концы не могли вываливаться, а держались бы прочно до момента снятия го-

тового жгута с шаблона. Но и этого пока ещё было недостаточно для окончательной обработки жгута. Надо было каждый из концов замаркировать соответствующим номером в соответствии с монтажной и электрической схемами. И здесь было несколько вариантов. Один из первых, по предложению администрации и технолога цеха был такой: на конец каждого проводника навешивать бирку с номером провода и двумя отверстиями, через которые укреплялась эта бирка на проводе. Это создавало большие сложности при укладке проводов на шаблоне, поскольку в местах большого скопления концов, особенно там, где они подходили к элементам реле и штепсельных разъёмов. Поэтому мной был предложен иной путь маркировки: на каждый конец проводника надо было одевать хлорвиниловую трубку длиной 12 мм и внутренним диаметром, равном диаметру вставляемого в трубку провода, и завернув петлёй конец провода в трубку, эта трубка с номером должна оставаться на проводе и при его монтаже, что облегчало возможность работы с прибором и радиомонтажнику, и радиомеханику-настройщику. Для этого мною было предложено изготавливать хлорвиниловые трубки на печатном станке, на котором проводилась маркировка каждой трубки, автоматически отрезалась и поступала в кассу того номера, для которого была предназначена та или другая нумерация трубочек. Всё это давало возможность значительно сократить сроки изготовления прибора в целом, что приводило к полуавтоматической обработке жгута, и значительной экономии дорогостоящего провода.

Отстаивание авторства. Со своим предложением я познакомил старшего военпреда Владимира Николаевича Семёнова. Он одобрил моё предложение и сам предложил мне его оформить в виде *рационализаторского предложения*, что мной и было сделано в 1957 году. К сожалению, путь внедрения претерпел множество препятствий, как для самого внедрения, так и для оформления авторства. Длительный процесс внедрения был обусловлен как большой экономией времени на изготовление приборов, а также большой экономией дорогостоящего провода.

После двух лет, которые потребовались для внедрения этого метода – *изготовление мерных жгутов* в производство, вмешались высшие городские партийные органы и, в частности, по этому поводу приезжал инструктор обкома партии по оборонной промышленности Горский. Начальник цеха Николай Сергеевич Комеко в присутствии инструктора обкома партии сказал, что предложение Живилова ценное и «мы его обязательно внедрим в производство». Правда, ранее технолог цеха Вишнев на моё предложение написал заключение, с которым согла-

сился и Комека, что данное предложение никакой новизны не имеет, а потому внедрению не подлежит.

После посещения инструктора обкома партии в бюро по изобретательству и рационализации завода поступило новое предложение, авторами которого стали руководители цеха. А для большей важности включили в список авторов механика, депутата городского совета В. В. Крылова. После соответствующего замечания начальника бюро по рационализации и изобретательству Ребиндера в число авторов был включён и Живиллов. После этого я возмутился, что я оказался лишь соавтором предложения, которое подали как вновь созданное, и где авторами стали люди, которые не только не помогли, но и всячески противились этому, а технолог Вишнев ещё и написал: «Предложение Живилова не является элементом новизны и рационализации». Теперь они все называли себя авторами моего предложения, ранее внесённого мною 2 года тому назад, и с этим я не мог согласиться. Поэтому я написал заявление в бюро по изобретательству и рационализации завода о том, что я являюсь единственным автором данного предложения. Тут начались баталии. С одной стороны выступал начальник цеха Комеко со всей «командой соавторов» – руководителей цеха, а с другой – только я один без организованного взаимодействия и поддержки. За самоуверенный характер меня перевели в литейный цех контролёром ОТК. Я был отстранён от любимого дела, заработок понизился, но я не сдавался! Чтобы убрать меня с глаз долой, мне неожиданно предложили выехать в длительную командировку на Север, но я не поехал, поскольку на тот момент учился в институте.

И вот однажды на завод прибыла экспертная комиссия высококвалифицированных специалистов во главе с бывшим директором нашего завода Терещенко. Вызвали и меня в кабинет директора завода. Терещенко, обращаясь ко мне, говорит:

– Товарищ Живиллов! Люди работали, а Вы всё хотите себе присвоить. Это же не хорошо.

Тогда я предложил комиссии пройти в цех, где я смог бы показать то, что сделано мной, а вот эти товарищи – пусть покажут, что они сделали! Тогда мы сможем правильно оценить вклад в разработку предложения. На это Терещенко ответил:

– Идти в цех нам незачем. Нам и так всё ясно.

Тогда я, попрощавшись с ними, сказал:

– Тогда мне здесь делать нечего!

И вышел из кабинета директора.

После этого я был исключен из рядов КПСС за дискредитацию администрации.

Вмешались юристы. Сказал своё веское слово президиум Ленинградского городского суда. На суде экспертная комиссия заявила, что Живиллов не стал с ними разговаривать.

– Неправда! – отвечаю, – я предложил комиссии пойти в цех, а они отказались, и поэтому я был вынужден уйти.

Суд шёл два дня 17–18 января 1962 года в закрытом режиме в присутствии прокурора города Ефимовой, которая сказала в своей заключительной речи: «Раньше я только в романах читала подобные вещи, считала, что в жизни у нас такого не бывает. Крайне поражена, как товарищ Живилов мог вынести такие репрессии на протяжении стольких лет, остался жив и здоров».

14 июля 1962 года в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья «Глиняный бастион», в которой корреспондент А. Ионин рассказал обо всём произошедшем на заводе и четко описал развязку: «Суд определил, что именно Живилов является первым и единственным автором успешно внедрённого в производство предложения. Ему и положено вознаграждение. Вступился за него и Петроградский райком КПСС. Он правильно разобрался в деле. Решение парткома об исключении Живилова из партии было отменено, а лиц, допустивших травлю рационализатора, было предложено привлечь к строгой ответственности. Партком объявил Камеко партийное взыскание – выговор с занесением в учётную карточку. А остальные отделались лишь лёгким испугом. Оставалось только посочувствовать членам парткома: трудно, ох, как трудно было самим себя сечь! Чтобы неповадно было другим строить глиняные бастионы на пути технического прогресса!».

Трудовые будни. После суда меня снова перевели в свой цех, и я продолжил свою работу. Работая в качестве радиомонтажника 6-го разряда, мне поручались различного вида работы, часто не соответствующие моей специальности и квалификации. Так было, когда мне предложили в 6 м резиновые трубки диаметром 40 см протянуть множество проводов различного диаметра для соединения между собой блоков приборов. Работа была несложная, но для этого нужно было использовать большую физическую силу, для чего привлекали высококвалифицированных радиомехаников-регулировщиков, поскольку оплата за изготовление таких кабелей была высокой. В этом случае я внес предложение, которое и сам реализовал: использовать существующее атмосферное давление (760 мм рт. ст.), которое мне очень помогло выполнить эту несложную, но дорогоокупаемую работу следующим образом. На материальном складе завода я нашёл металлическую трубу такой же длины, как и резиновая трубка, в которую надо протащить большое количество проводников. Но диаметр трубы на 10 мм был больше диаметра резиновой трубки. На конце этой трубы были газосваркой приварены наконечники, изготовленные на токарном станке с

тем, чтобы можно было резиновую трубку концами завернуть на эти наконечники. Посередине трубы мне просверлили отверстие диаметром, равным штуцеру, к которому крепился шланг от вакуумного насоса. Я откачал из металлической трубы воздух, и атмосферное давление (760 мм рт. ст.) расширило внутренний диаметр резиновой трубки. И мне оставалось только легко и свободно одному, слегка присыпав тальком, протащить весь состав проводов, которые предназначались для изготовления соединительных шлангов. При этом надо заметить, что при выполнении всей этой работы мой заработок в тот месяц оказался более 3000 руб.

Пришел тогда ко мне начальник ОТЗ со словами, что закрыть заработок свыше 3000 они не имеют права, поскольку тогда нужно пересматривать нормы на изготовление шлангов, что было нежелательно. Поскольку изготавливать надо было ежемесячно, а не было ни людей, ни приспособлений, изготовленного и применяемого мною в работе.

В то же самое время мне было предложено провести монтаж комплекта блоков в количестве 6 шт., которые требовали крепления жгутов с большим количеством концов, но заделанных специальными обушками, которые должны были крепиться на платах под двойные гайки (первая гайка закрепляла обушок, а вторая – являлась контргайкой). Работа была элементарная, но надо было вручную торцовыми ключами отворачивать контргайку и гайку крепления. В этом случае я взял на складе небольшой моторчик постоянного тока на 27 вольт, изготовил самодельным путём к нему выпрямитель на полупроводниковых диодах. Также заказал в инструментальном цехе цанговую насадку для этого мотора, для крепления в насадке набора ключей и отверток различных размеров. Приспособив к корпусу моторчика микровыключатель для реверсирования мотора, я получил возможность с большой скоростью как отворачивать гайки, так и вновь ставить на место (заворачивать), когда уже был установлен жгут в приборе. Таким образом, скорость изготовления неизмеримо выросла, а время сократилось. Время изготовления одного блока с 5 дней монтажа сократилось до 5 часов. Поскольку механические работы с винтами и гайками у радиомехаников занимали основное время, решение оформить моё предложение как рационализаторское принято не было, поскольку нужно было в корне изменять нормы механической сборки приборов. В таком случае своим приспособлением я стал пользоваться единолично. При этом мои заработки выросли, а начальник ОТЗ завода стал оформлять часть моих заработков как аккордные (в качестве исключения). Чтобы не входить в конфликт с рабочими цеха по изменению механической сборки (а это могло отразиться и на других цехах), в этот мо-

мент мне было предложено перейти на только что построенное предприятие – Институт высокомолекулярных соединений Академии наук СССР, что на пересечении Большого проспекта и 9-й линии Васильевского острова, инженером по новой технике, которая поступала к нам из различных стран для исследования новых научных разработок. Поскольку в это время я занимался в институте на 4-м курсе по промышленной электронике, я перешёл на работу в ИВС АН СССР в октябре 1962 года.

Институт. Когда я закончил 10 классов, а это было непросто для меня, поскольку моя учёба в школе была прервана с началом войны, в 1941 году я закончил всего 6 классов. А в 1943 году, перед уходом в армию, в кабинете военного комиссара Солигаличского райвоенкомата вместе с другими товарищами, такими же как я, мы сдавали экзамены за 7 классов и со справкой об окончании 7 классов я попал в армию и школу сержантского состава в 8-ю учебную стрелковую бригаду УралВО. Пропустив учёбу в 7-м и 8-м классах, после войны, ещё будучи в армии, в 1949 году я поступил учиться в 9-й класс вечерней школы рабочей молодёжи во время службы в г. Богодухове. Закончив 9-й класс на украинском языке и поступив в 10-й, я окончил школу только в 1954 году после демобилизации. Такой значительный пропуск учебного материала и время службы в армии (13 лет) дали о себе знать, когда я стал заниматься в Северо-Западном политехническом институте на вечернем отделении. Выбирая место будущего обучения, я пытался избрать направление будущей профессии, имея в виду Электротехнический институт и Сельскохозяйственный институт электрификации и механизации сельского хозяйства либо медицинский. По всем трём направлениям у меня были необходимые возможности и желание. Не зная куда подать заявление на поступление, эту «задачу» я несколько дней решал на Дворцовом мосту. И тут я повстречал своего товарища Лёву Рябчикова, с которым мы вместе заканчивали учиться в сменной средней школе, в 10-м классе. Он сдал документы в ЛГУ, был круглым отличником и мне во многом помогал. Тут на мосту у нас с ним произошел диалог: куда мне подавать документы? И вдруг видим как со стрелки Васильевского острова на середину моста, где мы и находились, идет пожилой человек в русской рубашке-косоворотке с поясом. Я подошёл к нему и спросил, извинившись: куда бы он пошёл учиться на моём месте, имея в виду эти три направления?

В начале он посмотрел на меня недоверчиво, но, убедившись в моём решительном намерении выбрать верное направление, ответил мне:

– Я бы, пожалуй, пошёл в Электротехнический.

Тогда я задал встречный вопрос:

– А почему?

– Видите ли, молодой человек, сельское хозяйство – это наука, которую надо, изучив, применять в народном хозяйстве в том объеме, который наукой уже определён. А электротехника, у неё большое будущее!

Я тогда подумал про себя: «Ничего себе, старичок, соображает!».

Поскольку наш разговор не был на этом завершен, мы с ним продолжили путь, свернули на Дворцовую набережную и остановились у Дома учёных им. А.М. Горького. Он говорит мне: «Впрочем, Вы сделайте так, как бы сделал древнегреческий философ, который в подобных случаях предлагал для принятия правильного решения спросить совета у женщины и сделать наоборот. Правда, я не женщина, но человек половинный. Интересно будет, куда же Вы поступите? И если найдёте возможность, то и мне скажите».

– А где же Вас найти? – спрашиваю.

– Да вот здесь. Спросите Вознесенского.

Новый 1955 год я отмечал в кругу учителей Кировского района. Рядом со мной сидел заведующий РОНО, у которого я спросил, кто такой Вознесенский в Доме учёных? Он ответил, что это один из трёх ведущих академиков города, которые решают основные спорные научные вопросы.

А я поступил в Северо-Западный заочный политехнический институт на радиофакультет, впоследствии перешёл на факультет промышленной электроники, который закончил по специальности инженер-электрик по промышленной электронике (элементы и узлы электронной автоматики).

Поступая в институт, мне пришлось встретиться с многими проблемами, которые проявились в результате того, что у меня был большой перерыв в учёбе и отсутствие знаний за 7-й, 8-й и 9-й классы, основные учебные программы, в которых давали ту подготовку, без которой в институте заниматься было очень трудно, почти невозможно. Гуманитарные предметы мне давались не с таким трудом, как математика, физика и другие точные науки. Они потребовали от меня большого усердия. И это проявилось сразу, когда на экзамене по высшей математике меня отправили на пересдачу. Но и на повторных экзаменах, а затем и на комиссии я не справился с программными материалами. В результате я получил сообщение из института об отчислении. Тогда, имея большое желание справиться с недостатками пропущенной школьной программы, я взялся самостоятельно изучить весь курс математики начиная с 4-го класса. Ежедневные, систематические занятия по математике в течение первого месяца после провала на экзамене дали положительные результаты по алгебре, геометрии, тригонометрии. Знание этих предметов позволило мне решать задачи дифференциальных и интеграль-

ных исчислений. После этого мною было написано заявление на имя проректора по учебной работе о предоставлении возможности пересдать экзамен по высшей математике. Моя просьба была удовлетворена. Специальную комиссию возглавил зав. кафедрой по высшей математике. В неё входили преподаватель и председатель экзаменационной комиссии. Они проверяли мои знания в течение двух часов, всё это время я находился у доски. С полученной тройкой я был восстановлен в институте. Мой кропотливый труд дал возможность сдать последний экзамен по высшей математике на 5.

В конечном счёте, мои знания стали необходимыми при завершении учёбы в институте, когда приходилось вести расчеты переходных процессов по электро- и радиотехнике. Но и на этом мои трудности не закончились. Очень слабые знания по иностранному языку также мешали учебному процессу и не давали возможности перейти с одного курса на другой. Поэтому все экзамены за все курсы института (62 зачёта и экзамена) приходилось сдавать с разрешения декана факультета Птицына, который выписывал мне разрешение для сдачи каждого экзамена, за что я признателен ему до сих пор.

Я написал диплом и защитил предварительно курсовой проект на 5, но меня не допустили до защиты диплома, поскольку иностранный язык не был сдан с 1-го курса. Изучать иностранный язык в то время для меня было почти невозможно, и я написал заявление на имя министра высшего и среднего специального образования: «Прошу Вас разрешить защиту диплома без сдачи иностранного языка в порядке исключения». Ответ последовал незамедлительно: *«Звание инженера присваивается лицам, окончившим полный курс института. Иностранный язык является одним из основных предметов ВУЗа. Поэтому удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным»*. Что делать? Столько трудов было положено, чтобы окончить институт, столько всего пришлось преодолеть! И вот теперь, когда всё самое трудное было позади, я вспомнил, как ещё в 5–6-м классах средней школы я изучал немецкий язык, и некоторые слова ещё оставались в памяти. И я стал заниматься немецким языком каждый день. Ходил на лекции 1-го, 2-го и 3-го курсов, где изучали иностранный язык. Если с правописанием я справлялся, то с произношением и переводом были большие трудности. Я сделал специальный личный словарь иностранных слов, который носил в одном кармане, в другом – находился словарь печатный. Я разработал систему прослушивания записей на магнитофоне, приделав его к часам для автоматического включения и выключения. На кассетах были записаны правила правописания, произношения и тексты с переводами. В час ночи магнитофон включался, а в два – выключался.

Такие ежедневные самостоятельные тренировки дали свои результаты. Через 5 месяцев, когда мной были сданы все экзамены по немецкому языку и сделаны переводы всех текстов, меня допустили к защите диплома.

Завод «ВОЛНА». После окончания института, по предложению моих товарищей по работе, я сдал вступительные экзамены на соискание учёной степени, после чего пошел работать в специализированное конструкторское бюро завода «Волна» старшим инженером в 1967 году. А в 1973 году мне предложили создать лабораторию автоматизированного проектирования радиоэлектронной аппаратуры во Всесоюзном научно-исследовательском институте радиопромышленности.

Новая работа в специализированном конструкторском бюро полностью поглотила всю мою деятельность, с учётом полученных знаний и предыдущего умения практической работы, над аппаратурой зондирования эфира «Диспетчер-10». Эта система предназначалась для определения прохождения радиоволн с минимальными помехами для работы радиостанций военного назначения. В конечном счете, эта аппаратура могла позволить с оперативной точностью, при необходимости, переключать как свою радиостанцию, так и своего корреспондента на волну с наименьшим количеством помех с автоматическим управлением своей радиостанцией и радиостанцией корреспондента. В этой работе были впервые применены малогабаритные элементы узлов с применением печатных плат. Хотя монтаж плат производился всё теми же радиоэлементами с существующими в то время резисторами емкостей и индуктивностей с применением полупроводниковых элементов диодов и триодов, платы представляли собой малогабаритные устройства. Но это были ещё не те устройства, которые нам предстояло осваивать в ближайшее время в микроминиатюрном исполнении.

Я был приглашен на эту должность в тот момент, когда работа по изготовлению системы зондирования эфира «Диспетчер 10» была выполнена в виде системы малогабаритных плат. Впереди предстояла работа по конструированию блоков в соответствии с электрической схемой. Все эти малогабаритные платы нужно было свести в определённые блоки, с чем мне и пришлось столкнуться в первые дни на новом месте работы. Большой опыт предварительной работы радиомонтажника и знания, полученные в институте, позволили мне достаточно квалифицированно подойти к делу. Предстояло все элементы, изготовленные на малогабаритных платах, оформить в один комплексный блок и приступить к регулировке этой системы. Однако во время регулировки пришлось столкнуться с пробле-

мой, ранее ещё незнакомой. Когда смотрели последовательное прохождение сигналов от одного блока к другому, обнаружилось, что сигнала, подходящего на вход блока, на выходе не оказывалось. Тогда мы оказались в совершенно незнакомом положении. На контактах плат, уже не в единичном случае, на выходе не оказывалось сигнала, хотя пайки элементов были хорошо выполнены в соответствии с технологией механического крепления элементов и качеством пайки. Это происходило слишком часто, что заставляло нас задуматься о причинах, породивших такую ситуацию. Оказалось, что когда удаляли припой с места соединения элемента с контактом платы, в местах механического крепления между контактом платы и элементом, закреплённом на нём, появлялось большое сопротивление в виде окиси меди, что и стало причиной непрохождения сигнала на выходе. Анализируя многочисленные случаи при настройке приборов, которые стали причиной задержки выпуска данных блоков при сдаче военным представителям, выяснили, что пайка контактов проводилась с нарушением технологии изготовления флюса (состава, изготовленного при растворе канифоли в спирту). При общении с монтажниками в цехе завода стало ясно, что вместо спирта канифоль разводили ацетоном, а ацетон со временем давал окись меди на контактах, где производились пайки, и в результате 4 комплекта приборов были сняты с проверки военпредами и возвращены для полной замены. План производства в тот месяц был сорван.

В этот период, по требованию военных представителей, мы должны были перевести изготовление приборов на другие новые элементы в микроминиатюрном исполнении. Выполнить эту задачу предложили мне, причём в очень сжатые сроки. В это время, с разрешения руководства специализированного КБ, я посещал специальную библиотеку, находящуюся в Инженерном (Михайловском) замке, где были представлены различные схемы на новых элементах: японских, американских, немецких и др. Там, на микроплёнках, с которыми мне пришлось познакомиться, была возможность получить перевод на русский язык от специалистов-переводчиков. Это дало мне возможность в сравнительно короткий срок перевести на новые элементы существующую схему. При этом, сроки были настолько сжатыми (что было связано со 100-летием со дня рождения Ленина), потому что эта работа была включена в соцсоревнование, и неисполнение в срок влекло к невыполнению программы в целом. В этом случае нужно было не только разработать электрическую схему на новых элементах, но и выполнить конструкторские работы по изготовлению данных приборов. Срок был настолько мал, а процесс по технологии сложен, что мы впервые ре-

шили перейти к изготовлению плат и вместо проводников использовать печатные платы с последующей гальванической обработкой. В этом нам помогла опытный конструктор Сергеева Нина Ивановна. Она впервые предложила изготовление печатных плат с применением изолянта вместо туши на чертежах печатных плат. Это значительно сократило время на изготовление конструкторских чертежей и плат по новой технологии. Все обязательства были выполнены в срок.

Тогда, по предложению военпредов, мне было дано задание: описать принцип работы всей системы зондирования эфира с работой каждого узла этой системы с начала её включения до исполнения технического решения всего комплекса системы. Определение необходимой чистоты прохождения сигнала, автоматическое включение и выключение как своей радиостанции, так и радиостанции корреспондента. Описание было выполнено в полном объеме с требованием военных представителей, которые дали высокую оценку для чёткого понимания работы системы, чего ранее, по высказыванию старшего военпреда майора Михаила Абрамовича, не было в достаточно ясном представлении.

Работа во ВНИИРА. В этот момент (в 1973 г.) мне предложили перейти на работу во *Всесоюзный научно-исследовательский институт радиоаппаратуры* (ВНИИРА) на должность начальника лаборатории по созданию автоматизированного проектирования радиоаппаратуры. Вначале не было ни помещения, ни обходимого оборудования. Мне поставили рабочий стол в другой лаборатории. Первыми к нам поступили двухкоординатное графическое устройство (ДГУ) и электронный пишущий автомат (ЭПРА). Для этого в коридоре, возле лаборатории, в которой я сидел, приделали стенку, куда и установили данные аппараты. Они стали прообразами будущих приборов проектирования печатных плат радиоаппаратуры.

Определили нам и штат сотрудников нашей лаборатории № 221 в составе: начальник лаборатории, ведущий инженер, старший инженер, инженер, 3 техника, механик, слесарь-станочник 7-го разряда, впоследствии были введены должности конструкторов 1-й и 2-й категории. В этом составе мы стали знакомиться с материалами системы, с которой нам предстояла большая работа. Первым делом было определено создание рабочего помещения лаборатории. Для оформления лаборатории в штат был принят дизайнер. В соответствии с техническим заданием создания лаборатории проектирования радиоэлектронной аппаратуры, было выделено помещение из 4 комнат и помещение для станочного оборудования. Выполне-

нием обустройства лаборатории вместе со строителями занимались и сотрудники, и вновь принятые на работу специалисты. Для ввода в действие лаборатории проектирования радиоэлектронной аппаратуры стало поступать новое оборудование, с которым и стали знакомиться наши сотрудники ещё до того, как оно было установлено в помещении в соответствии с технологическим процессом будущей системы. Надо было, в первую очередь, познакомиться с описаниями нового оборудования. При этом появилась необходимость разработки переходных устройств своими силами. Данные устройства были предназначены для вывода информации из вычислительных комплексов на исполнительные устройства новой полученной аппаратуры. Переходные устройства мы вынуждены были изготовить своими силами с учётом выходных сигналов из вычислительных машин и входом исполнительных устройств. Были разработаны так называемые перфорирующие устройства совместно со считывающими устройствами в одном комплекте. Таких комплектов нужно было разработать в количестве 5 штук. Здесь подключилась лаборатория № 219, которую возглавлял грамотный и ответственный специалист Олимпиев Борис Владимирович. Он со своим коллективом в короткие сроки разработал и выполнил в металле необходимые перфостойки. К этому нужно добавить, что система могла работать в полном объёме только тогда, когда была разработана математическая программа создания банка данных на элементы и узлы, которые могли быть применимы при разработке электрических схем и изготовлении печатных плат с элементами проверки последних. Создание печатных плат стало возможным, когда появились изоляционные материалы, покрытые тонким слоем фольги. Благодаря этому стало возможным создание печатных плат с нанесением токоведущих проводящих устройств, заменяющих обычные проводники, ранее применяемые в изоляциях. Это было для нас новым в электротехнике и радиотехнике (замена объёмного провода на фольгу, нанесенную гальваническим путём на изоляционные платы диэлектрических материалов, не проводящих электрический ток). На выходе из перфорирующих устройств информация должна быть сопряжена со входом того исполнительного устройства, для которого она была предназначена на выходе перфостойки. Эта информация кодировалась на девятидорожечной перфоленте. Технология разработки и получения печатных плат была сложной и многогранной. Инженеру-разработчику системы предстояло ввести в вычислительную машину информацию разрабатываемого устройства в виде блок-схемы со своими входами и выходами, затем каждая блок-

схема должна быть переработана с помощью вычислительной машины в электрическую схему. После этого электрическая схема получала дальнейшую разработку печатных плат и их проверки на сопротивление изоляции, а потом – сборку в отдельных блоках для окончательного получения необходимых электрических данных на выходе устройства. Весь этот комплекс задач выполняла система, разработанная нами в лабораториях нашего отдела. Надо сказать, что математическое решение создания банка данных на элементы схемы не было доведено до конца. И в этом случае систему использовали только в полуавтоматическом режиме. Объёмное размещение элементов на платах производилось вручную на электрокоординатографах. Это приводило к длительному проектированию выпуска радиоаппаратуры. В этой системе были использованы вычислительные машины БСМ-6 и М-220, а также мини-машина «Саратов». Были также использованы ранее названные двухкоординатное графическое устройство (ДГУ) в количестве 3 штук, электронный пишущий автомат (ЭПРА) и аппаратура полуавтоматического получения перфоленты с телетайпа. Для ввода в вычислительные машины вместо автоматического определения объёмных элементов на схеме. Но у нас не было программного обеспечения установки элементов на схемах печатных плат, и в этом была наша главная проблема.

Однако к концу 1977 года данная система «Автомат-2» была принята для внедрения в производство. Для работы с заказчиками у нас была поставлена специальная аппаратура приёма и передачи информации как для начала проектирования разрабатываемых электрических схем, так и для получения готовых элементов блоков и отдельных плат для заказчиков. Заказы мы могли получать не только непосредственно от заказчиков наших лабораторий, но и от заказчиков из других городов. В частности, у нас были задействованы 3 линии телефонной связи с Московским научно-исследовательским институтом лёгких сплавов, где также находилась аппаратура передачи и приёма информации. Нашей системой к тому времени были заинтересованы не только российские (из Сибирской Академии наук), но и зарубежные организации (стран Варшавского договора и США). Во время знакомства с американской аппаратурой подобного рода, которая была продемонстрирована на международной выставке в Ленинграде, мы имели возможность частично усовершенствовать отдельные элементы устройств. Так, на ДГУ мы использовали более усовершенствованные пишущие элементы с применением японских рапидографов, которые позволили нам получать чертежи более высокого качества.

В связи с отсутствием программного обеспечения на радиоэлементах схемы, система «Автомат-2» работала в полуавтоматическом режиме. Это послужило серьёзным упущением в дальнейшем применении этой системы в производстве. В 1978 году было включено в план использование системы «Автомат-2» в производство, от которой предприятие должно было получить 1 млн руб. экономии, а основная работа приходилась на лабораторию 221. В данной лаборатории находились все основные устройства проектирования и получения чертежей схем спецификаций и изготовления печатных плат. Отсутствие программного обеспечения в банке данных не позволяло нам считать систему проектирования радиоэлектронной аппаратуры «Автомат-2» законченной. В этом случае подписать акт о внедрении системы я отказался. И предложил свой вариант для его доработки. Программисты лаборатории 117, которой руководил начальник отдела, отказались от ведения программного обеспечения в том варианте, который был предусмотрен в техническом задании для данной системы. Моё несогласие было воспринято как недостаточное понимание положения, в котором находились как главный конструктор разработки, так и институт в целом, что вылилось в серьёзный конфликт. Мои обращения о доведении системы «Автомат-2» для полного внедрения в соответствии с техническим заданием имели нежелательный резонанс не только в стенах института, но и на уровне Министерства радиопромышленности. Отчёт по выполнению данной системы был составлен мной с указанием того, что сделано и что предстояло сделать. Я передал его в письменной форме прежде всего для учёного совета института, а также экземпляр в Министерство радиопромышленности. Данный вопрос решался не только на научных уровнях, но и в партийной организации. В выполнении данной системы были заинтересованы не только Министерство радиопромышленности, но и Совет Министров СССР и ЦК партии. Вопросы автоматизации проектирования и производства с помощью системы были включены в программные материалы съезда партии. Это накладывало большую ответственность не только на партийные организации института и Министерство радиопромышленности, но и на каждого из членов партии, которые были исполнителями и отвечали за выполнение госзаказа. В дальнейшем, система «Автомат-2», оказавшаяся незаконченной, была закрыта для дальнейшего финансирования. И участие некоторых её исполнителей оказалось невостребованным.

В 1982 году я приступил к работе по написанию программ для токарных и фрезерных станков с программным управлением, а затем на автоматизированную систему литейного производства с использованием высокочастотных генераторов и ли-

тейных машин с автоматическим управлением. Но к началу 1990 года вопросы автоматизации производства оказались невостребованными, и многие специалисты вынуждены были находить другое место работы, а я, отработав 3 года после выхода на пенсию, уволился с производства. С того времени я активно включился в общественную работу в Ленинградском Совете ветеранов ВДВ.

Часть 2

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

История создания Ленинградского Совета ветеранов ВДВ. Работе Ленинградского Совета ветеранов ВДВ в то время приобрела большую необходимость, а потому и большую известность, поскольку в то время как в нашем городе, так и в стране было большое количество ветеранов, участников Великой Отечественной и Второй мировой войны, которые стремились к воссозданию объединений по частям и подразделениям однополчан.

Ещё в начале 1980-х годов появилось большое количество общественных организаций: батальонов, полков, дивизий, корпусов, отдельных армий и фронтов.

Началом нашей организации, Ленинградский Совет ветеранов ВДВ, стала встреча ветеранов-десантников, участников ВОВ, 39-го Венского воздушно-десантного корпуса, которые собрались на первую встречу ветеранов 31 июля 1987 года в Ленинграде. На встречу приехало 756 человек со всего Советского Союза, которые в разные годы защищали наш город на различных фронтах: Северо-Западном, Волховском, Ленинградском и Карельском. Принимали участие так же и жители блокадного Ленинграда.

Идеей этой встречи послужила встреча ветеранов 39-го корпуса по местам боевых действий на Украине, а предварительная встреча была в Москве, во Внуково, где формировались ВДВ. И на этой встрече во время торжественного банкета, который проходил в Олимпийском городке, было решено следующую встречу (которые мы проводили раз в 2 года по местам боёв) провести в Ленинграде.

Поскольку на этой встрече от Ленинградской организации присутствовал только я, то группа организаторов обратилась ко мне с просьбой о содействии в проведении этой встречи. Понимая желание своих боевых товарищей побывать в Ленинграде, которые принимали активное участие в защите и обороне города, я дал свое согласие на организацию встречи.

В начале января 1987 года я получил письмо от имени Президиума Совета 39-го корпуса, от Председателя Совета полковника Соболева Николая

Александровича. А затем он позвонил мне по телефону. В разговоре мы с ним уточнили как время, так и программу встречи, которую я должен был спланировать, исходя из обстановки и возможностей того времени. Соболев сказал, что на встречу придут не более 300 человек.

К этому времени я познакомился с членами созданной в Ленинграде общественной организации ветеранов войны – однополчан Ленинградской Секции СКВВ, которую в то время возглавлял Председатель И.Ф. Клочков, генерал-майор, герой СССР, а ответственным секретарем был капитан первого ранга И.С. Грязин. Эти товарищи с пониманием и ответственностью отнеслись к нашей просьбе оказать содействие в проведении встречи ветеранов-десантников, участников боевых действий на Ленинградских фронтах.

Программу встречи, которую я предложил Совету ветеранов 39-го корпуса, я предварительно согласовал с руководителями отдельных организаций, с которыми нам предстояло работать во время встречи и ознакомил с ней руководителей Ленинградской секции СКВВ, получив их одобрение, мы стали к ней готовиться. Для этого потребовалось обеспечить гостиницу на 300 человек, проведение торжественного собрания ветеранов, экскурсии по городу и пригородам (поездка на Дорогу Жизни с посещением Петрокрепости и возложение венков на воде по месту прохождения Дороги Жизни, поездка на теплоходах в Петергоф, посещение музея Ленина, посещение Петропавловской крепости, Эрмитажа, Александринского театра, а также посещение Смольного, что было почти невозможным. Нам помог мой большой фронтовой друг, а в то время комендант Смольного Евгений Николаевич Шушин. Также в программу входило проведение банкета).

На организацию встречи каждый должен был прислать по 25 руб. Но тут произошло непредвиденное, когда начали поступать деньги от ветеранов. Я не успевал оформлять переводы. Мне помогали учащиеся 10-го класса, который заканчивал мой младший сын Володя. Благодаря этим ребятам вся эта встреча прошла благополучно. Когда пришло более 700 переводов, мне пришлось повторно обратиться к генеральному директору гостиниц о размещении всех приезжающих ветеранов. Директор возмутился и отказал. Я не стал с ним спорить.

Встреча ветеранов 1 августа 1987 года. 30 июля 1987 года в Ленинград прибыло 756 ветеранов. Мы обосновали свой штаб в гостинице «Советская». Школьники сутками находились в гостинице. Мы сняли специальный номер для размещения штаба проведения встречи. Там ребята составляли списки, занимались размещением. Но когда в гостинице номеров больше не осталось, а ветера-

ны всё прибывали, пришлось направить в Исполком Ленсовета (в Мариинском дворце) делегацию ветеранов на 3 машинах. Председатель Исполкома Владимир Яковлевич Ходырев распорядился пригласить генерального директора гостиниц и меня лично. Здесь генеральный директор с большим пониманием отнёсся к ветеранам: «Наши защитники! Мы сделаем всё, чтобы им было хорошо и приятно провести встречу в нашем городе». Было выделено ещё 3 гостиницы. Встреча проходила 5 дней. Начало встречи было назначено на 31 июля 1987 года в ДК им. И.И. Газа ПО «Кировский завод». Здесь нам помогли партийная организация Кировского района и партийная организация города.

План проведения встречи ветеранов-десантников 39-го гвардейского венского воздушно-десантного корпуса был таков:

Сроки проведения: с 31 июля по 3 августа 1987 года.

Порядок проведения встречи:

30 июля 1987 года, четверг

Прибытие ветеранов, их размещение, регистрация в гостинице «Советская».

Первый день встречи, 31 июля, пятница

1. Теплоходная экскурсия по маршруту: Нева – Петрокрепость – «Дорога Жизни» на Ладозском озере, с выходом в Петрокрепости. Возложение венка на «Дороге жизни».

2. Первое самостоятельное знакомство с городом-героем Ленинградом.

Второй день, 1 августа, суббота

1. Торжественное собрание ветеранов совместно с представителями предприятий и воинских частей в ДК им. И.И. Газа. Доклад о боевом пути корпуса и боевые подвиги гвардейцев-десантников в Великой Отечественной войне. Специально для этой встречи из Москвы, из Музея обороны специальной почтой было выслано знамя 39-го венского воздушно-десантного корпуса. Это было встречено ветеранами с большим воодушевлением.

2. Возложение венков к памятнику Ленина у Смольного. Фотографирование у здания Смольного. Посещение мемориального музея Ленина в Смольном.

3. Посещение Академического театра драмы имени А.С. Пушкина (Александринский театр). Постановка «Фельдмаршал Кутузов».

Третий день, 2 августа, воскресенье

1. Экскурсия в Петропавловскую крепость.

2. Экскурсия в Эрмитаж.

3. Экскурсия в Петродворец по Финскому заливу на «Метеорах». Осмотр Нижнего парка и дворца-музея.

Четвёртый день, 3 августа, понедельник

1. Автобусная экскурсия по маршруту: монумент героическим защитникам Ленинграда – Исаакиевская площадь – Площадь Декабристов – Дворцовая площадь – Марсово поле – особняк Кшесинской – площадь Ленина – Пискаревское мемориальное кладбище с возложением венков.

2. Посещение музея Ленина.

3. Товарищеский ужин в ресторане «Восток», Приморский Парк Победы.

4 августа, вторник

Разъезд ветеранов по месту жительства.

Эта встреча была особо значимой для нас, так как в этом году был образован Ленинградский Совет ветеранов ВДВ.

Ленинградский Совет сегодня. Сегодня, спустя 23 года с момента образования Ленинградского Совета, когда большинство наших ветеранов уже ушли из жизни, а условия нашей дальнейшей деятельности по-прежнему осложнены отсутствием возможности полноценной работы, а также содействия со стороны административных органов, что является серьёзным препятствием в осуществлении намеченных планов. И мы продолжаем существовать только благодаря поддержке Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности и Председателя Комитета по социальной политике Александра Николаевича Ржаненкова. Благодаря их поддержке Ленинградский Совет ветеранов и инвалидов войны ВДВ по-прежнему ведёт работу по социальной помощи нашим ветеранам, организует встречи с учащимися и молодыми воинами запаса.

В 2007–2008 гг. нами была разработана программа «Мира и Дружбы на планете», по важности и значимости сопоставимая с государственной программой разоружения. Наша программа была принята на общем собрании ветеранов ВДВ 26.12.2007 г. и получила поддержку и одобрение со стороны руководства города.

Председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Л.П. Богданов направил нам рекомендации по реализации предложений данной программы и подчеркнул: «... в целях укрепления международных связей ветеранов ВДВ, развития интернационалистской дружбы и воинского братства Комитет согласен с предложением Ленинградского Совета ветеранов ВДВ о создании общественной международной организации ветеранов ВДВ.<...> Комитет принципиально поддерживает

идею о необходимости увековечения памяти героев-десантников и создания памятника на территории Смоленского Православного кладбища».

Также мы получили отзыв о нашей деятельности из Комитета по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями, написанный по распоряжению вице-губернатора А.Ю. Маниловой. В данном письме Председатель Комитета С.Ю. Гришин сообщил: «Выражаем Вам глубокую признательность за активное участие в жизни города и внимание к проблемам молодёжи. Представленная Вами программа направлена на воспитание патриотизма, сохранение исторической памяти у граждан нашей страны».

Председатель Комитета по культуре А.Н. Губанков в своём письме выразил благодарность за «интересные идеи, предложенные в области развития и укрепления патриотизма в нашем обществе».

Мы получили следующий отзыв о нашей работе из Законодательного собрания Санкт-Петербурга: «Комиссия по делам ветеранов поддерживает разработанную Вами международную программу «Мира и Дружбы на планете», так как считает вопросы патриотического воспитания граждан Российской Федерации наиболее важными».

По словам заместителя председателя Комитета по инвестициям и стратегическим проектам М.М. Орджоникидзе: «В наше сложное время подобные мероприятия являются очень актуальными и способствуют укреплению дружеских связей между странами и народами».

Также нам оказывает активную поддержку Комитет по внешним связям Администрации Санкт-Петербурга

Мы очень признательны и благодарны всем, кто нас поддерживает!

За отчётный период с 2004 по 2007 год из жизни ушел 121 ветеран ВДВ. Основная причина ухода из жизни большинства ветеранов – отсутствие лекарственных средств в необходимом количестве, а также отсутствие должного внимания со стороны администрации города. Тем не менее, принятая нами программа «Мира и Дружбы на планете», получившая поддержку многочисленных государственных организаций, даёт нам стимул жить и работать дальше тем составом ветеранов, которые могут активно принимать участие в нашей работе.

Патриотизм и связь поколений. Связь времён и поколений стало для нас в настоящее время самым важным и необходимым, поскольку многие из наших ветеранов перешагнули рубеж 80-летия. Никто другой, кроме ветеранов, не могут осуществить нашу программу, поскольку никто кроме них не знает так хорошо историю прошедшей войны. В своей книге

мы призываем принять участие в работе над нашей программой тех, кто имеет возможность оказать любезное содействие, и, прежде всего участников Великой Отечественной, Второй Мировой и других локальных войн, а также истинных патриотов своей страны!

Нам предстоит большая работа по формированию *связи поколений*.

Соавтор книги, **Екатерина Никитина**, занимающаяся вопросом патриотического воспитания, проводит мысль о том, что на сегодняшний день вопрос о патриотическом воспитании молодёжи в нашей стране является первостепенно-важной задачей. Ведь с утратой чувства патриотизма общество разлагается и расслаивается, составные части которого живут по своим законам, нанося непоправимый вред единству государства, которое необходимо укреплять. После распада Советского Союза Россия так и не нашла новой идеологии для дальнейшего пути развития, таким образом зайдя в тупик. Это негативно отражается, прежде всего, на молодом поколении. Поэтому, вопрос о патриотическом воспитании современной молодёжи необходимо решать на правительственном уровне и, прежде всего, на основе нашей великой истории. Историческое беспамятство лишает молодых людей самого главного – Отечественных корней и патриотизма в лучшем его смысле. В современном мире кумирами молодёжи, в основном, являются не герои российской истории, а представители западной культуры (актёры, музыканты, шоумены и т.д.) как правило, не лучшие их представители. Современная молодёжь имеет довольно смутное понятие о патриотизме и практически не имеет своих исторических идеалов.

Патриотизм – это национальная гордость и народное достоинство, которые следует вырабатывать на примерах героического прошлого. Патриотическое воспитание направлено на развитие личности.

В XXI веке молодое поколение становится движущей силой будущего России. Современная Россия, с одной стороны, является наследницей сильнейшего патриотизма Российской империи и Советского Союза, а с другой – представляет собой совершенно новый социально-культурный феномен.

Сегодня взаимосвязь понятий «молодёжь» и «будущее» очевидна. Уровень развития молодёжи, её культура и образование является стратегическим ресурсом XXI века. Именно поэтому российская молодёжь должна стать гарантом возрождения России, а направлять её должны ветераны. В этом и заключается *связь поколений* в нашем понимании.

Возрождение

На сегодняшний день, когда у нас полностью разработаны все теоретические положения нашей дальнейшей деятельности, все наши усилия направлены на их практическое воплощение. И первым из них должно стать конкретное воплощение разработ-

ки **туристических маршрутов «Дорогами войны – дороги мира и дружбы»**, в чём мы видим глубокий смысл сохранения исторической памяти у молодых поколений, связи с той действительностью, которую прошли участники боевых действий в годы войны. И теперь, когда в различных регионах планеты возникают вооружённые конфликты, память прошлого должна сохраняться и тем самым помочь избежать подобных конфликтов. В этом мы видим прямую связь с международной программой разрушения, над которой работают правительства ведущих стран. Но для осуществления данной программы нам необходимы поддержка и помощь руководителей всех стран мира, заинтересованных в мирном сосуществовании. Это даст возможность определить кто стоит за мир, а кто за войну.

В нашем понимании, участников Великой Отечественной и Второй Мировой войны, и всех тех, кто стоит на позициях решения военных проблем мирным путём, необходимо в определённых случаях проводить научные исследования причин возникновения конфликтных ситуаций. Тогда и только тогда можно будет увидеть не только причины начала военных действий, но и организаторов, и лиц, заинтересованных в создании напряжённой обстановки. Конкретно с ними и надо вести решительную и бескомпромиссную борьбу.

По нашему мнению, сотрудничество с Россией стран Запада обеспечит правильный баланс сил на планете. Международные переговоры стабилизации обстановки и безопасности, признание независимости Абхазии и Южной Осетии Россией – главные результаты решения военного конфликта с Грузией в 2008 г. Мы считаем, что каждый народ имеет право и должен жить на своей этнической территории для сохранения национальной культуры и чтобы избежать причин возникновения военных конфликтов.

После некоторых актов признания, на самом деле, нам всем необходимо задуматься над архитектурой безопасности, которая будет существовать в нашем сложном мире в ближайшие годы. И совершенно очевидно, что события, начавшиеся после грузинской агрессии 8 августа 2008 года, ставят этот вопрос в полный рост в повестку дня.

Прежняя архитектура безопасности доказала свою неэффективность. Это самый главный из ключевых вопросов;

Второй – восстановление российского сельского хозяйства;

Третий – промышленность;

Четвёртый – армия;

Пятый – этнос, этнические образования;

Шестой – мир и дружба между народами;

Седьмой – единая международная сила безопасности.

Нужна **единая международная сила**, для которой необходимо:

1. Устав;
2. Военный контингент. Представители от каждой страны;
3. Военный атташе в каждой стране.

Центром такой организации должна стать **Вена**, столица Австрии.

Программа туристических маршрутов должна стать регулярной и постоянной, а не только приуроченной к какой-либо исторически-памятной дате.

Вторым по значимости вопросом мы считаем введение **Ордена МИРА И ДРУЖБЫ**, который должен стать главным символом движения за мир и дружбу на планете. Как уже говорилось ранее, 5 октября 1990 года на Международном форуме в Австрии мы, участники Второй Мировой войны, дали клятву бороться за мир и дружбу на Земле. И в знак этого события нами был разработан проект ордена «Мира и Дружбы», который может стать главным символом объединения народов.

Для реализации данных проектов необходимо создание единого международного фонда. А в качестве основного места создания мирового порядка на Земле мы предлагаем Австрию, самую миролюбивую и дружелюбную страну.

Третий вопрос – **создание единой международной организации ВДВ**.

Поскольку мы считаем молодёжь главной движущей силой будущего, то мы вносим предложение создать на базе Ленинградского Совета ветеранов ВДВ МЕЖДУНАРОДНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ветеранов-фронтовиков, участников Великой Отечественной и Второй Мировой войн, а также молодых воинов и воинов запаса ВДВ. Для решения данного вопроса нам необходима поддержка Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями, который должен будет возглавить это направление.

27 сентября 2010 г. на очередном заседании в Комитете по социальной политике Администрации Санкт-Петербурга в присутствии Председателя А.Н. Ржаненкова, заместителя Председателя Г.В. Колосовой, начальника отдела по взаимодействию с общественными организациями С.К. Гурова представитель Комитета по молодежной политике выступил перед собравшимися с вопросом объединения усилий данных комитетов по патриотическому воспитанию молодежи. В данном докладе мы видим залог дальнейшего сотрудничества по реализации программы «Мира и дружбы».

Также на данном заседании выступил Председатель Президиума Ленинградского Совета ветеранов ВДВ Н.Н. Живиллов сообщив, что работа в дан-

ном направлении ведется уже три года при активном содействии Комитета по молодежной политике; и что власти региона откликнулись и поддержали предложение о внедрении программы «Мира и дружбы», и работа над программой продолжается.

Председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Л.П. Богданов в своем ответе поддержал идею создания такой организации: «... в целях укрепления международных связей ветеранов ВДВ, развития интернационалистской дружбы и войскового братства Комитет согласен с предложением Ленинградского Совета ветеранов ВДВ о создании общественной международной организации ветеранов ВДВ».

Также Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности поддержал и **четвертый раздел** программы о **создании мемориала воинам-десантникам** на Смоленском Православном кладбище: «Комитет принципиально поддерживает идею о необходимости увековечения памяти героев-десантников и создания памятника на территории Смоленского Православного кладбища».

Уже существует проект мемориала на основе чертежей, сделанных в Академии художеств им. И.Е. Репина. Данный проект был утвержден в Комитете по градостроительству и архитектуре г. Санкт-Петербурга 08.01.2003 г. Основанием для создания мемориала и его финансирования может стать «Соглашение между Правительством Федеративной республики Германии и Правительством Российской Федерации об уходе за военными могилами» № 53 от 20 мая 1999 г.

Нами открыт специальный расчётный счет для финансирования программы «Мира и дружбы на планете».

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ ВДВ

ИНН 780 114 2842
 Р/СЧ 407 038 103 160 000 00 183
 В Филиале «Петровский» ОАО Банк «Открытие»
 ИНН 783 1000 179
 КПП 783 501 001
 БИК 044030766
 КОР. СЧ. 301 018 104 000 000 00 766
 Невский пр.д. 26, г. Санкт-Петербург, Россия, 191186.

Контактные данные Ленинградского Совета ветеранов ВДВ:

199226, Санкт-Петербург, ул. Мичманская, д. 2-1, офис 142, тел.: (812) 352-38-65; (812) 351-87-46; e-mail: lensovvetveteranov-vdv@yandex.ru

ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ!

2011 год замечателен, по крайней мере, двумя событиями. 12 апреля человечество будет отмечать пятидесятилетие начала космической эры – эры освоения человеком ближайшего космоса. Старт был дан советским лётчиком-космонавтом майором Юрием Алексеевичем Гагариным! 12 апреля 1961 года он впервые в истории человечества на советском космическом корабле облетел земной шар и благополучно вернулся на землю! Позже в космосе побывали сотни людей, но первым был Гагарин! Мы – русские люди – не можем не гордиться этим достижением нашей Родины.

На фоне этого грандиозного события (да и по причине секретности!) незамеченным оказалось другое не менее важное и технически сложное достижение советских учёных и конструкторов. 4 марта 1961 года, всего месяцем раньше полёта Гагарина, в нашей стране на Десятом государственном научно-исследовательском полигоне впервые в истории человечества управляемой ракетой с осколочной боевой частью была поражена баллистическая ракета-мишень. Научную и техническую сложность задачи нетрудно оценить даже человеку, далёкому от ракетной техники и систем управления. В намеченную заранее точку встречи на траектории ракеты-цели, движущейся со скоростью около семи километров в секунду, необходимо вывести противоракету с точностью, обеспечивающей поражение цели осколками боевой части противоракеты и в момент их максимального сближения дать команду на подрыв. Заметим, что это было осуществлено в те времена, когда быстродействие и память электронной вычислительной машины была несравнимо меньше, чем у современных компьютеров! Успешный перехват баллистической цели послужил началом создания противоракетной обороны нашей страны.

Только гордость достижениями своей страны может служить основой воспитания патриотизма народа! Вспомним же, как это было.

Само рождение и становление Десятого государственного научно-исследовательского испытательного (балхашского) полигона, пятидесятилетие которого отмечалось в 2006 году, неразрывно связано с именем Григория Васильевича Кисунько – генерального конструктора первой советской противоракетной системы вооружения. Поэтому и первые добрые слова должны быть сказаны именно о нём.

Григорий Васильевич родился в 1918 году в маленькой украинской деревушке Запорожья, в семье паровозного машиниста. После окончания педагогического института в Луганске учился в аспирантуре Института имени Герцена в Ленинграде, где весной 1941 года успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук. С началом Великой Отечественной войны, отказавшись от назначения доцентом в Астрахань, добровольно вступил в народное ополчение, но как высококвалифицированный специалист был направлен не на фронт, а на учёбу в первое в стране Военное училище противовоздушной обороны (ныне Военный институт, филиал Академии имени Можайского в городе Пушкине). Через полгода, получив по окончании училища воинское звание «техник-интендант», он уже обеспечивает боевую работу радиолокационной станции обнаружения воздушных целей в Московском районе ПВО. С 1944 года Кисунько – преподаватель Военной академии имени Будённого. Здесь он защитил докторскую диссертацию и стал начальником одной из первых в стране кафедр радиолокации. В 1950 году решением ЦК ВКП (б) Григорий Васильевич был направлен во вновь создаваемое московское конструкторское бюро (КБ-1) под патронажем Л.П. Берия для работы по созданию первой советской зенитно-ракетной системы вооружения «Беркут», позднее получившей наименование С-25. Система стояла на вооружении Первой армии ПВО особого назначения, включавшей, кроме ракетных баз, четыре корпуса по пятнадцать полков, располагавшихся двумя эшелонами вокруг Москвы и надёжно прикрывавших подступы к столице с воздуха уже начиная с 1956 года. За работы по созданию радиотехнического центра наведения зенитных ракет (РТЦН Б-200) в 1956 году Кисунько был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Как вспоминал сам Григорий Васильевич, история полигона в пустыне Бетпак-Дала Казахстана и войсковой части № 03080 началась с письма семи маршалов Советского Союза во главе с начальником Генерального штаба Соколовским в Правительство СССР. Маршалы поставили вопрос о необходимости начала работ по созданию надёжного щита для защиты от возможного ракетно-ядерного удара вероятного противника, каковым тогда одно-

значно были Соединённые Штаты Америки, активно развивающие свои средства нападения. Письмо было направлено в сентябре 1953 года. Правительство быстро отреагировало, и начались поиски человека, который бы взялся за решение казавшейся тогда многим учёным и конструкторам неразрешимой задачи. По сути, нужно было научиться попадать пулей в летящую пулю! Задача была не менее сложна, чем обеспечение полёта человека в космос! Человеком, рискнувшим взяться за разработку необходимой для этого техники, оказался Г.В. Кисунько. Он и возглавил специальное конструкторское бюро.

Оценку принципиальной возможности поражения головной части баллистической ракеты в полёте было решено провести с помощью экспериментальной системы, получившей название «Система А». Комплекс средств включал: три радиолокатора (РТН), определявших координаты цели и противоракеты триангуляционным методом, пусковую установку (ПУ) и командно-вычислительный центр (КВЦ), с которого осуществлялось управление всеми элементами с помощью ЭВМ М-40.

Когда технические средства были воплощены «в металле» и отработаны на специальных стендах в московском СКБ, встал вопрос о натурных испытаниях, то есть понадобился полигон. Первоначально экспериментальный огневой комплекс противоракетной обороны (ПРО) предполагалось разместить вблизи точек падения баллистических ракет конструктора С.П. Королёва в районе г. Аральска. Но маршал артиллерии Неделин, курировавший работы Королёва от Министерства обороны и предвидевший скорое увеличение дальности их полёта, посоветовал Кисунько полигон создавать западнее озера Балхаш, в практически всегда безоблачной пустыне Бетпак-Дала, а город для военных и гражданских специалистов, участвующих в создании и испытаниях техники, – на берегу озера, обеспечив, тем самым, более или менее приемлемые условия для жизни людей. Так, благодаря Неделину, город стал Приозёрском!

13 августа 1956 года на станции Сары-Шаган Казахской железной дороги высадились войсковая часть № 19313 – Управление военного строительства – в составе тринадцати человек во главе с будущим генерал-майором Губенко. Казахский посёлок представлял собой два-три кирпичных одноэтажных дома, включая Поселковый Совет, школу и клуб, и два десятка глинобитных с плоскими крышами казахских хижин и юрт. Посёлок электрифицирован не был, даже железнодорожный светофор работал на керосине. Председатель Поссовета разрешил прибывшим офицерам разместиться в школе, показал озеро и жалкую харчевню. Уже сле-

дующим утром, как вспоминал Губенко, они отправились искать место для будущего города. Километрах в двадцати от станции на полуострове увидели несколько юрт скотоводов. Место понравилось. Здесь и решили основать жилой городок. Через три дня прибыл первый строительный батальон: 540 солдат и офицеров, вооружённых строительной техникой. Прежде всего, соорудили платформу для приёма грузов. Эшелоны с техникой экспериментального огневого комплекса и строительной пошли непрерывным потоком. Образовалась очередь на разгрузку.

Через несколько дней прибыли первый командир войсковой части № 03080 генерал-майор Степан Дмитриевич Дорохов и генеральный конструктор Григорий Васильевич Кисунько. Строительство полигона началось с технических объектов. Главной задачей было обеспечение испытаний. На месте будущего Приозёрска соорудили только штаб и казармы для прибывающих офицеров и промышленников. Несмотря на запрет, некоторые офицеры приехали с семьями. Всех размещали в казарме, отделяя семьи повешенными на верёвках простынями. Когда на станции собралось пятнадцать строительных частей, большой колонной прямо по Голодной степи двинулись на точку, где должен быть установлен второй радиотехнический центр наведения (РТН). Прокладывая себе дорогу в каменистой безводной пустыне, колонна триста километров шла шесть суток.

На строительстве площадок первой, второй и третьей, где должны были разместиться радиолокаторы, работали тысячи военных строителей. В короткие сроки были построены бетонные заводы (щебень и песок порой доставляли на баржах с противоположного берега Балхаша), в безжизненной степи проложены бетонные дороги, сооружены технические объекты и жильё. Грунт на объектах оказался такой, что нередко приходилось прибегать к взрывчатке. Стройка была действительно ударной. Люди работали, не жалея сил, и днём, и ночью, чтобы обеспечить проведение испытаний в назначенные сроки. И обеспечили! Не было слышно ни жалоб, ни стенаний! Все понимали необходимость создания в чрезвычайно сжатые сроки в ответ на агрессивные намерения США нашей противоракетной обороны!

Первый пуск противоракеты был осуществлён уже в 1957 году. В 1958 году на подготовленные площадки были доставлены и смонтированы все средства огневого комплекса, в том числе и ЭВМ. Начались плановые испытания и доводка техники.

Особым днём следует считать 4 марта 1961 года. В этот день был осуществлён первый в мире перехват головной части баллистической ракеты Р-12 конструктора Королёва про-

тиворакетной В-1000 с осколочно-фугасной боевой частью конструктора Грушина. Мы опередили Соединённые Штаты Америки на двадцать три года!

Эта наша победа на месяц предшествовала полёту в космос Ю.А. Гагарина!

Восхищённый успехами советской науки и техники тогдашний глава советского Правительства Н.С. Хрущёв сказал, что отныне мы – советские люди – способны в космосе попадать в комара. Эти его слова обошли СМИ всего мира. На всей Земле наши друзья восторгались достижениями Советского народа, как и в освоении космоса, в создании ПРО, опередившего США! Особую гордость за свою страну испытывали советские люди! В память об этом событии в Голодной степи позже на пьедестал была поставлена ракета В-1000. Надпись на памятнике гласила, что здесь были сожжены тюльпаны ради того, чтобы советский народ имел возможность мирно трудиться на своей земле. Эти слова принадлежат генеральному конструктору Григорию Васильевичу Кисунько.

Первая боевая система ПРО А-35 проектировалась параллельно с испытаниями экспериментальной. В 1970 году она успешно прошла испытания на полигоне и была поставлена на боевое дежурство по охране столицы нашей Родины Москвы.

Признав своё существенное отставание, американцы в 1972 году пошли на заключение с СССР договора по ограничению развития ПРО. Мы – офицеры-испытатели, трудившиеся не жалея сил и времени ради идеи величия своей Родины, гордились победой над соперниками из США, работавшими за большие деньги над созданием аналогичного оружия на мысе Канаверал.

Кроме противоракетных систем вооружения, на полигоне проходили испытания и доработку зенитно-ракетные комплексы С-75, С-125, С-200, С-300, радиолокаторы дальнего обнаружения воздушных и космических целей и другая военная техника. В обработке результатов натурных испытаний применялись самые совершенные для своего времени ЭВМ. Полигон был на переднем крае советской науки и техники. Там существовала своя адъюнктура, Учёный совет, филиал Новосибирского государственного университета. Стремление офицеров к знаниям всемерно поощрялось командованием. Полигон дал стране целую плеяду круп-

ных учёных. За успешное выполнение правительственных заданий в 1966 году он был награждён орденом Ленина, а в 1981 – орденом Красной Звезды.

Менялись начальники полигона, менялись офицеры-испытатели, а полигон долгие годы, вплоть до нынешнего смутного времени, решал важную задачу по укреплению обороноспособности нашей Родины. Его крёстный отец Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии наук СССР, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии генерал-лейтенант Григорий Васильевич Кисунько был не только большим учёным, конструктором и организатором, но и очень эрудированным, простым в обращении, весёлым человеком, поэтом и бардом. Он оставил нашему народу книгу своих воспоминаний «Секретная зона» и сборники стихов. Песня на его слова и музыка очень популярной в 60-70-е годы песни из кинофильма «Тишина» (начиналась она словами: «Светилась, падая, ракета...»), в те годы была гимном офицеров-испытателей. Мне повезло слышать её в исполнении под гитару самого автора. Вот её первый куплет:

Балхаш сверкает бирюзой, струится небо синевой,
А над площадкою шестою взметнулся факел огневой.
Не в первый раз я вижу это, но как волнуется душа,
Когда летит антиракета над диким берегом Балхаша!

Последний куплет, думаю, пришёл на память Григорию Васильевичу, когда он уходил от нас в мир иной. Наверное, его вспомним в своё время и мы – его соратники:

Когда наступит час инфаркта или другой случится сбой,
Я вспомню день четвёртый марта и красный
вымпел над шестой.
Тогда, быть может, с песней этой, а может,
смолкнуж не дыша,
Я пролечу антиракетой над диким берегом Балхаша!

*Смирнов Игорь Павлович, глен СП России,
Академик Петровской академии наук и искусств,
Полковник Советской Армии в отставке,
Кандидат технических наук, доцент*

г. Пушкин

ИЗ ГЕРОИЧЕСКИХ МАЛЬЧИШЕК

«Немыслимо передать даже тысячную долю того, что совершили дети в годы Великой Отечественной войны». Так говорил легендарный герой той войны, лидер партизанского движения С.А. Ковпак. Дети наравне со взрослыми достойно, с проявлением реального патриотизма делали все для приближения победы: стояли у станков, выращивали хлеб, работали на стройках и на транспорте, выполняли многие другие очень важные и сложные обязанности. Сыны полков, корабельные юнги, юные партизаны участвовали в боевых действиях, разминировали села и города, освобожденные от немецкой оккупации. Герой сегодняшнего интервью – Василий Гудилин, один из героических мальчишек тех лет.

9 февраля Василию Александровичу исполнилось 83 года. За свою долгую жизнь он повидал многое. С двенадцати лет работал в колхозе, стал трактористом. В 1942 году 14-летним сыном полка около четырех месяцев провел на передовой, принимал участие в боевых действиях, ходил в разведку, помогал готовить взрывные работы, сам устанавливал мины. Позднее, в 1944–1945 годах выполнял государственное задание по разминированию территорий и объектов, освобожденных от немецкой оккупации. Василий Александрович лично обнаружил и обезвредил более 4 тысяч различных мин, снарядов и другой взрывной техники. По сей день он остается верным своей военной специаль-

ности, являясь консультантом организации «Бывшие юные минеры», пишет статьи и книги.

– **Как Вы попали на фронт?**

– Когда немцы пришли, они мою маму с младшими, как и других селян, угнали в свой ближний тыл, а я пытался уйти с нашими отступающими войсками. Стал сыном одного из полков и вскоре оказался в одном из стрелковых батальонов 167-й дивизии. Сначала помогал на кухне, выполнял обязанности связного. После адаптации к боевой обстановке вместе с саперами устанавливал мины, с разведчиками ходил в разведку. У меня было преимущество: это были мои родные места, и я знал каждую ямку, канавку, каждый пенек и кочку, даже лисьи норки.

– **А командиром Вы когда стали?**

– На войне поневоле приходится рано взрослеть. В 16 лет, уже в качестве командира взвода, мне пришлось принимать участие в разминировании районов Курской области, которая была буквально вся нашпигована минами, неразорвавшимися снарядами, бомбами. Война разрушила дороги. Их роль выполняли малозаметные тропинки – проходы. Любая попытка свернуть с этих тропинок в сторону нередко заканчивалась подрывом на mine. Мы обязаны были хорошо знать устройство каждой мины, уметь их находить и обезвреживать. 2 года я был командиром отряда, состоявшего из подростков 15–17 лет. Только

нашей командой было обнаружено и обезврежено около 100 000 взрывоопасных предметов в Тербунском районе и около 12 000 в Касторненском районе Курской области.

– **Что же, профессиональных военных не было?**

Этому вопросу я посвятил книгу «Наш вклад в победу». Военные тоже какое-то время участвовали в разминировании, но вскоре ушли с наступающими войсками. А к саперным работам в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 5216 от 19 февраля 1944 года стали привлекать подростков от 15 лет и старше. Наша команда юных минеров позволила вернуть на фронт целый ряд инженерно-саперных частей, без которых наступление было бы за честь считал пойти на передовую, как настоящие солдаты. Но приходилось быть там, где не хватало взрослых.

– **Наверное, опасно, да и страшно было...**

– К сожалению, были случаи, когда даже одна обнаруженная мина становилась для минера не только первой, но и последней. Известная истина, что минер ошибается только один раз, к несчастью, сбавывала. Потери среди юных минеров, конечно же, были немалые...

Десятки раз я и сам был на волосок от смерти. Вот, например, надо было разминировать поле, проверить каждый кусочек земли, а в моем отряде ребята 14–16 лет. Шли в пяти метрах друг от друга, чтобы, если кто взорвется, не всех покосило. На саперов-то толком учиться некогда и негде было. Я предупредил, что если что-то найдут, сразу пусть останавливаются и меня зовут. Слышу, спорят: «Это тротиловая шашка, рыбу глушить, вон тут их сколько». Я подхожу к ним, смотрю – один держит в руках эту шашку, другой – две мины. У шашки чека уже еле-еле держится. Вытащил чеку, отломил от взрывателя и бросил в разные стороны. С минами сделал то же самое, но тут у меня в руках сработал взрыватель! Пальцы обожгло, но мина не взорвалась. Почему не произошло детонации, не знаю.

– **Как к таким «пионерским» частям относились взрослые, местное население?**

Мне много раз приходилось видеть и слышать, с какой искренней радостью жители деревень и сел встречали нас, минеров, пусть и совсем молоденьких, когда мы там появлялись. Они проявляли к нам и особую жалость, видя наш истощенный вид,

рваную одежду и обувь. Возгласы «наши спасители», «наши родные», «милые наши» раздавались в каждой деревне. Очень часто юных минеров называли ласковыми именами, а то и просто «сынками». Старики нередко снимали перед нами головные уборы и склоняли седые головы, уважительно предлагали закурить, делились едой. Они жалели нас как своих родных детей и внуков, и очень часто, провожая на минное поле, долго смотрели нам вслед, крестились и утирали слезы.

– **Что заставляло вас, совсем юных, идти на минное поле?**

– Состояние было такое патриотическое – бегом бежали, если из военкомата позвонят и предложат работу по разминированию. Мы понимали, что если не мы, то некому будет делать эту опасную работу. Отцы-то все на фронте. Мы в самых глубинах души и сознания чувствовали ответственность за судьбу своей Родины, а о том, что погибнем, старались не задумываться.

– **Сейчас далеко не все молодые люди с охотой идут в армию. Это, на Ваш взгляд, можно как-то исправить?**

– Я не знаю, какая ситуация в армии сейчас, я только могу предположить. Мне кажется многое из негатива просто надумано. Не во всех частях плохо. Но лично я переживаю, что молодые люди так недооценивают армию. В наше время обстановка в армии была дружественная, мы старались помогать друг другу, если что-то случалось. Не было никогда драк, никого не принижали. Не было такого понятия как «дедовщина». Командиры были примером для солдат. Было взаимное уважение... Наверное, нужно постоянно рассказывать молодым о том, как вели себя их сверстники в суровых испытаниях. И лучше объяснять суть воинской службы и воинского долга.

– **А кто должен объяснять?**

– Мы все. Я, например, пишу книги, в которых привожу примеры, как служили мы, несовершеннолетние. Вот и сейчас пишу, что я хотел бы обнять свою великую Русь. Пусть народы мира знают, что здесь, на территории Евразии, лежит великая страна, где русский дух, где Русью пахнет. Так было и так будет всегда, поэтому наш долг – сохранять и защищать свою страну. Никто за нас этого не сделает.

Екатерина Святко

Василий ДЕНИСЮК

«РУДОЛЬФ АБЕЛЬ»

Мы снова проникаем в тайны разведки. Разведка стара, как мир. Ей служили многие: смелые, хитрые, находчивые. Кто-то служил ради денег, кто-то выполнял гестно свой долг.

Сегодня вы прочтаете информацию об удивительном человеке, гестно выполнявшем свой долг перед Родиной. Я вспоминаю фильм «Мертвый сезон». Это позже я узнал, что некоторые сюжеты связаны с именем этого Великого разведчика. Мы сегодня должны помнить этих Великих и скромных людей.

Рудольф Иванович Абель (настоящее имя Вильям Генрихович Фишер; 11 июля 1903, Ньюкасл-апон-Тайн, Великобритания – 15 ноября 1971, Москва, СССР) – советский разведчик-нелегал, полковник. Долгое время работал в США, в 1957 году был арестован в результате предательства. В 1962 году был обменян на сбитого над СССР пилота американского разведывательного самолёта Ф.Г. Пауэрса.

Детство и юность

Родился в городе Ньюкасл-апон-Тайн в семье марксистов-политэмигрантов, высланных из России в 1901 году за революционную деятельность. Отец Абеля – Генрих Матвеевич Фишер, уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев, активный участник революционной деятельности, встречался с В.И. Лениным, полиглот, владевший немецким, английским, французским языками. Мать – уроженка г. Саратова, также участвовала в революционном движении. С детства Вильям особый интерес проявлял к естественным наукам. В 16 лет успешно сдал экзамен в Лондонский университет.

В 1920 году семья Фишеров возвратилась в Россию и приняла советское гражданство. Абель работал переводчиком в Исполкоме Коммунистического интернационала (Коминтерна).

Служба в разведке

В 1924 году поступил в Институт востоковедения, но через год был призван в армию, где получил специальность радиста (ученик Э.Т. Кренкеля). После демобилизации работал в НИИ ВВС РККА. В иностранный отдел ОГПУ поступил в 1927 году. Работал по линии нелегальной разведки в двух европейских странах, исполняя одновременно обязанности радиста резидентур нескольких стран Евро-

пы. В 1938 году был уволен из НКВД (из-за недоверия Берии к кадрам, работавшим с «врагами народа») в звании лейтенанта ГБ (капитан) и работал некоторое время во Всесоюзной торговой палате, а затем на авиационном заводе. Неоднократно обращался с рапортами о восстановлении его в разведке.

С 1941 года вновь в НКВД, в подразделении, организующем партизанскую войну в тылу немцев. В. Фишер готовил радистов для партизанских отрядов и разведывательных групп, засылаемых в оккупированные Германией страны. В этот период он познакомился и работал вместе с Рудольфом Абелем, именем и биографией которого он позднее воспользовался.

В ноябре 1948 года было принято решение направить его на нелегальную работу в США для получения информации от источников, работающих на атомных объектах. Он перебрался под именем художника Эмиля Роберта Гольдфуса в США, где руководил советской агентурной сетью, а для прикрытия владел фотостудией в Бруклине. Агентами-связниками для «Марка» (псевдоним В. Фишера) были выделены супруги Коэн.

К концу мая 1949 года «Марк» решил все организационные вопросы и активно включился в работу. Она была настолько успешной, что уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награждён орденом Красного Знамени.

Провал

Чтобы разгрузить «Марка» от текущих дел, в 1952 году в помощь ему был направлен радист нелегальной разведки Хейханен (фин. Reino Häyhänen, псевдоним «Вик»). «Вик» оказался морально и психологически неустойчивым, и через четыре года было принято решение о его возвращении в Москву. Однако «Вик» пошёл на предательство, сооб-

щил американским властям о своей работе в нелегальной разведке и выдал «Марка».

В 1957 году «Марк» был арестован в гостинице «Латам» в Нью-Йорке агентами ФБР. В те времена руководство СССР заявляло, что не занимается «шпионажем». Для того, чтобы дать Москве знать о своём аресте и о том, что он не предатель, Вильям Фишер при аресте назвал именем своего покойного друга Рудольфа Абеля. В ходе следствия он категорически отрицал свою принадлежность к разведке, отказался от дачи показаний на суде и отклонил попытки сотрудников американских спецслужб склонить его к предательству.

Был осуждён на 32 года тюремного заключения (1957). После объявления приговора «Марк» сначала находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем был переведён в федеральную исправительную тюрьму в Атланте. В заключение занимался решением математических задач, теорией искусства, живописью. Писал картины маслом.

Освобождение и возвращение на родину

Советская внешняя разведка предпринимала активные оперативные мероприятия по освобождению Абеля. Под псевдонимом «Юрген Дривс» будущий начальник нелегальной разведки — Управления «С» ПГУ КГБ Юрий Дроздов участвовал в операции по освобождению из тюремного заклю-

чения в США и возвращению на Родину Рудольфа Абеля (Ю. И. Дроздов играл роль немецкого «кузена» Абеля). В деле также принимал участие известный специалист по обмену шпионами Вольфганг Фогель.

10 февраля 1962 года на границе между Западным и Восточным Берлином, на мосту Глинике, Рудольф Абель был обменен на американского пилота Фрэнсиса Пауэрса (сбитого 1 мая 1960 года в районе Свердловска, и осуждённого советским судом за шпионаж) и еще двух американских шпионов, а также американского студента Фредерика Прайера. После отдыха и лечения Фишер вернулся к работе в центральном аппарате разведки. Принимал участие в подготовке молодых разведчиков-нелегалов, на досуге он писал пейзажи. Фишер также участвовал в создании художественного фильма «Мёртвый сезон» (1968), сюжет которого связан с некоторыми фактами из биографии разведчика.

Смерть

Вильям Генрихович Фишер скончался 15 ноября 1971 года, на 69-м году жизни, от рака лёгких. Похоронен на Новом Донском кладбище в Москве рядом с отцом.

Награды

За выдающиеся заслуги в деле обеспечения государственной безопасности СССР полковник В. Фишер награждён тремя орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

О Рудольфе Абеле рассказывает бывший заместитель начальника Первого Главного управления (разведка) КГБ СССР, консультант Службы внешней разведки России генерал-лейтенант Вадим КИРПИЧЕНКО.

– *Вадим Алексеевич, вы были с Абелем лично знакомы?*

– Слово «знакомы» – самое точное. Не более. Встречались в коридорах, здоровались, обменивались рукопожатиями. Вы же учтите разницу в возрасте, да и работали мы на разных направлениях. Я знал, конечно, что это «тот самый Абель». Думаю, в свою очередь, Рудольф Иванович знал, кто я, мог знать должность (на тот момент – начальник африканского отдела). Но, в общем, у каждого – свой участок, по профессиональным делам мы не пересекались. Это было в середине шестидесятых. А потом я уехал в заграникомандировку.

Позднее, когда Рудольфа Ивановича уже не было в живых, меня неожиданно отозвали в Москву и назначили начальником нелегальной раз-

ведки. Тогда я получил доступ к вопросам, которые вел Абель. И оценил по достоинству – Абеля-разведчика и Абеля-человека.

«Мы про него до сих пор не все знаем...»

– В профессиональной биографии Абеля я бы выделил три эпизода, когда он оказал стране неоценимые услуги.

Первый – военных лет: участие в операции «Беземино». Тогда советская разведка создала фиктивную немецкую группировку полковника Шорхорна, якобы действующую у нас в тылу. Это была ловушка для немецких разведчиков и диверсантов. В помощь Шорхорну Скорцени сбросил более двадцати агентов, всех захватили. Операция строилась на радиоигре, за которую отвечал Фишер (Абель). Он провел ее виртуозно, командование вермахта до самого конца войны так и не поняло, что их водят за нос; последняя радиограмма из ставки Гитлера Шорхорну датирована маем 45-го, звучит примерно так: мы больше не можем вам ничем помочь, уповаем на волю Божию. Но вот что важно: малейшая ошибка Рудольфа Ивановича – и операция была бы сорвана. Дальше эти диверсанты могли оказаться где угодно. Понимаете, как это опасно? Сколько бед для страны, сколько наших солдат заплатились бы жизнью!

Дальше – участие Абеля в охоте за американскими атомными секретами. Возможно, наши ученые создали бы бомбу и без помощи разведчиков. Но научный поиск – это затрата сил, времени, денег... Благодаря таким людям, как Абель, удалось избежать тупиковых исследований, нужный результат был получен в кратчайшее время, мы просто сберегли разоренной стране немалые средства.

Ну и конечно, – вся эпопея с арестом Абеля в США, судом, тюремным заключением. Рудольф Иванович тогда реально рисковал жизнью, при этом, с точки зрения профессиональной, держался безупречно. Слова Даллеса, что он хотел бы иметь в Москве трех-четырёх таких же людей, как этот русский, комментариив не требуют.

Конечно, я называю самые известные эпизоды работы Абеля. Парадокс в том, что немало других, очень интересных, и сейчас остаются в тени.

– Засекречены?

– Не обязательно. Гриф секретности со многих дел уже снят. Но есть истории, которые на фоне уже известной информации смотрятся рутинно, неброско (а журналисты, понятно, ищут что поинтересней). Что-то уже просто трудно восстановить. Летописец-то за Абедем не ходил! Сегодня документальные свидетельства его работы расплывлены по множеству архивных папок. Свести их воедино, реконструировать события – кропотливая, долгая работа, у кого дойдут руки? Жаль только, что когда нет фактов – появляются легенды...

– Например?

Мундир вермахта не носил, Капиту не вывозил.

– Например, мне приходилось читать, что в войну Абель работал в глубоком немецком тылу. На самом деле, на первом этапе войны Вильям Фишер был занят подготовкой радистов для разведгрупп. Потом участвовал в радиоиграх. Он тогда состоял в штате Четвертого (разведывательно-диверсионного) управления, архивы которого нуждаются в отдельном изучении. Максимум что было – одна-две заброски в партизанские отряды.

– В документальной книге Валерия Аграновского «Профессия: иностранец», написанной по рассказам другого знаменитого разведчика, Конона Молодого, описана такая история. Юного бойца разведгруппы Молодого сбрасывают в немецкий тыл, вскоре его хватают, приводят в деревню, там в избе – какой-то полковник. Он брезгливо смотрит в явную «левый» аусвайс, слушает сбивчивые объяснения, потом выводит арестованного на крыльцо, дает пинка под зад, швыряет аусвайс в снег... Через много лет Молодой встречает этого полковника в Нью-Йорке: Рудольф Иванович Абель.

– Документами не подтверждается.

– Но Молодой...

– Конон мог обознаться. Мог что-то рассказать,

а журналист его не так понял. Могла быть сознательно запущенная красивая легенда. В любом случае Фишер мундир вермахта не носил. Только во время операции «Березино», когда в лагерь Шорхорна сбрасывались с парашютом немецкие агенты и Фишер их встречал.

– *Еще одна история – из книги Кирилла Хенкина «Охотник вверх ногами». Вилли Фишер во время командировки в Англию (тридцатые годы) был внедрен в лабораторию Капицы в Кембридже и способствовал выезду Капицы в СССР...*

В Англии Фишер тогда работал, но к Капице не внедрялся.

– *Хенкин дружил с Абелем...*

Он путает. Или придумывает. Абель был удивительно ярким и многогранным человеком. Когда видишь такого, когда знаешь, что разведчик, но не знаешь толком, чем занимался, – начинается мифотворчество.

«Я скорее приму смерть, чем выдам известные мне секреты».

– Он отлично рисовал, на профессиональном уровне. В Америке имел патенты на изобретения. Играл на нескольких инструментах. В свободное время решал сложнейшие математические задачи. Разбирался в высшей физике. Мог буквально из ничего собрать радиоприемник. Столярничал, слесарничал, плотничал... Фантастически одаренная натура.

– *И при этом служил в ведомстве, которое не любит огласки. Не жалел? Мог состояться как художник, как ученый. А в результате... стал известен из-за того, что провалился.*

– Абель не провалился. Его провалил предатель, Рейно Хейханен. Нет, я не думаю, что Рудольф Иванович жалел о приходе в разведку. Да, не прославился как художник или ученый. Но, по-моему, работа разведчика гораздо интереснее. Такое же творчество, плюс адреналин, плюс напряжение ума... Это особое состояние, которое очень трудно объяснить словами.

– *Кураж?*

– Если хотите. В конце концов, в свою главную командировку – в США Абель поехал добровольно. Я видел текст рапорта с просьбой направить на нелегальную работу в Америку. Заканчивается примерно так: я, скорее, приму смерть, чем выдам известные мне секреты, свой долг готов исполнить до конца.

– *Какой это год?*

– 1948-й.

– *Уточняю вот почему: во многих книгах про Абеля сказано, что в конце жизни он испытывал разочарование в прежних идеалах, скептически относился к тому, что видел в Советском Союзе.*

– Не знаю. Мы не были настолько близки, чтобы брать на себя смелость оценивать его настроение. Работа наша к особой откровенности не располагает, дома жене и то лишнего не скажешь: исходишь из того, что квартира может прослушиваться – не потому, что не доверяют, а просто в порядке профилактики. Но я бы не преувеличивал... После возвращения из США Абелю организовывались выступления на заводах, в институтах, даже в колхозах. Никакого ерничества над советской властью там не звучало.

Вы еще вот что учтите. Жизнь у Вильяма Фишера была непростая, хотел бы разочароваться – поводов хватало. Не забывайте, в 1938 году он был уволен из органов и очень болезненно это перенес. Очень многих друзей посадили или расстреляли. Он столько лет проработал за границей – что мешало перебежать, затеять двойную игру? Но Абель – это Абель. Думаю, он искренне верил в победу социализма (пусть даже не очень скорою). Не забывайте – выходец из семьи революционеров, людей, близких к Ленину. Вера в коммунизм была впитана с молоком матери. Конечно, умный человек, он все подмечал.

Помню разговор – то ли Абель говорил, то ли кто-то в его присутствии, а Абель соглашался. Речь шла о перевыполнении планов. План не может перевыполняться, потому что план – это план. Если перевыполняется – значит, или посчитали неверно, или разбалансировка механизма. Но это не разочарование в идеалах, скорее конструктивная, осторожная критика.

– *Умный, сильный человек в советское время постоянно выезжает за рубеж. Он же не мог не видеть, что там живут лучше...*

– В жизни не бывает только черного или только белого. Социализм – это бесплатная медицина, возможность дать образование детям, дешевое жилье. Именно потому, что Абель бывал за рубежом, он знал цену и таким вещам тоже. Хотя, не исключая, многое могло его раздражать. Один мой коллега чуть не стал антисоветчиком, побывав в Чехословакии. Он примерял в магазине обувь, и вдруг рядом с ним присел с ботинками тогдашний чехословацкий президент (кажется, Запотоцкий). «Понимаешь, – рассказывал приятель, – глава государства вот так спокойно, как все, идет в магазин и меряет туфли. Его все знают, но никто не суется, обычное вежливое обслуживание. Ты такое у нас можешь представить?». Думаю, что и у Абеля похожие мысли мелькали.

– *Как Абель жил здесь?*

– Как все. У меня жена тоже работала в разведке. Раз заходит потрясенная: «В буфете сосиски выкинули, знаешь, кто в очереди передо мной стоял? Абель!» – «Ну и что?» – «Ничего. Взял свои пол-

кило (больше в одни руки не дают), пошел довольный». Уровень жизни – нормальный средне-советский. Квартира, скромная дача. Насчет машины – не помню. Не бедствовал, конечно, все-таки полковник разведки, приличная зарплата, потом пенсия – но и не роскошествовал. Другое дело, что ему и не требовалось много. Сыт, одет, обут, крыша над головой, книги... Поколение такое.

Без Героя

– Почему Абелю не дали звание Героя Советского Союза?

– Тогда разведчикам – тем более живым, находившимся в строю – Героя вообще не давали. Даже люди, добывшие американские атомные секреты, Золотые Звезды получили лишь в конце жизни. Причем Героев России, их уже новая власть награждала. Почему не давали? Боялись утечки информации. Герой – это дополнительные инстанции, дополнительные бумаги. Может привлечь внимание – кто, за что? Лишние люди узнают. Да и просто – ходил человек без Звезды, потом его долго не было, появляется со Звездой Героя Советского Союза. Есть соседи, знакомые, неизбежен вопрос – с чего бы? Войны же нет!

– Абель пытался писать мемуары?

– Однажды написал воспоминания о своем аресте, пребывании в тюрьме, обмене на Пауэрса. Что-то еще? Сомневаюсь. Слишком многое пришлось бы открывать, а в Рудольфа Ивановича въелась профессиональная дисциплина, о чем можно говорить, о чем нет.

– Зато про него написано невероятно много – и на Западе, и у нас, и при жизни Абеля, и сейчас. Каким книгам верить?

– Я редактирую «Очерки внешней разведки» – профессиональная деятельность Рудольфа Ивановича там отражена точнее всего. А личные качества? Читайте «Незнакомцы на мосту» его адвоката в США Донована.

– Не соглашусь. Для Донована Абель – железный русский полковник. А вот Эвелина Вильямовна Фишер, дог, вспоминает, как отец спорил с матерью из-за грядок на даче, нервничал, если перекладывали бумаги в его кабинетике, довольно насвистывал, решая математические уравнения. Кирилл Хенкин пишет про задушевного друга Вилли, который идейно служил советской стране, а в конце жизни

думал о перерождении строя, интересовался диссидентской литературой...

– Так все же мы – с врагами одни, с домашними – другие, в разное время – разные. О человеке надо судить по конкретным делам. В случае Абеля – делая поправку на время и профессию. Но такими, как он, любая страна во все времена гордиться будет.

Рудольф Абель. Возвращение на родину. Отрывок

«...Дорога шла под уклон, впереди были видны вода и большой железный мост. Недалеко от шлагбаума машина остановилась. У входа на мост большая доска оповещала на английском, немецком и русском языках: «Вы выезжаете из американской зоны».

Приехали!

Мы постояли несколько минут. Кто-то из американцев вышел, подошел к барьеру и обменялся несколькими словами с человеком, стоявшим там. Еще несколько минут ожидания. Нам дали сигнал приблизиться. Мы вышли из машины, и тут обнаружилось, что вместо двух небольших сумок с моими вещами захватили только одну – с бритвенными принадлежностями. Вторая, с письмами и судебными делами, осталась у американцев. Я запротестовал. Мне обещали их передать. Я их получил месяц спустя!

Неторопливыми шагами мы прошли шлагбаум и по легкому подъему моста приблизились к середине. Там уже стояли несколько человек. Я узнал Уилкинсона и Донована. С другой стороны также стояли несколько человек. Одного я узнал – старый товарищ по работе. Между двумя мужчинами стоял молодой высокий мужчина – Пауэрс.

Представитель СССР громко произнес по-русски и по-английски:

«Обмен».

Уилкинсон вынул из портфеля какой-то документ, подписал его и передал мне. Быстро прочел – он свидетельствовал о моем освобождении и был подписан Президентом Джоном Ф. Кеннеди! Я пожал руку Уилкинсону, попрощался с Донованом и пошел к своим товарищам. Перешел белую черту границы двух зон, и меня обняли товарищи. Вместе мы пошли к советскому концу моста, сели в машины и спустя некоторое время подъехали к небольшому дому, где меня ожидали жена и дочь.

Кончилась четырнадцатилетняя командировка!».

Санкт-Петербург

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский ИОАНН (СНЫЧЕВ)

ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ

Предлагаемая читателям статья написана в преддверии великого поста. Для христианина это время покаяния и углубленного самоиспытания, время напряженного молитвенного размышления о путях очищения сердца и умиротворения души, о пригинах своих падений и способах исправления.

Мир устроен так, что подобные вопросы равно существенны и судьбоносны как в жизни отдельного человека, так и в народном, соборном бытии, и в нем не будет строя и лада, если молчит совесть, если нет сознания согрешений, ясного понимания идеала, к которому следует стремиться, и разума – с чего это движение нагиная, где искать помощи и поддержки...

Претендовать на истерпяющие ответы – нелепо. Задача статьи иная – наметить пути, расставить вехи, внести в господствующую тьму пусть малую, но немеркнущую путеводную искру православного вероучения. Господи, благослови!

«Какое слово поставлю в начале моего плача? Какую первую мысль из печальных моих мыслей выразу словом?» – писал в 1847 году архимандрит Игнатий Брянчанинов, сокрушаясь о медленном увядании Святой Руси, о безумии суетного мира, не ведая еще, что Господь уготовал ему славу пламенного ревнителя чистоты Православия, духовного светила Русской церкви и кафедру епископа Кавказского и Черноморского.

Сан архипастыря повелевает блюсти святости веры, совесть христианина не может молчать перед лицом неправды, лукавства и зла, уродующих нашу жизнь. Полтора столетия минуло с тех пор, как прозвучали предупреждения святого подвижника, но при воззрении на нынешнее современное духовное убожество наше, те же слова теснятся в груди моей, невольно срываются с губ...

«Идут, идут страшнее волн всемирного потопа волны лжи и тьмы, – пророчествовал святитель. –

Окружают, со всех сторон готовы поглотить вселенную, истребляют веру во Христа, подавляют Его учение, повреждают нравы, притупляют, уничтожают совесть...». Мы с вами, братия, свидетели того, как волны эти чуть было не погубили в пучине своей Отечество наше, сделав все возможное для превращения русского человека в бездумного, безликого раба вещей и денег, разрушительных страстей и низменных устремлений, бессовестных обманщиков и тщеславных властолюбцев.

Да и то сказать – миновало ли лихо? Гляжу вокруг – и думы горькие, безотрадные теснят-

ся в уме, поражая сердце печалью и болью... Страна моя, Русь моя – что с тобой стало? «Разинули на тебя пасть свою все враги твои, свищут и скрежещут зубами, говорят: “поглотили мы его, только этого дня и ждали мы, дождались, увидели!..”. Зову друзей моих, но они обманули меня... Об этом плачу я; око мое, око мое изливает воды...» (Плач Иер. 2:16; 1:19, 16). Так сетовал некогда древний пророк, рыдая меж развалин разоренных святилищ.

Сии слова Священного Писания прообразуют и наши нынешние скорби.

Но не обилие скорбей, не число врагов, не тяготы предстоящей брани страшат меня, нет! Страшит меня, что на нелегком пути искреннего и глубокого воцерковления поджидает нас сегодня множество ловушек и препятствий. Вразуми нас, Господи, – сподоби найти слово сильное и властное, дабы убедить людей раскаяться в нерадении своем, оторваться от ядовитой мути современной бездуховности, лукавых лжедуховных подделок и припасть к живоносному церковному источнику веры истинной, спасительной. Православной!..

Глубина падения нашего такова, что мы чуть ли не полностью утратили «образ здоровых словес», то есть само понимание, какова должна быть здо-

ровая, неискаженная жизнь души человеческой. Чувствуя всю неестественность, весь ужас нынешнего положения вещей, многие вполне благонамеренные люди просто не знают, не чувствуют – куда же надо идти, в какую сторону выбираться из той смрадной трясины, где мы оказались?

Нам предстоит заново учиться жить. Учиться понимать самих себя и смотреть на мир, свергнув с души отвратительную коросту атеизма, «плюрализма», гордого высокоумия, безумного самолюбия, нелепой самоуверенности. Жизнь человеческая – ее смысл и течение – есть тайна Божия, хранимая в благодатных недрах Церкви Христовой, открывающаяся лишь благоговейному трудолюбивому искателю.

Начать ее постижение должно с того, чтобы в окружающем нас вихре событий и явлений, громких призывов и разнообразных влияний научиться отличать истину от лжи – настоящую, спасительную духовность от неумелого подражания или злонамеренной подделки.

В этот вопрос пора внести ясность. Само понятие о духе – и производное от него понятие духовности – имеет древнее церковное происхождение. Светские ораторы и публицисты лишь заимствуют его для своих целей, забывая почему-то упоминать о первоисточнике. Дух, согласно учению Церкви, есть та сила, которую вдохнул Бог в человека, завершая сотворение его. Он есть искра богоподобия, горящая в душе человеческой, возвышая ее безмерно надо всякой земной тварью.

Совесть – вот первое осязательное проявление духовной жизни.

Ответьте мне, материалисты и рационалисты, скептики и прагматики – кто вложил вам в душу властную потребность следовать в своей деятельности нормам морали и нравственности даже тогда, когда это грозит неудобствами и бедами? Кто определил сами нормы? Кто изобразил в душе вашей идеал жертвенности, чистоты и целомудрия, а проще сказать – святости, который влечет и манит нас неодолимой силой Истины и Любви? Кто всеял в сердце наше жажду праведности и добра, отращения к лицемерию, лжи и подлости?

Бог, всемилостивый и всемогущий, праведный, человеколюбивый и истинный!

«Сообщив духу человека частичку Своего всеведения, Бог начертал в нем и требования Своей святости, правды и благодати, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности, – говорит святитель Феофан, затворник Вышенский, прославившийся высокой жизнью и благодатными дарованиями в конце прошлого века. – Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право и что не право, что угодно Богу и что не угодно, что должно и чего не должно делать, указав – властно понуждает ис-

полнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызениями. Она есть естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей».

Второе проявление духовной жизни есть свойственная нашему духу **жажда Бога**. Даже у людей неверующих выражается она в естественном стремлении ко всесовершенному благу. Взгляните вокруг, оглянитесь на историю человечества: ничто земное не может удовлетворить этой жажды! Бесконечная череда сменяющихся поколений строит и разрушает; созидает, переделывает, обливаясь потом, слезами и кровью, и разрушает вновь – стремясь воплотить на земле недостижимый небесный идеал.

Нет в мире силы, способной погасить всеянную в человека искру духа, если мы сами не отречемся от своего высокого призвания. Сбереечь ее и приумножить, так чтобы в итоге запылал в сердце пламень чистой, всепобеждающей любви – вот в чем смысл жизни, цель нашего земного бытия. Ибо, очистив себя таким образом, без труда войдет душа человеческая в рай сладости Божией, в Царствие Небесное – вечное, от сложения мира уготованное Господом для всех, ревнующих о добре и своем спасении.

В помощника и руководителя на этом пути духовного возрастания и совершенствования дана человеку свыше Святая Церковь Православная.

В нашем осуетившемся сознании понятия о духовных сокровищах Церкви почти не сохранились. Искореженный «менталитет» русского человека конца XX столетия замусорен и поврежден – стыдно сказать – «идеалами» общества потребления, «общечеловеческими ценностями»; парламентским жаргоном и неестественными ужимками «звезд голубого экрана»! Опошлено и изгажено все, что можно. Высокие духовные состояния стали жертвой бездарной имитации бессовестных притворщиков, скрывающих за наигранной экзальтацией пустоту души и скудость ума. Дерзкое пустозвонство притворяется мудростью, похоть – любовью, трусость – кротостью и смирением. Показное нестяжательство скрывает бездну сребролюбия, покаяние превращается в ширму для лицемерия и беспринципности!

Тем более необходимо разоблачить эту ложь, вернув людям истинное понимание христианских добродетелей и совершенств.

Перечень благодатных даров Православия бесконечен, как не имеет конца их первоисточник – Бог вечный и всесовершенный. Святые Отцы, болелзнуя о нашем неведении сих драгоценных благ, свели оные к семи главным, начальным дарованиям духовным, которые служат основой и опорой всего грандиозного здания опытного Богообщения.

Итак: дух православия – есть дух целомудрия, нестяжания, кротости, трезвения, покаяния, смирения и любви.

Не мудрено, что отказавшись от церковного вразумления, мы утратили понимание целомудрия как целостной, совершенной мудрости, неколебимой соблазнами нечистых помыслов и мечтаний; понимание кротости как добродетели силы, погубляющей вспыльчивость и ярость, памятозлобие и раздражительность (эти принадлежности мстительной, оскорбленной слабости); понимание смирения как приобщения к несокрушимому всемогуществу Божию, дарующему власть соблюдать в душе «мир Божий, который превыше всякого ума» (Флп. 4: 7), низлагающему мятежные порывы суетного мира. Наша безумная жизнь низвела имена этих добродетелей до уровня чуть ли не бранных слов, сделал их в сознании многих людей принадлежностями старомодной жеманности или синонимами безволия, бессилия и жалкого соглашательства.

Не мудрено, что лишив себя таких духовных опор, мы превратились в человеческое стадо, жалкое в своем религиозно-нравственном скудоумии и одновременно страшное дикостью и свирепостью нравов.

Дивно то, что пребывая в этом состоянии, мы, похоже, не чувствуем никакой нужды в покаянии – даже не понимаем, что это единственный путь к вере и жизни, единственное средство начать процесс духовного возрождения.

Прислушайтесь, люди!

Покаяние есть величайший дар Бога человеку – второе крещение, в котором, омывшись от грехов, мы снова обретаем благодать, утерянную в падении. Быв грешными – становимся святыми. Оно отверзает нам небо, вводит в рай. Без покаяния нет спасения.

Покаяние не есть публичное самобичевание, но тяжелый и кропотливый внутренний труд по очищению сердца от нравственных нечистот, скопившихся там за время рассеянной, нерадивой, безблагодатной жизни. Покаяться – значит изменить образ жития, прежде всего «прийти в себя» (Лк. 15:17). Это значит увидеть в себе грех: в мысли, слове и действии, осознать его, возненавидеть, а затем употребить благодатные церковные средства для искоренения его из своего существа. Утратив понимание истинной духовности, мы потеряли и здоровое понятие об этом благе.

Плод покаяния – исправление, перемена жизни. Человек должен безжалостно, с корнями вырвать из души пороки и страсти, отвратиться от зла и неправды, приступить ко Господу и начать Ему Единому служить всеми силами души и тела. Кто кается и сознательно согрешает вновь, усугубляет вину, «обращаясь вспять» и попирая милосердие Божие. «Не столько раздражают Бога содеянные нами грехи, сколько наше нежелание перемениться», – говорит св. Иоанн Златоуст.

Теперь о главном.

Напрасны и бесплодны будут самые возвышенные проповеди и призывы, самые мудрые и

благонамеренные советы, если мы не сумеем действительно приложить их к нашей сегодняшней жизни. Поэтому я хочу сказать о неотложных духовных нуждах сегодняшнего дня, но горьким и нелепым будет слово мое.

«Пастырю не нужно обманывать лъстивыми услугами, – гласит древняя святоотеческая мудрость. – Неискусен тот врач, который только слегка ощупывает напухающие извилины ран: сохраняя заключенный внутри, в глубоких извилинах яд, он только увеличивает силу его. Надобно открыть рану, рассечь и очистивши от гноя, приложить к ней сильнейший пластырь. Пусть больной вопиет, пусть кричит, пусть жалуется на нестерпимую боль: он будет благодарен потом, когда почувствует себя здоровым» (Св. Киприан, III век по Р. Х.).

Грозно звучат сегодня эти слова на земле Русской, разоренной и оскверненной, без малого отвергшейся своего великого вселенского призвания, безумно, безрассудно коснеющей в унижении своем, в неприятии отеческого вразумления церковного, искушающей долготерпение Божие своим малодушием и неверием, унынием и своеволием, дерзко отвергающей исцеляющую десницу Господню, посетившую нас нынешними скорбями ради вразумления и уврачевания гордыни.

Никто не знает, сколько еще отпущено нам, чтобы опомниться и исправиться, поэтому каждый, не откладывая, не медля, спроси себя: «Не я ли причина нынешнего позора? Не мой ли грех удерживает Отчизну в бездне падения? Не мое ли нерадение отлагает светлый миг воскресения?». Русские люди, подумайте здраво – среди нас нет никого, кто мог бы оправдаться, случись ему отвечать на эти вопросы не пред земным, пристрастным и слабым человеческим судом, но пред Судией Всеведающим и Всесовершенным.

Покайтесь, пока не поздно! Невинowych нет – «все развратишия, непотребни быша».

Вот уже несколько лет, как по всем земным законам и человеческим расчетам Россия должна пылать в огне гражданской войны, гибнуть во мраке и гладе хозяйственной разрухи, безвластия, беззакония и хаоса. Что же удерживает ее от этой страшной судьбы? Наше рачение и предусмотрительность? Нет! Наша бдительность, мудрость и мужество? Нет! Наше единство, сила и верность долгу? Нет!

Промысел Всеблагого Бога, попирая «чин естества», сокрушая неизбежность земных закономерностей и расчеты многоопытных губителей, хранит Русь на краю пропасти, милосердствуя о нашей слепоте и немощи, давая – в который раз! – время одуматься, раскаяться, перемениться.

И что же? Пользуемся ли мы этим щедрым, незаслуженным даром? Увы, мы ищем оправданий, усматривая причины произошедшего где угодно: в неблагоприятных исторических условиях, в предательстве

вождей, в недостатках ближних, во внешнем влиянии – но только не в самих себе! Полно глумиться над истиной – Бог поругаем не бывает! Мы сами, со своими пороками и страстями: властолюбием и тщеславием, завистью и лицемерием, высокоумием, превозношением и маловерием – причина всех бед!

Да, злобная сила, жаждущая нашего уничтожения, обладает в современном мире огромной мощью и властью. Да, на службу ей был поставлен многовековой опыт разрушения, дьявольское искусство растления и обмана. Но это не оправдание!

Кто не чувствует за собой греха – заблуждается безмерно и пагубно. Винаваты все...

Ужели не давит тяжкий груз ответственности на нашу совесть?.. Опомнимся – безмерно велика доля вины нашей в нынешнем разорении и позоре! Словно в насмешку, мы живем сегодня ценой крушения величайшей державы мира – не нами созданной – проедаая и пропивая остатки исторического наследия, оставленного народу русскому его славными предками.

Если бы, осознав беду, мы – объединившись во спасение России – устремились на борьбу с бесовщиной и нечистью! Мы могли бы загладить свои беззакония, соблюдая избранницу Божию – землю Русскую – в благолепии и чистоте, целомудрии и умиротворении.

Мы должны были озаботиться духовными и житейскими нуждами своего народа, восстановить разрушенное и вернуть нашу жизнь в ее историческую колею, развороченную социальными катастрофами и страшными войнами XX века. Мы должны были обеспечить уважение старости и безмятежное возрастание юности. Святость семейному очагу и достоинство честному труду. Единство народному телу и свободу – русской душе. Так! Таков был наш долг перед Богом, доверившим нам Россию, в нелегкий час.

Что же сделали мы? Равнодушно смотрели как осмелевшие святотатцы и кошунники, стяжатели и честолюбцы растлевают молодежь и грабят стариков, сея по всей земле ядовитые семена ненависти и раздора, алчности и лицемерия!

Продажность чиновников и господство мафии, разгул насилия и невиданное падение нравов – вот плоды нашего равнодушия. Всеобщая апатия и отсутствие идеалов, безответственность, безвластие и попрание всех законов: божеских и человеческих – вот цена наших нынешних «свобод». Мы словно впали в религиозную и нравственную глухоту, слыша – не слышим. И не разумеем, что это к нам из глубины веков обращены разящие слова апостола Павла: «Говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их» (Еф. 4:17-18).

Достойны ли мы ныне называться соотечест-

венниками пламенных ревнителей православно-го благочестия и российского духовного величия – сонмов подвижников Соловецких, Печерских, Троицких; святых благоверных князей Владимира Крестителя, Александра Невского, Димитрия Донского; солнца русской святости – преподобного Сергия Радонежского; стойкого патриота священномученика патриарха Гермогена; ревностного обличителя вредоносных ересей Иосифа Волоцкого и прочих великих единоплеменников наших?

Неужели семьдесят лет сатанинского богоборчества, ужасы резни, учиненной в России изуверами-хриstopродавцами, превратили нас в безгласных и малодушных себялюбцев, безразличных к собственному спасению, благу народа и судьбе Отечества?

Покаемся же – и теплой, сердечной молитвой испросим у Господа сил для стояния во истине и беззаветного служения ей! Знает Сердцеведец Бог, сколь тяжел русский крест, сколь коварен враг, сколь лют и несносен дух уныния, нашептывающий нам:

«Погибла Святая Русь! Умерло былое благочестие в народе русском, померкла державная мощь России!». Не верьте ему, братия и сестры, – он лжет! С Божией помощью – управим маловерные сердца наши, отвечая супротивным силам словами Священного Писания: «Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!» (Ис. 8:10).

С нами Бог – помним ли мы об этом, русские люди? Разумеем ли, что сие не повод для гордыни и возношения, но великий дар, ответ за который держать России в последний день на Страшном суде Христовом?

С нами Бог – когда мы боремся со злом в себе и в мире, боремся без ненависти и мятежа, смиренно и нелицемерно. Но делаем ли мы это?

С нами Бог – когда мы утверждаем «на земли мир и в человецех благоволение», оставив распри и ссоры, обиды и честолюбивые вожделения, когда «единными усты и единым сердцем», совокупив святую ревность, жажду истины и стремление к праведности, устроаем свое земное бытие. Но так ли мы живем?

С нами Бог – когда все силы наши направляем по велениям совести, дабы управить жизнь личную и семейную, общественную и государственную «во всяком благочестии и чистоте», храня сознание высокого достоинства человеческого, не уподобляясь скотам бессмысленным в безоглядной погоне за удовлетворением страстей и похотей. Но стремимся ли мы к тому?

Не обманывайтесь, соотечественники: пока мы отвергаем целительное «иго и бремя» евангельских заповедей, оскорбляя святую ложью и пренебрежением – далеко отстоит от нас Господь, предавая в руки скорбей и бед, чтобы хоть так вразумить тех, кто еще способен ко вразумлению.

Грозен глагол «апостола языков»: «Умертвите... блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостыжаение, которое есть идолослужение, **за которые гнев Божий грядет на сынов противления**» (Кол. 3:5-6).

Внемлите: когда мы оскверняем святыню семьи, этой «малой Церкви», похотью и ложью, прелюбодеянием и склоками, детоубийством (аборты) и беззаконием (разводы) – гнев Божий грядет на нас за то, что противимся Его святым законам.

Когда мы, становясь в безрассудстве своем хуже животных (ибо звери не знают противоестественных пороков), попускаем в России вольготную жизнь проповедникам срамных страстей, растлителям наших детей, душеубийцам, преступникам сто крат более страшным, чем убийцы тела, – гнев Божий грядет на нас как на соучастников беззакония.

Когда мы (как это случилось теперь) превращаем святое понятие Родины в разменную монету для политических авантюристов – гнев Божий грядет на нас, карая предательство и преступную трусость.

Пока мы утопаем в пьянстве, горим алчностью, хвалимся бессовестностью и беспринципностью как «умением жить», гибнем сами и отравляем все вокруг ядовитым дыханием своего бездушия и цинизма (задумайся каждый!) – нет нам помощи Божией и не будет! Будет же – развал и распад, и Россия наша, Святая Русь, станет и дальше терзаться в сатанинском плену, а сами мы – гореть на медленном смрадном огне своих мелких и жалких страстишек!

Запомните все: не покаемся – не очистимся; не очистимся – не оживем душою; не оживем душою – погибнем. Кто желает еще слышать глас увещевания, вслушайтесь в слова пророчеств святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, задолго до катастрофы 1917 года предостерегавшего русское общество: что ждет Россию, если...

«Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог... пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами».

«Откуда эта анархия, эти забастовки, разбои, убийства, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство? От неверия, от безбожия... На почве безверия, малодушия, безнравственности совершается распадение государства. **Без насаждения веры и страха Божия в населении России она не может устоять.** Скорее с покаянием к Богу! Скорее к твердому и непоколебимому пристанищу веры и Церкви!».

«Вера слову Божию, слову истины исчезла и заменена верою в разум человеческий, печать в большинстве изолгалась – для нее не стало ничего святого и досточтимого, кроме своего лукавого пера, нередко пропитанного ядом клеветы и насмешки. Не стало повиновения детей родителям, учащихся учащим... Браки поруганы, семейная жизнь разлагается; твердой политики не стало, всякий политиканствует... все желают автономии... Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать ее инородцам, как Иуда продал Христа злым книжникам и фарисеям... Враги России готовят разложение государства...».

«Отечество на краю гибели. Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие? Снова ли приходиться на землю Христу? Снова ли распинаться и умирать за нас? Нет – полно глумиться над Богом, полно попирает Его святыне законы. **Он скоро придет, но придет судить мир и воздать каждому по делам...** Человек, именующийся христианином, одумайся, возвратись к вере, к здравому смыслу, к слову Божию...».

«Горе тебе – лукавый, непокорный, неблагодарный человек! Все бедствия нынешние, постигшие Россию, постигли ее из-за тебя! Но смотри, скоро наступит и день твоего праведного, страшного воздаяния вечного. Трясись, трепещи, человек, недостойный этого великого имени и скоро жди праведного суда Божия».

«Возвратись, Россия, к святой, непорочной, спасительной, победоносной вере своей и к святой Церкви – матери своей – и будешь победоносна и славна, как и в старое верующее время. Полно надеяться на свой кичливый, омраченный разум. Борись со всяким злом данным тебе от Бога оружием святой веры, Божественной мудрости и правды, молитвою, благочестием, крестом, мужеством, преданностью и верностью твоих сынов».

Братия и сестры! Возлюбленные! Горе нам, если мы и сегодня не прислушаемся к предостережениям великого Кронштадтского старца! Не бывать тогда возрожденной Святой Руси, а нам всем – строго отвечать перед нелицеприятным судом Божиим за то, что презрели свое служение народа-богоносца, предали святыни веры и малодушно уклонились от брани духовной.

Да не будет сего!

Аминь.

Поправка

В № 3 (35) журнала в статье «Душевная мысль поэта» на стр. 102 допущена неточность. Следует читать – Г.Н. Ионин, доктор педагогических наук, профессор Института народов Крайнего Севера РГПУ им. А.И.Герцена.

Редакция приносит автору извинения за допущенную неточность.